

Выпуск № 3, 2024

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2024. Вып. 3

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшянский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2024. Issue 3

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Алексеева А.А.** Рецепция «чужого пространства» в циклах С.А. Есенина
«Персидские мотивы», А.В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана»,
С.М. Городецкого «Ангел Армении» 5
- Андреева В.Г.** О значимом и дорогом голосе писателя: два письма
Е.Л. Маркова к Л.Н. Толстому 12
- Голубков С.А.** Мемуарный текст как пространство литературного
эксперимента 24
- Житенев А.А., Скрябина А.В.** Эстетика Н. Кононова 33
- Кирдянова Е.Р.** Романтические элементы в новелле
Т. Шторма «Иммензее» 42
- Осьмухина О.Ю., Шишонкова М.С.** Хронотоп Дома в романе Дм. Вересова
«Чёрный ворон» 48
- Шевченко Е.С.** «Я тебя не проклинаяю или не прощаю?» Об одной фразе
в повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» 55

Языкознание

- Григорьева Е.М.** Современные тенденции в области учебной лексикографии
(на материале англоязычных орфографических словарей) 62
- Губанов С.А.** Краткая форма признаков слов в творчестве М. Цветаевой:
семантика, грамматика 72
- Калачева Т.А.** Отражение национальной идентичности шотландцев
в толково-энциклопедических словарях
(на материале “Collins Encyclopaedia of Scotland”) 79
- Суворова Н.В.** Народные именованья христианского праздника
Рождество Пресвятой Богородицы в русском и польском языках
(лингвокультурологический аспект) 88

История

- Цивилева В.Е.** Иудео-христианские взаимоотношения в позднеантичном
Клермоне и их отражение в зарубежной историографии 96
- Раевский Л.О.** Городское пространство Альби в XIII—XV веках 105
- Потапов С.А.** Эволюция взглядов Ф. Рузвельта и У. Черчилля на стратегию
ведения войны (декабрь 1943 — апрель 1945): в поисках взаимных
компромиссов 116
- Селезнев Ф.А.** Петрок Малой: спорные вопросы биографии 127
- Балдин К.Е.** Создание и деятельность фабричных больниц в Иваново-
Вознесенске во второй половине XIX — начале XX в. 134
- Ильин Ю.А.** Иваново-Вознесенское жандармское управление: технология
работы политического сыска накануне Февральской революции
(на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска) 145

Философия

- Шульга Е.Н.** Сознание в историко-философском и когнитивном дискурсе 152
- Кожевников Н.Н., Данилова В.С.** Онтологические пред-структуры
и структуры языков сознания 162
- Шукуров Д.Л.** Русская религиозная философия языка
и лингвоориентированный дискурс Ж. Лакана 169
- Финогентов В.Н.** Об одном высказывании Блеза Паскаля 179
- Ерофеева К.Л.** Эстетические аспекты экологического воспитания 188

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Alekseeva A.A.** Reception of “foreign space” in the cycles of S.A. Yesenin
“Persian motifs”, A.V. Shiryaevs “Turquoise teahouse”,
S.M. Gorodetsky “Angel of Armenia” 5
- Andreeva V.G.** About the significant and dear voice of the writer: two letters
from E.L. Markov to L.N. Tolstoy 12
- Golubkov S.A.** Memoir text as a space of literary experiment 24
- Zhitenev A.A., Skryabina A.V.** N. Kononov’s aesthetics 33
- Kirdyanova E.R.** Romantic Elements in T. Storm's novella “Immensee” 42
- Osmukhina O.Yu., Shishonkova M.S.** The chronotope of the house
in D. Veresov’s novel “Black raven” 48
- Shevchenko E.S.** “Am I not cursing you or not forgiving you?”
About one phrase in the story by I.S. Turgenev “Steppe King Lear” 55

Linguistics

- Grigoryeva E.M.** Modern tendencies in learner’s lexicography
(as exemplified in English spelling dictionaries) 62
- Gubanov S.A.** Short form of attributive words in M. Tsvetaeva’s creativity:
semantics, grammar 72
- Kalacheva T.A.** Reflection of Scottish national identity
in explanatory and encyclopaedic dictionaries
(with reference to the “Collins Encyclopaedia of Scotland”) 79
- Suvorova N.V.** Folk names of the Christian holiday of the *Nativity of the Pre-Holy
Virgin* in Russian and Polish (linguistic and cultural aspect) 88

History

- Tsivileva V.E.** Judeo-Christian relations in the Late Antique Clermont
in the reflection of foreign historiography 96
- Raevskii L.O.** The urban space of Albi in the XIII—XV centuries 105
- Potapov S.A.** Evolution of F. Roosevelt's and W. Churchill's views on war strategy
(December 1943 — April 1945): in search of mutual compromises 116
- Seleznev F.A.** Petroc Maly: controversial issues of biography 127
- Baldin K.Ye.** Creation and activity of factory hospitals in Ivanovo-Voznesensk
in the second half of the XIX — early XX century 134
- Ilyin Yu.A.** Ivanovo-Voznesensk Gendarmerie Department:
Technology of Political Investigation on the Eve of the February Revolution
(based on the materials of the Democratic Press of Ivanovo-Voznesensk) 145

Philosophy

- Shulga E.N.** Consciousness in historical-philosophical
and cognitive discourse 152
- Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.** Ontological pre-structures
of conscious languages 162
- Shukurov D.L.** Russian religious philosophy of language and linguistic oriented
discourse of J. Lacan 169
- Finogentov V.N.** About one statement by Blaise Pascal 171
- Erofeeva K.L.** Aesthetic aspects of ecological education 188

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 5—11.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 5—11.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18/19"

DOI: 10.46726/И.2024.3.1

РЕЦЕПЦИЯ «ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА» В ЦИКЛАХ С.А. ЕСЕНИНА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ», А.В. ШИРЯЕВЦА «БИРЮЗОВАЯ ЧАЙХАНА», С.М. ГОРОДЕЦКОГО «АНГЕЛ АРМЕНИИ»

Анастасия Андреевна Алексеева

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия,
alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование имеет своей целью проследить особенности воплощения «чужого пространства» в ориентальных циклах поэтов-новокрестьян С.А. Есенина и А.В. Ширяевца, а также в художественном единстве С.М. Городецкого. В работе предпринимается попытка отобразить национальные детерминанты в изображении неродных просторов в лирических единствах «Персидские мотивы», «Бирюзовая чайхана», «Ангел Армении», созданных названными авторами. В работе обращается особое внимание на стремление лирических героев исследуемых произведений погрузиться в атмосферу другого государства, понять и принять его традиции, особенности культуры и палитру нравов, принятых в ином, с точки зрения национального самосознания, обществе. В результате работы устанавливается, что особенности образного строя рассматриваемых произведений С.А. Есенина, А.В. Ширяевца, С.М. Городецкого свидетельствуют об общности восприятия ими «чужого пространства», основанного на толерантности по отношению к инокультурным реалиям, что оказывается одной из черт национального самосознания русского человека. Итоги исследования фиксируют наличие творческого диалога в художественном наследии поэтов Серебряного века.

Ключевые слова: национальное самосознание, художественная антитеза «свой—чужой», лирический цикл, С.А. Есенин, А.В. Ширяевец, С.М. Городецкий

Для цитирования: Алексеева А.А. Рецепция «чужого пространства» в циклах С.А. Есенина «Персидские мотивы», А.В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана», С.М. Городецкого «Ангел Армении» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 5—11.

Одним из направлений этнопоэтики является имагология как область «рецепции и репрезентации образов “другого”», т. е. чуждого пространства, а также представителей иных культур и конфессий [Зырянов: 12]. По справедливому замечанию Е.В. Папиловой, имагология имеет междисциплинарный характер, который воплощается, например, в функционировании художественной имагологии, отличающейся «высокой степенью достоверности». Эта «достоверность», по точному замечанию исследователя, детерминируется особенностью литературы: она способна к комплексной передаче различных национально детерминированных черт: менталитета, моделей межличностного взаимодействия, характеров, речевого поведения и т. д. [Папилова: 32].

Анализ рецепции образа «чужого» как антипода образу «свой» оказывается одним из способов познания черт собственной национальной культуры. Именно поэтому в вопросе о раскрытии особенностей национального характера русского народа, его мировосприятия плодотворно обращаться к художественным произведениям, призванным отразить взгляд поэтов на инокультурные реалии.

В частности, интерес представляют лирические художественные единства (которые обладают более широкими потенциями, нежели самостоятельные стихотворения, в воссоздании целостной картины мира), призванные отобразить авторскую рецепцию особенностей загадочной Восточной атмосферы (так называемые ориентальные циклы). Именно эпоха Серебряного века обнаруживает актуальность постижения «ориентального» пространства во всём её многообразии, включая этнические особенности, религиозно-философские аспекты и культурологические значения [Чевтаев: 83].

В данной связи обозначается цель настоящего исследования — выявить особенности рецепции «чужого» пространства в циклах поэтов, творивших на рубеже веков. Их анализ позволит определить национально обусловленные факторы, свидетельствующие о наличии точек соприкосновения авторов в формировании образов «другого».

Материалом для исследования в данной статье стали ориентальные лирические единства новокрестьянских поэтов С.А. Есенина «Персидские мотивы» (1924—1925) и А.В. Ширияевца «Бирюзовая чайхана» (1924), а также цикл схожего с названными авторами в эстетических взглядах поэта-символиста С.М. Городецкого «Ангел Армении» (1918).

Знакомство С.А. Есенина с культурой Востока литературоведы датируют началом 1920-х годов, когда поэт обращается к образцам восточной поэзии, а также совершает поездки на Кавказ [Лебеденко: 77—78]. Создание цикла «Персидские мотивы», по мнению исследователей, знаменует новый этап его жизни и творчества. Пережив большие «нравственные потрясения», Есенин уходит от пессимизма, нашедшего свое воплощение, например, в «Москве кабацкой», и обращается к выражению новых смыслов в поэзии, к чистоте «истиной любви» [Исахан: 125]. Именно поэтому «скандальные» стихи упомянутого выше цикла перерастают в мягкие и напевные интонации истосковавшегося по душевному спокойствию странника, очарованного красотой и загадочностью Востока («Сам чайханщик с круглыми плечами, / <...> Угощает меня красным чаем / Вместо крепкой водки и вина» [Есенин: 249]).

При встрече лицом к лицу с традициями Востока лирический герой Есенина предпринимает попытку сопоставить собственную (русскую) этнокультуру и жизненный уклад другого народа, который славится «кинжальными хитростями и драками», прячет женскую красоту под тёмными покровами чадры. Но, даже излечившись от былой душевной «раны» и выйдя из состояния «пьяного бреда», лирический субъект всё же проявляет свой «хулиганский» нрав, о котором Есенин

так часто упоминал в прежних своих произведениях: «*Все равно калитка есть в саду... / Незадаром мне мигнули очи, / Приоткинув черную чадру*» («Улеглась моя былая рана...») [Там же].

Несмотря на то, что есенинский лирический герой чувствует свою чуждость традиционному укладу Востока, он всё же искренне восхищается его волшебной красотой. Об этом, в частности, свидетельствуют используемые автором средства художественной выразительности, призванные передать восторг лирического субъекта, возникающий при восприятии восточного пейзажа («*шафранный край*», «*цветочные чащи*», «*ветер благоуханный*», «*голубая ласковая страна*» и т. д.). Герой очарован и прекрасными восточными женщинами, чья внешность словно впитала в себя красоту природы Персии («*лицом похожа на зарю*», «*прекрасная Лала*», глаза, словно море, «*попыхающее голубым огнём*», «*лебяжьи руки*» и т. д.). Однако даже в обществе восточных красавиц лирический герой мысленно постоянно возвращается на родину, признаётся, что скучает по родным просторам. Появлению таких чувств не могут противостоять ни пьянящий восточный воздух, ни рассказы собеседниц об их «весёлой стране». Полярность русского и восточного понимания взаимоотношений между мужчиной и женщиной, традиционных устоев, которыми контролируется жизнь персиянок, заставляет лирического героя призывать их к отказу от чёрных длинных одежд («*Дорогая, с чадрой не дружись*») [Там же: 258] и даже открыто заявлять о своём несогласии с данной традицией («*Мне не нравится, что персияне / Держат женщин и дев под чадрой*») [Там же: 257]. Но стоит заметить, что такое неприятие не оказывается отталкивающей для лирического субъекта силой, способной перечеркнуть его влюблённость в «шафранный край». Поэтому в минуты прощания он говорит: «*Хороша ты, Персия, я знаю, / Розы, как светильники, горят / И опять мне о далеком крае / Свежестью упругой говорят. / Хороша ты, Персия, я знаю*» («Голубая родина Фирдуси...») [Там же: 265].

Таким образом, лирический герой «Персидских мотивов» передаёт неподдельное восхищение «голубой родиной Фирдуси», стремится понять и осознать её величие и природное богатство. Думается, такой настрой лирического субъекта может быть детерминирован особенностями национального самосознания русских людей, которые обладают феноменальным менталитетом, сформировавшимся на стыке восточной и западной цивилизаций, что обусловлено в том числе и географическим положением России. Толерантность, признающаяся одной из черт русского национального характера [Гарипов: 134], как раз и выражается в «Персидских мотивах».

Схожие с есенинским лирическим героем чувства испытывает лирический субъект в цикле С.М. Городецкого «Ангел Армении». В нём художественно воплощаются события, происходящие на Кавказе в период Первой мировой войны. Сам импульс к созданию названного произведения может быть расценен как фактор, обусловленный особенностями русского менталитета и национального характера, поскольку связан с христианской идеей милосердия и сострадания к ближнему [Орлов: 60]. Поэт отправился в самый эпицентр военного конфликта (столкновения между Арменией и Турцией) для того, чтобы оказывать поддержку беженцам и армянским детям [Шуваева-Петросян]. В данном контексте заслуживает внимания мысль С.В. Смирнова, связывающего стремление к миссионерству, характерное для русского менталитета, с географическим расположением России. Как известно русское пространство находится между Западным и Восточным мирами и играет роль своеобразного защитного барьера [Смирнов].

Уже с первых строк «Ангела Армении» лирический герой погружает реципиента в атмосферу величественности и красоты древнего государства.

Пространство страны описывается яркими и эмоциональными эпитетами («жемчужные венцы», «цветущий сад», «жемчужный сад»). И сама прекрасная Армения ассоциируется с необыкновенной твёрдостью духа, могучей силой сопротивления вражескому нападению: «Я голову пред древностью твоей склоняю / И красоту целую в алые уста. / Как странно мне, что я тебя ещё не знаю. / Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!» («Армения») [Городецкий: 319].

Лирический герой Городецкого действительно верит, что «звнящая огнём и кровью» страна не падёт под натиском противника. Он хочет услышать «воскресенья весть», верит в счастливое будущее древнего государства. Такая позиция также восходит к духовным ориентирам русского национального сознания, ставящего во главу угла ценности и традиции христианства.

В момент прощания с Арменией лирический субъект рассматриваемого цикла передаёт своё восхищение просторами страны, пусть и разрушенной под вражеским огнём, но сохранившей обаяние природы. Лирический герой признаётся, что внутренне он всецело сопереживал попавшему в бедственное положение государству. Однако его во многом пророческие слова о скором освобождении Армении звучат как напутствие, овеянное верой в торжество жизни над смертью, в отсутствие смерти как таковой, что также восходит к христианским представлениям о бессмертии человеческой души:

*Вы вспомните, тени родные,
О песнях моих молчаливых,
О вере моей громогласной,
Что жизнь торжествует победно,
Что смерти зиянье напрасно,
Что люди не гибнут бесследно* («Прощанье») [Там же: 327].

Как известно, Армения так же, как и Россия, привержена христианской вере. Общность вероисповедания, а значит, и нравственных устоев жизни, становится одним из истоков лейтмотива духовного родства, братства, реализуемого в цикле Городецкого.

С нашей точки зрения, в процитированном отрывке неслучайно употребление эпитета «родные», поскольку лирический герой на протяжении всего поэтического повествования транслирует поистине глубокое ощущение единения собственного «я» с окружающими образами природы. Причём сама природа, испытывающая на себе все ужасы войны, все же радует человека и пышным цветением, и урожаем плодов, и обжигающим солнечным светом, что вселяет в сердце каждого, попавшего в ситуацию военного противостояния, надежду на явление всеисцеляющего Ангела, о пришествии которого лирический герой рассказывает в последнем стихотворении цикла. Своё глубокое сожаление о случившемся с Арменией автор вкладывает в уста ангела, парящего над «страной, что всех несчастней стран» [Там же: 327]. В конце произведения звучат слова, которые можно считать призывом божественных сил к тому, чтобы некогда великое государство восстало «из праха и руин», обрела счастливую судьбу [Там же: 328].

Несколько иные интонации присущи лирическому повествованию А.В. Ширяевца. Его цикл «Бирюзовая чайхана» посвящён описанию жизни Туркестана, в котором поэт прожил 17 лет. В нём наиболее отчётливо, с нашей точки зрения, выявляются черты национального самосознания русского человека, вырисовывающиеся за счёт функционирования в поэтическом тексте антитезы «свой—чужой».

Подобно «Персидским мотивам» Есенина, «Бирюзовая чайхана» транслирует неприятие лирическим субъектом традиционного уклада жизни восточного государства. Сама жизнь в Туркестане представляется ему размеренной, тягучей и оттого непривычной широкой русской душе:

*Верблюжьи кости в жёлто-серой глине.
— Какой простор! Но нищ и жалок он!
Кто расколдует этот мёртвый сон
Забывтой Богом и людьми пустыни?* («Голодная степь») [Ширяевец: 168]

Однако лишь начальным произведениям «Бирюзовой чайханы» присущи заунывные интонации и повествовательный характер стихов, почти лишённых тропов. А вот к концу цикла лирический герой уже показывает своё стремление к тому, чтобы отыскать те традиционные черты Востока как особого культурного и духовного пространства, которые пленяли многих художников слова («Смеяться, петь он каждого заставит, / Толкнёт поэтов он к звенящим струнам») [Там же: 171].

И эти грани восточного мира лирический герой вновь находит в образах природы, которые теперь, в отличие от образов, введённых им в начальных стихотворениях цикла, обретают живописность и эмоциональность. Такой художественный эффект Ширяевец достигает благодаря использованию по-восточному изысканных эпитетов («ночи синие с великолепьем лунным», «дни голубые в золотой оправе») и метафор («заката рубины», «степь зажглась от маковой крови», «небесная эмаль»). Лирический герой «Бирюзовой чайханы» признаётся, что Туркестан — не любимый им край. Однако бурная Аму-Дарья, «дочь снегов и ледников», вызывает у лирического субъекта тёплые чувства, поскольку она одна выглядит живой и стремительной на фоне омертвелых пустынь, вызывающих искреннюю жалость («А теперь стало жаль мне сожжённых, пустынных, / Ожидających чуда бескрайних полей») [Там же: 174].

Следует резюмировать, что лирический герой Ширяевца так и не смог обрести единение с краем, где он был вынужден пребывать столь длительный срок, хоть, как сам он признаётся, «не раз <...> пленялся» Туркестаном. В мыслях лирический субъект цикла всегда возвращался на родные просторы (к Волге, в Жигули), где его вольнолюбивая душа находит гармонию и обретает спокойствие. Однако в последнем стихотворении «Бирюзовой чайханы» герой всё-таки обращается к Туркестану на «ты», то есть доверительно и интимно. Он говорит о том, как красива эта солнечная страна. В целом в цикле выражено уважительное отношение автора к национальным особенностям этого восточного края.

В заключение следует отметить, что причины знакомства с «чужим пространством» у рассматриваемых авторов неодинаковы: Есенин был пленён описаниями Персии, что звучали в стихотворениях восточных поэтов; Городецкий участвовал в организации помощи пострадавшему армянскому народу; Ширяевец вынужденно уехал в Туркестан после смерти своего отца. Однако в их циклах при рецепции особенностей жизни в чужом географическом, культурном и духовном пространстве воплощаются такие черты национального русского характера, как страсть к простору, вольнолюбие, любовь к родине, к природе, искреннее сострадание. В циклах Есенина и Ширяевца в большей мере эксплицируются чувства ностальгии и тоски по родине. В произведении Городецкого получает выражение христианское сострадание, стремление помочь ближнему. Однако в целом исследование показывает, что в русском самосознании заложено стремление к познанию иного, непривычного, с одной стороны, а с другой — беспредельная преданность родному краю. Русское сердце оказывается восприимчивым к впечатляющему красотой и загадочностью Востоку,

«шафранный» край пленяет лирических героев своей величием, что находит художественное воплощение в обилии тропов, использованных поэтами в текстах стихотворений. И в этом, как нам кажется, заключается диалектика русской души: принятие чужого пространства и готовность к погружению в него позволяют лирическим героям циклов осознать свою неподдельную любовь к родине, куда они (как мысленно, так и физически) неизбежно возвращаются; духовное родство народов, принадлежащих к одной конфессии (С.М. Городецкий); органическую близость человека и природы.

Список источников

- Городецкий С. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения / сост., комментарии В.П. Енишерлова. М.: Художественная литература, 1987. 479 с.
 Есенин С. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения / сост. и коммент. А.А. Козловский. М.: Наука; Голос, 1995. 672 с.
 Ширяевец А.В. Песни волжского соловья. Тольятти: Фонд Духовное наследие, 2007. 276 с.

Список литературы / References

- Гарипов Р.К. Толерантность и национальное самосознание: монография. Уфа: БашГУ им. М. Акмуллы, 2011. 189 с.
 (Garipov R.K. Tolerance and national identity: monography, Ufa, 2011, 189 p. — In Russ.)
 Зырянов О.В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 8—15.
 (Zyryanov O.V. Problem-methodological field of modern ethnopoetics, *Philological class*, 2019, no. 1 (55), pp. 8—15. — In Russ.)
 Исахан И. Тема Востока в творчестве Сергея Есенина: на материале цикла «Персидские мотивы» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 124—127.
 (Isakhan I. The theme of the East in the work of Sergei Yesenin: on the material of the cycle “Persian motifs”, *Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2018, no. 4, pp. 124—127. — In Russ.)
 Лебеденко В.А. «Пушкинский след» в цикле С.А. Есенина «Персидские мотивы» // Современное есениноведение. 2020. № 3 (54). С. 77—80.
 (Lebedenko VA “Pushkin's Trail” in the S.A. Yesenin's cycle “Persian motifs”, *Contemporary Yeseninovedenie*, 2020, no. 3 (54), pp. 77—80. — In Russ.)
 Орлов М.О. Русская идея: историко-философские и социальные основания // Известия Саратовского университета. Т. II. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Вып. 3. С. 58—62.
 (Orlov M.O. The Russian idea: historical-philosophical and social foundations, *Journal of the Saratov University, Vol. II. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, iss. 3, pp. 58—62. — In Russ.)
 Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31—40.
 (Papilova E.V. Imageology as a humanitarian discipline, *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Philological sciences*, 2011, no. 4, pp. 31—40. — In Russ.)
 Смирнов С.В. Природный фактор формирования русского национального характера // Общество: религия и наука (история, философия, традиции, особенности и генезис духовных и культурных ценностей): монография / под общ. ред. О.И. Кирикова. Кн. 5. М.: Наука: информ; Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 100—115.
 (Smirnov S.V. A natural factor in the formation of the Russian national character, *Society: religion and science (history, philosophy, traditions, peculiarities, and genesis of spiritual and cultural values): monography*, ed. by O.I. Kirikova. Book. 5. Moscow, Voronezh, 2013, pp. 100—115. — In Russ.)

Чевтаев А.А. Лунарная «женственность» в «ориентальном» пространстве: стихотворение Н. Гумилева «Константинополь» // *Филологос*. 2021. № 3 (50). С. 81—91.

(Chevtaev A.A. Lunar “femininity” in the “oriental” space: N. Gumilev’s poem “Constantinople”, *Philologos*, 2021, no. 3 (50), pp. 81—91. — In Russ.)

Шуваева-Петросян Е. Ованес Туманян — «Ты стал средь нас родной Иван» // *Поэтоград*. 2010. № 3. С. 2.

(Shuvaeva-Petrosyan E. Hovhannes Tumanyan — “You have become our dear Ivan”, *Poetograd*, 2010, no. 3, p. 2. — In Russ.)

RECEPTION OF “FOREIGN SPACE” IN THE CYCLES OF S.A. YESENIN “PERSIAN MOTIFS”, A.V. SHIRYAEVTS “TURQUOISE TEAHOUSE”, S.M. GORODETSKY “ANGEL OF ARMENIA”

Anastasia A. Alekseeva

Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russian Federation, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Abstract. Abstract. This study aims to trace the features of the embodiment of “foreign space” in the oriental cycles of the New Peasant poets S.A. Yesenin and A.V. Shiryayevts, as well as the artistic unity of S.M. Gorodetsky. The work attempts to display national determinants in the image of non-native spaces in the lyrical units “Persian motifs”, “Turquoise teahouse”, “Angel of Armenia”, created by the named authors. The work draws special attention to the desire of the lyrical heroes of the studied works to immerse themselves in the atmosphere of another country, to understand and accept its traditions, cultural characteristics and the palette of mores adopted in a different, from the point of view of national self-consciousness, society. As a result of the work, it is established that features of the figurative structure of the considered works by S.A. Yesenin, A.V. Shiryayevts, S.M. Gorodetsky testify to the commonality of their perception of “foreign space”, based on tolerance towards foreign cultural realities, which turns out to be one of the features of the national self-consciousness of a Russian person. The results of the study make a certain contribution to the development of ideas about the embodiment of the “Russian idea” in Russian literature and record the presence of a creative “dialogue” in the artistic heritage of the poets of the Silver Age.

Keywords: national self-consciousness, artistic antithesis “friend or foe”, lyrical cycle, S.A. Yesenin, A.V. Shiryayevts, S.M. Gorodetsky

For citation: Alekseeva A.A. Reception of “foreign space” in the cycles of S.A. Yesenin “Persian motifs”, A.V. Shiryayevts “Turquoise teahouse”, S.M. Gorodetsky “Angel of Armenia”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 5—11.

Статья поступила в редакцию 03.08.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 03.08.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 26.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Алексева Анастасия Андреевна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Alekseeva Anastasia Andreevna — Candidate of sciences (Philology), teacher of the Russian language department, Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russian Federation, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 12—23.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 12—23.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/И.2024.3.2

О ЗНАЧИМОМ И ДОРОГОМ ГОЛОСЕ ПИСАТЕЛЯ: ДВА ПИСЬМА Е.Л. МАРКОВА К Л.Н. ТОЛСТОМУ

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва; Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия,
lanfra87@mail.ru

Аннотация. В статье впервые в литературоведении рассматриваются два письма Е.Л. Маркова к Л.Н. Толстому, которые не были ранее опубликованы. Письма, хранящиеся в рукописном отделе Государственного музея им. Л.Н. Толстого в Москве, проанализированные в данной работе, содержат важную информацию, необходимую для описания взаимоотношений известного писателя и педагога, проведения значимых параллелей. Автор статьи осмысливает точки сближения и расхождения двух современников, их взгляды на педагогику, художественное творчество, раскрывается полемическое отношение Маркова ко многим крайностям Толстого, а при этом его глубокое восхищение талантом писателя и его способностью к наполненной жизни в деревне. Впервые образ Толстого-хозяина, педагога, земского деятеля и агронома рассматривается как прототип героя Суровцева в романе Маркова «Черноземные поля». Письма Маркова позволяют прояснить некоторые важные моменты и детали жизни Толстого, а также содержат глубокую мысль о степени влияния выдающегося человека на окружающих его людей, особенно на круг его общения. В статье показано возможное влияние идей Маркова, его педагогического опыта на Толстого, отмечается, что определенная полемика, развернувшаяся между Толстым и Марковым по поводу вопросов народного образования, могла косвенно повлиять и на важнейшие историко-философские проблемы, поднятые писателем позднее в романе-эпопее «Война и мир».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Е.Л. Марков, переписка, педагогика, журнал «Ясная Поляна», обучение, крестьянские дети, творческое взаимовлияние

Для цитирования: Андреева В.Г. О значимом и дорогом голосе писателя: два письма Е.Л. Маркова к Л.Н. Толстому // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 12—23.

Несмотря на почти полностью опубликованное наследие Толстого, в его корреспонденции с писателями, публицистами и литераторами до сих пор остается немало пропусков и пробелов. Они связаны преимущественно с отсутствием полных научных комментариев, а также подробного анализа важнейших фактов и событий, раскрывающих взаимодействие талантливых современников, их творческое и человеческое влияние друг на друга.

Но в ситуации с перепиской Толстого и Маркова все обстоит еще сложнее. Не только читатели, но и литературоведы фактически не знают истории взаимоотношений Толстого и талантливого педагога, очеркиста, писателя третьего ряда Маркова, между тем, эта небольшая переписка открывает ценные факты, связанные с жизнью и деятельностью авторов, их убеждениями. Данная статья

восстанавливает значительное упущение толстоведения, заключающееся в забвении фигуры Маркова, его статей о Толстом и творчестве писателя, яснополянской школе и журнале «Ясная Поляна». В работе впервые вводятся в научный оборот цитаты из неопубликованных писем Маркова к Толстому, рукописи которых хранятся в Государственном музее им Л.Н. Толстого в Москве.

Сейчас мы располагаем всего лишь двумя сохранившимися письмами Маркова к Толстому, ответные письма Толстого, к сожалению, не сохранились. Точнее, судя по началам обоих писем, правильнее будет сказать, что послания Маркова были в некотором роде «ответными», поскольку оба они написаны как реакция на послания Толстого. Письмо от 15 июня 1862 г.: «Я получил записочку Вашу очень поздно...»; письмо от 11 апреля 1866 г.: «Благодарю Вас за Ваше дружелюбное письмо, Лев Николаевич...» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

По всей видимости, именно в связи с отсутствием писем самого Толстого Маркову об истории взаимоотношений писателей не сказано подробно в Юбилейном полном собрании сочинений Толстого. Нет писем Маркова и в «Переписке Л.Н. Толстого с русскими писателями», выдержавшей два издания [Переписка]. Между тем письма корреспондентов в данном случае являются лучшим ключом не только для понимания истории взаимодействия современников, но и для осмысления некоторых особенностей характера и поведения Толстого и Маркова. О Маркове справедливо писал Н.Н. Гусев, оценивая взаимодействие гениального писателя с Марковым как показатель того, что «Толстой уже в то время своей сильной личностью и своим энтузиазмом мог оказывать большое влияние на тех, кто входил с ним в близкое общение» [Гусев: 482]. В литературоведении этот факт так и остается практически неосвещенным. Однако необходимо отметить, что и Марков отчасти повлиял на Толстого — два послания Маркова, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют на основании реальных документов говорить о взаимовлиянии современников.

Евгений Львович Марков (1835—1903) если и известен кому-либо из литературоведов, историков, культурологов, то прежде всего как публицист, педагог, путешественник, автор путевых записок и очерков, критик, специалист по Крыму, директор училищ Таврической губернии, а уже далее — как писатель. Директором училищ Таврической губернии и директором Симферопольской гимназии Марков был назначен с конца 1865 г. Он очень полюбил Крым, много путешествовал (в том числе по Европе и Востоку), считал свое назначение в Крым большой удачей. В отставку ушел из-за несогласия с позицией министра народного просвещения Д.А. Толстого. Маркову принадлежат множество талантливо написанных путевых очерков, в том числе «Русская Армения», «Очерки Крыма», «В братской земле» и др., им создан объемный роман «Черноземные поля» (1878), глубинно связанный с фигурой Толстого.

Марков родился в дворянской семье в Курской губернии, окончил Харьковский университет, преподавал географию в Тульской гимназии, затем был инспектором гимназии. Именно в Туле Марков познакомился с Толстым, который часто бывал в Тульской гимназии. Инспектором, а потом и директором последней был назначен Иван Федорович Гаярин. Писатель общался как с Гаяриным, так и с Марковым, последний не раз бывал у Толстого в гостях, много обсуждал с ним педагогические планы и замыслы. По всей видимости, Толстому нравился образ мыслей Маркова и его живой ум, он предлагал ему стать соредактором «Ясной Поляны», но Марков отказался. Толстой записал об этом факте в дневнике от 6 мая 1861 г.: «Меня назначили мировым посредником, я принял. Поехал в Тулу, много болтал и начинаю гордиться и потому глуп.

Марков отказался от соредакторства в журнале. И вообще мысль журнала слабеет» [Толстой 48: 37].

Во время увлечения школой и педагогикой Марков много общался с Толстым и хорошо знал состояние дел в Ясной Поляне. В малоизвестной статье «Грехи и нужды нашей школы» Марков пишет о том, что Толстой часто бывал у них в гимназии в Туле, познакомившись с главными руководителями и мужской, и женской гимназий. А учителя нередко посещали Толстого в Ясной Поляне, следили за успехами его подопечных.

Первое письмо Маркова написано Толстому в то время, когда последний находился в Самарских степях — Толстой уехал туда с целью поправки пошатнувшегося здоровья: «12 мая 1862 г. в состоянии измождения от дел и проблем, а также от кашля, переживаний за здоровье, Толстой отправился на кумыс в Самарскую губернию. Утомление писателя было связано не с каким-либо конкретным происшествием, но с целой чередой сложностей, а одновременно и плохо продвигавшихся дел, требовавших его внимания» [Андреева, Калюжная: 87].

Написанное из деревни Тихвинской Тульской губернии, это первое послание от 15 июня 1862 г. наполнено новостями и описаниями произошедшего — Марков сообщает о своей семье, о пребывании в деревне Тихвинская в семи верстах от Ясной Поляны, рассказывает Толстому о новостях и знакомых, а также сообщает, что ожидает выхода своей статьи, посвященной журналу «Ясная Поляна».

Письмо начинается с известия о позднем получении Марковым записки Толстого по причине задержки Маркова на все лето в окрестностях Тулы из-за плохого самочувствия супруги. Впрочем, тон письма открывает, что Марков был рад такому положению дел, так как оказался одним из непосредственных соседей Толстого: «Вследствие сего мы живем теперь на даче в 12 верстах от города Вашими соседями, в дер. Тихвинской, г-на Соковнина, вместе с Ауэрбахами. Ясная в 7 верстах, и вся дорога идет старым Киевским большаком по прелестнейшему лесу» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Известно, что в Самаре Толстой отправился, уже подозревая у себя начало чахотки и находясь в угнетенном состоянии из-за приступов мучившего его кашля. Писателю стало несколько лучше уже в пути, о чем он записал в дневнике от 20 мая 1862 г.: «На пароходе. Как будто опять возрождаюсь к жизни и к сознанию ее» [Толстой 48: 40]. Марков, конечно, мог знать об улучшении состояния Толстого из записочки самого писателя, однако заметно, что тон письма Маркова был направлен в том числе на поднятие настроения Толстого. «...Еще более все мы надеемся на то, что Вы скоро вернетесь жирным киргизом и будете посещать нашу скучающую компанию», — писал Марков [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33]. Образ «жирного киргиза» появляется в письме не случайно. Позднее, в книге «Грехи и нужды нашей школы» Марков вспоминал, как Толстой, уезжающий в самарские степи, шутливо говорил: «“Не буду ни газет, ни писем получать; забуду, что такое книга; буду валяться на солнце брюхом вверх, пить кумыс да баранину жрать! Сам в барана обращусь, вот тогда выздоровлю!”» [Марков 1900: 28].

Сразу вслед за описанием внешнего вида так ожидаемого домой выздоровевшего писателя Марков сообщал, что вся компания педагогов и соратников писателя очень жаждет его рассказов, впечатлений и «теории башкирской педагогики». Скорее всего, под этим выражением Марков подразумевал запланированную работу Толстого над статьей о воспитании и образовании, которую он намерен был вести и во время пребывания в степях Киргизии.

Марков сообщает Толстому об очередном выходе журнала «Ясная Поляна»: «Ваша IV книжка вышла, худая-прехудая, но статьи все всем нам нравятся, не только Ваша собственная, но и какого-то А.Э. ...». В письме речь идет о выпуске журнала «Ясная Поляна» за апрель 1862 г. «Худой-прехудой» книжка названа потому, что выпуск был тоньше других и насчитывал всего 46 страниц. А под инициалами А. Э. скрывается в послании Альфонс Александрович Эрленвейн (1840—1910) — учитель толстовских школ: статья «Еще о Бабуриной школе» на страницах 27—41 апрельского выпуска «Ясной Поляны» была подписана как раз инициалами А.Э. Собственно, это сообщение о выходе в журнале «Ясная Поляна» статьи единомышленника и соратника Толстого позволяет еще раз акцентировать внимание на том, что журнал издавался по результатам практической деятельности Толстого и его помощников.

Далее Марков упоминает о своей собственной статье, которая принесла ему значительную славу: «Статьи моей что-то не видать, как майской книжки “Русского вестника”» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33]. Марков в то время ожидал выхода в «Русском вестнике» своей статьи «Теория и практика яснополянской школы», о которой он к этому времени рассказал Толстому. Статья была опубликована в № 5 журнала за 1862 г. Исследователи уже обращали внимание на тот факт, что именно эта статья Маркова принесла ему значительную славу: «Евгений Марков быстро продвигался по службе и скоро стал инспектором гимназии. Благодаря упомянутой статье на него обратили внимание в Министерстве народного просвещения — ему было предложено место в ученом комитете, а в 1865 г. состоялось его назначение директором Симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму» [Абибуллаева: 132].

Толстой очень ожидал реакции общественности на появление своего педагогического журнала; несколько статей, опубликованных в периодической печати, казались ему мало освещающими важное дело народного образования. Несомненно, ждал Толстой с нетерпением отклика М.Н. Каткова или его журнала. Катков как редактор «Русского вестника» сначала сам планировал написать рецензию на выход «Ясной Поляны», но статья Маркова очень спасла положение и освободила Каткова. Дело в том, что Катков скорее даже отрицательно относился к педагогической деятельности Толстого, а тем более к изданию им журнала. Мы уже отмечали, что, пытаясь сохранить расположение Толстого, который был очень дорог ему как автор, Катков советовал писателю издавать сначала не журнал, требующий регулярного выхода и постоянных усилий редактора и его команды, но бессрочный сборник, книги которого могли бы продаваться особо [Андреева 2024: 28]. А в письме от 7 января 1862 г. «Катков дал негативную оценку одной из педагогических статей Толстого, вероятнее всего, статьи “О народном образовании”, созданной Толстым под впечатлением заграничного путешествия» [Там же]. Однако одно дело — частные письма и личная переписка, а другое дело — изданная в журнале статья. При всем мастерстве редактора и публициста Каткову, по всей видимости, было сложно написать статью, которая не испортила бы его взаимодействия с Толстым, но при этом продемонстрировала отношение редакции «Русского вестника» к педагогическим опытам Толстого.

А Марков смог написать статью, которая одновременно удачно выражала его личные взгляды на работу Толстого, на размышления и выводы писателя и педагога, обозначенные в журнале «Ясная Поляна», а при этом логично соотносилась с позицией «Русского вестника» и Каткова. Кроме того, как мы

уже отметили, тема и вопросы, за разбор которых не побоялся взяться Марков, значительно повысили его собственный авторитет.

Однако необходимо отметить, что в статье, опубликованной в «Русском Вестнике», похвала Маркова в адрес Толстого гораздо более лаконична, нежели в его работе «Грехи и нужды нашей средней школы», в которой Марков отмечал огромные результаты, к которым пришел Толстой в своей школе: «Этими почти невероятными результатами яснополянская школа была обязана ... исключительно обаятельному таланту Льва Николаевича, который непобедимо захватывал и поднимал с собою в высоту и ширь самый вялый ум, самое невпечатлительное сердце» [Марков 1900: 25]. Некоторая разность оценок, конечно, может объясняться и тем, что последняя книга Маркова написана гораздо позднее, когда писатель скорее вспоминал свою молодость и общение с Толстым, оценивал их более объективно.

А в работе Маркова «Теория и практика яснополянской школы. Педагогические заметки тульского учителя» констатируются не только значительные заслуги Толстого как уникального педагога, но анализируются ошибки и увлечения писателя в его журнальных статьях. Самое главное — Марков решительно не принимал отвержение Толстым идеи прогресса и иллюстрировал абсурдность такой точки зрения. В связи с тем, что статья Маркова достаточно редко упоминается и очень содержательна, считаем необходимым привести некоторые важные цитаты и логические заключения автора.

Марков начинает с того, что высоко оценивает появление нового педагогического журнала «Ясная Поляна», которое, как он пишет, «очень порадовало друзей народа и образования» [Марков 1862: 151]. Далее автор статьи сообщает о непосредственном родстве ему и коллегам педагогических опытов Толстого: «Тульская же гимназия с особенною симпатией может приветствовать это новое издание. <...> На ее глазах выросла молодая школа, которой оригинальное устройство стало теперь знакомо публике посредством замечательного двухмесячного отчета редактора Ясной Поляны, устроителя и вместе учителя этой самой школы» [Там же: 149].

Однако все три части статьи вполне критические, Марков смело возражает Толстому. И самое главное недоумение Маркова касается того, что Толстой «относится совершенно отрицательно к педагогике и к истории развития человечества вообще; его скептицизм самого радикального свойства» [Там же: 151]. Марков убежден, что жизнь историческая представляется Толстому какою-то автоматическою и фаталистическою сменой одних организмов другими, что автор увлекся идеей органического развития природы. Очень важно и примечательно, что в своей статье Марков затрагивает вопрос истории развития человечества и отмечает, что, по мнению Толстого, люди развиваются бессознательно. Марков останавливается на этом вопросе с пояснениями и примерами, показывая неизменное участие сознательных сил людей в движении истории: «Ход истории, то есть жизни человечества, заключается именно в этих многообразных, перепутанных влияниях одной воли на другую, в этих сознательных вмешательствах одного человека в жизнь другого. Следовательно, истории бессознательной быть не может, и дальнейший шаг истории без участия сознательных сил — не мыслим» [Там же: 151].

По нашему мнению, эти важнейшие возражения Маркова в дальнейшем побудили Толстого к размышлению над указанной проблемой в «Войне и мире» — в течение нескольких лет Марков был одним из близких друзей и хороших собеседников Толстого.

Марков находит у Толстого немало непоследовательных моментов и противоречий, он показывает, что писатель и педагог бьется над определением цели и значения науки образования, существование которой в других местах своей статьи совершенно отвергает: «Он хлопочет о том, как бы лучше вмешаться в образование детей, а предварительно отнял у человека всякое право вмешиваться в развитие другого и признал в этом вмешательстве не пособие, а положительное препятствие образованию» [Там же: 152].

Так, критик справедливо показывает противоречие между стремлением Толстого содействовать образованию народа, а при этом его же нежеланием допускать образованные слои к работе с крестьянами. «Он увлекся ненавистью к деспотизму до деспотизма...» — пишет Марков [Там же: 155]. Критик недоумевал, в чем же будет состоять роль образователя, если он будет руководствоваться исключительно волей тех людей, которых необходимо образовывать. В том, что Толстой полностью отделил образованный класс от народа, Марков видел большое недоразумение.

По мнению Маркова, который, по всей видимости, беседовал с самим Толстым по этому вопросу, писатель в своей односторонности отрицания высшего класса и его образа жизни уравнивал ситуацию с образованием в России и Европе. Между тем Марков справедливо полагал, что европейская система образования стройна и логична, не лишена недостатков, но прогрессивна. Н.З. Коковина и Д.Е. Соловьев отметили, что «особой чертой саморепрезентации Маркова в тексте была его “европейскость”»; она представляла собой главную, наиболее характерную черту образа автора. Писатель путешественник являлся для своих читателей тем человеком, который обладал хорошим знанием европейской культуры, понимал ее плюсы и минусы, видел в приобщении к ней прогрессивный путь для “цивилизации” народов» [Коковина: 9].

В возражениях Маркова Толстому чувствуются слабые стороны убеждений и философии писателя, которые всегда были характерны для Толстого и позднее проявились в его публицистике. Марков тонко подмечает, что редактор «Ясной Поляны» безосновательно, исключительно на базе собственных доводов, без ссылок на ученых и исторические авторитеты, делает решительные выводы, к примеру, о том, что средневековая школа лучше современной. Марков показывает неуместные сравнения и обобщения Толстого, которые приводят к искаженной картине. Примером может быть сравнение школы с жизнью. «Да разве школа имела когда-то претензию заменить жизнь?» — спрашивает автор [Марков 1862: 165].

Статья Маркова открывает и главную причину его отказа от предложения Толстого работать в журнале «Ясная Поляна». Помимо учительского коллектива, многие члены которого не были достаточно подкованы, чтобы работать в журнале, у Толстого в это время не было подходящих знакомых для распределения обязанностей по изданию. И в этом плане преподаватели тульской гимназии наиболее подходили для задуманного писателем дела. Считая Толстого гениальным художником и одним из самых интересных людей современности, Марков, тем не менее, не хотел втягиваться в толстовскую педагогику — нельзя исключать, что он провидчески понимал, что школы Толстого и его журнал — явления временные, которые скоро уступят место художественному творчеству великого писателя.

Несмотря на несогласие с Толстым в ряде вопросов, статья Маркова содержит яркие и восторженные характеристики педагогической работы и особенно школы Толстого, его отношения к детям. Марков отмечает, что писатель

жил одной жизнью со своими учениками, что это была семья, а не школа, в которой Толстой полюбил детей душой артиста. По мнению Маркова, в то время, когда в образовательные учреждения проникла механизация, обезличившая учителей и учеников, Толстой на основании своего индивидуального подхода работы противостоял этим негативным веяниям.

Толстой не смог промолчать после появления статьи Маркова. В дневнике от 23 августа 1862 г., находясь в Москве, он записал: «Надо писать 2 статьи: о Маркове и о Комитете грамотности...» [Толстой 48: 40]. Толстой возразил Е.Л. Маркову в статье «Прогресс и определение образования», которая была напечатана в № 12 журнала «Ясная Поляна», — в этой почти непедagogической работе Толстой на самом деле отрицает прогресс и цивилизацию. Н.Н. Гусев отметил, что «Прогресс и определение образования» «почти не касается педагогических вопросов. Она является ответом на статью о “Ясной Поляне” тульского педагога Е.Л. Маркова, напечатанную в “Русском вестнике” за 1862 год». «Отвечая Маркову, Толстой защищает принцип свободного обучения и решительно восстает против права высших классов вмешиваться в дело народного образования. Он считает, что вмешательство высших классов в дело народного образования “несправедливо, но выгодно для высших классов”, и эта “их несправедливость кажется им правом, как казалось правом крепостное право”» [Гусев: 525].

Разумеется, нельзя однозначно согласиться с Н.Н. Гусевым в том, что Толстого смутил исключительно спор по вопросу вмешательства дворянства в образование народа — писатель возражал Маркову по ряду пунктов, точнее, пытался еще раз убедить читателя в справедливости собственных умозаключений. И тем глубже и основательнее озаботился Толстой вопросом о роли личности в истории.

В своем первом послании Толстому Марков сообщал также о перемещениях брата и сестры писателя — С.Н. Толстого и М.Н. Толстой, передавал Толстому поклоны от Ауэрбахов (Речь идет о семье Ауэрбахов: Германе Андреевиче Ауэрбахе, владевшим имением Горячкино около Тулы, и его жене Юлии Федоровне Ауэрбах (рожд. Берхгольц), которая была начальницей женской гимназии в Туле. Старший брат Г.А. Ауэрбаха, Андрей Андреевич Ауэрбах был женат на другой сестре Берхгольц, Анастасии Федоровне).

В то время как С.Н. Толстой направился в Швейцарию (Марков сообщал об этом в своем письме), М.Н. Толстая выехала оттуда в Россию, в Ясную Поляну, где в отсутствие Толстого и при его сестре был произведен обыск. Л.Н. Толстой писал об этом С.Н. Толстому 6 августа 1862 г: «Маша выехала из Вех в тот самый день, как ты выехал из Тулы. Она пробудет здесь до 17 августа. <...> Главное событие, случившееся у нас во время твоего отсутствия, это посещение Ясной Поляны жандармами» [Толстой 60: 431—432]. Свидетелями этого знаменитого обыска, произведенного в отсутствие хозяина в Ясной Поляне (в самой усадьбе и школах), стали как раз Марков и Ауэрбах. Марков впоследствии отмечал, что данный обыск стал одной из причин охлаждения Толстого к педагогической деятельности.

Критическая статья Маркова в «Русском вестнике» не мешала педагогу удивляться многосторонней деятельности Толстого, наблюдать за его творчеством и восторгаться его писательскими способностями. Хотя и не все произведения Толстого Марков находил идеальными. Маркову принадлежит критическая статья о «Казаках», которая расстроила писателя. 20 марта 1865 г. Толстой

записал в дневнике: «Критика Маркова — плохо. Дорожит мыслью и сердится. Сам-то ты что сделаешь?» [Толстой 48: 61].

Марков не всегда понимал ценность времени, проведенного рядом с удивительным человеком. Лишь после отъезда в Крым и продолжения там своей педагогической деятельности Марков осознал, как он тоскует без Толстого. Второе из известных нам двух писем Маркова написано из Симферополя, после переезда семьи Марковых в Крым. По тональности и настроению письмо является дружеским и непосредственным — Марков рассказывал о Крыме и особенностях южной жизни, спрашивал Толстого о его романе «Тысяча восьмьсот пятый год», начавшем выходить в журнале «Русский вестник». К сожалению, нам неизвестен текст письма Толстого, но судя по благодарности Маркова за дружественное письмо, которое ему «было особенно дорого получить в Крыму», и по уверению в том, что Толстой угадал в нем своеобразную привязанность, Марков скучал по Толстому, ему не хватало общения с писателем, ведь их объединяли схожие интересы, любовь к языку и литературе, к семье и хозяйству, переживания о народе и увлечение педагогикой.

11 апреля 1866 г. Марков писал Толстому из Симферополя: «Благодарю Вас за Ваше дружелюбное письмо, Лев Николаевич, которое было особенно дорого получить в Крыму. Вы действительно угадали во мне пристрастие к такого рода людям, как Вы; в этом, впрочем, мало удивительного: Русь наша не баловала людьми ни нашу историю, ни нашу современность, и в сей, более, чем в какой другой доселе, можно верить слову Гёте: “*В мире так мало голосов и так много эхо*”. Естественно дорожить такими “голосами” и стремиться к ним, изредка встречая их» (курсив мой. — В.А.) [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Марков очень интересно строит начало своего письма, рассуждая в целом о людях, о небольшом проценте тех, кто способен оставить яркий след в жизни человека, и, разумеется, делая вывод о том, что Толстой именно такой человек. В послании Марков *использует фразу Гете*, позднее он включит ее в свой объемный роман «Черноземные поля», который вышел в свет через 12 лет после написания рассматриваемого письма. А.Н. Стрижев и М.А. Бирюкова так характеризуют значительный по масштабу роман Маркова: «В 1878 г. в Москве в издании книгопродавца М.О. Вольфа вышел в свет двухтомный роман Е.Л. Маркова “Чернозёмные поля”. Роман нравонаблюдательный, объемный, представляющий собою как бы эпос современной провинциальной русской жизни. Занимательные эпизоды сменяются один другим, заслоняя основную ткань произведения» [Стрижев: 200]. На самом деле роман у Маркова получился несколько растянутый, с идиллической любовной линией, замедленный с точки зрения развития действия. Однако причины этого связаны с важнейшим для нас в контексте данной статьи фактом: несомненно, одним из главных прототипов Анатолия Николаевича Суровцева был Толстой, причем именно в пору его жизни в Ясной Поляне в 1860-е гг., когда с ним общался Марков. Фраза о «голосах» и «эхо», высказанная повествователем сначала в отношении всего человечества, а после примененная к Суровцеву, является доказательством этого факта: «Природа творит в безостановочном круговороте, но по-разному». «Как ни богата зиждательница-природа, не хватает ее запасов на безрасчетную трату дорогих материалов» [Марков 1877, 1: 50]. «Значит можно оправдать ее сдержанность, можно понять, почему на всяком шагу мы имеем дело с песком и глиною и с таким трудом докапываемся до ослепительных зерен алмаза. “*В мире так мало голосов и так много эхо*” — сказал один из глубоких знатоков мира» (курсив мой. — В.А.) [Там же: 51].

Непосредственно после этой фразы Гете, образ которого скрыт в романе под перифразом «один из глубоких знатоков мира», следует описание жизни и внутреннего мира, убеждений Суровцева. Далее, учитывая Толстого как главный прототип Суровцева, мы можем говорить и собственно об отношении Маркова к писателю, ключевым сторонам его деятельности, проявленным через отражение в образе персонажа.

Уже в зрелом возрасте, вспоминая о своем расцвете и общении с Толстым, Марков писал: «Мне посчастливилось вести знакомство с Львом Николаевичем в самый мужественный расцвет его колоссального таланта, видеть его в его ежедневном быту, и учителем, и пасечником, и охотником, и музыкантом, и семьянином, и художником» [Марков 1900: 25]. На первое место Марков всегда ставил гениальный талант Толстого, прославлял в нем «могучие художественные силы». Однако это не мешало педагогу и литератору высоко оценивать и иные стороны деятельности Толстого. Суровцев в романе «Черноземные поля» не имеет такой увлекающейся природы художника, которая была характерна для Толстого, он внутренне одаренный и гармоничный человек, однако не писатель. Но, как и Толстой, он увлекается агрономией с попыткой практического ее применения в своем хозяйстве: «Суровцев был знаком теоретически с требованиями правильной агрономии и верил во многие из них. Но он не пробовал заводить у себя ничего нового, кроме того, что давно уже завел у себя мужик» [Марков 1877, 1: 58].

Фактически с Толстого «списаны» общественно-политические взгляды Суровцева в период его расцвета — характерные и для Толстого 1860—1870-х гг. — времени его семейного счастья и пребывания в Ясной Поляне: «Очутившись в деревне, Суровцев вдруг понял, что он не космополит, а русский человек. Он странствовал по Европе и видел многое. Он понимал все скверное в быту и характере мужика. Но все-таки оказывалось, что, несмотря на эти очевидные недостатки, Суровцев любит целиком русскую жизнь, русского человека. Он помнил и Женевское озеро у Монтре, и Бернский Оберланд в Интерлакене, и Corniche Средиземного моря, а любил душою ровную гладь с желтыми колосьями, с туманами лесов и деревень на горизонте» [Там же: 59].

Как и Толстой в жизни, Суровцев в романе Маркова отстаивает поведение мужиков, если уверен в их правоте, а также большое внимание уделяет вопросу народного обучения: «Его уже несколько лет занимала мысль устроить в Пересухе и других больших селах училища под своим надзором. С этой целью он даже желал попасть в земские гласные, с наступающего трехлетия» [Там же: 61]. Особенно это касается школ, которые для Суровцева прочно связаны с его земской деятельностью: «Создать в деревне хорошую и прочную школы, — лучшей услуги своему земству Суровцев не видел. В его глазах это был единственный могучий рычаг для начатия серьезной борьбы против многовекового зла, придавившего бедного деревенского труженика» [Марков 1877, 2: 49].

С уверенностью можно сказать, что второе письмо Маркова Толстому является одним из ярких во всей переписке Толстого с русскими писателями и литераторами. Еще более проникновенный отрывок о дружбе, необходимости собеседника, тяжести одиночества, взаимодействии душ присутствует в письмах Некрасова Толстому от 31 марта (12 апреля) 1857 г. и 5(17) мая 1857 г. Очень близки тематически и идейно к проблеме взаимного влияния людей строки Толстого в письме к Боткину от 27 июня (9 июля) 1857 г. Один из абзацев письма Маркова также посвящен вопросу исключительного воздействия выдающегося человека на окружающих. Критик и публицист, поясняя цитату

Гете, пишет Толстому об особенной силе жизненности, о ценности личности для других: «Характер Ваших литературных, педагогических, общественных и даже хозяйственных исполнен такой возбуждающей жизненности, что простительно и другим несколько черпать от нее. Я лично ценю человека по той степени электризации моей собственной жизни, которую тем или другим способом испытываю от него, и думаю, что человек, от соприкосновения с которым не колыхнется ни один нерв, ни одна кровинка — не нужен другим людям» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Позднее Марков в своей статье напишет о Толстом как о человеке, способном зажигать внутренний пламень его духа: «От духовного соприкосновения с ним, от обмена с ним мыслей, от слушания его одушевленных и образных рассказов, — точно влетали в меня, в самую глубь души моей, какие-то невидимые электрические искры, возбуждавшие электрический ток своего рода и во всем моем молодом тогда существе порождавшие во мне целые потоки мыслей, намерений, решений» [Марков 1900: 26]. Эта характеристика, по мнению многих писателей и известных деятелей, общавшихся с Толстым, глубока и справедлива.

Показательным во втором письме Маркова Толстому является упоминание о чтении будущего романа-эпопеи «Война и мир», который в то время уже начал издаваться в «Русском вестнике». Марков пишет о том, что с нетерпением ждет новой части «1805 года» (раннее название будущего романа-эпопеи). Он рассказывает Толстому о своем чтении, о природе и погоде в Крыму, сообщает новости о собственных детях, спрашивает о семье Толстого. Очень гармонично в этом искреннем письме совмещаются вопросы повседневной жизни и рассуждения о творчестве и призвании.

Переходы Маркова с темы на тему свидетельствуют о том, что его достаточно большое письмо явилось *ответным* на письмо Толстого, которое содержало ряд вопросов к Маркову. Уместно еще раз отметить не только влияние значительного таланта на окружающих людей, о котором писал Марков, но и взаимное влияние Маркова на Толстого. Опыт Маркова в области педагогики был писателю необходим, Толстой, по всей видимости, признавал авторитет и умения своего более молодого коллеги. Интересно, что в письме от 11 апреля 1866 г. Марков сразу после сообщения о семье и домашних хлопотах по поводу строительства зданий кратко пишет о собственном призвании: «Мне жребий выпал быть педагогическим Архитектором» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33]. А следующее предложение письма, скорее всего, стало ответом на вопрос Толстого о необходимости картинок в издании «Войны и мира». В данном случае Толстой обращался к Маркову и как к педагогу, прекрасно понимающему особенности восприятия людей разных возрастов, и как к думающему критику и писателю. Марков уверенно и однозначно ответил: «Картинок в романе не советую, выйдет детски и неинтересно» [ОР ГМТ Ф. 1. № 165/33].

Таким образом, два сохранившихся письма Маркова к Толстому позволили нам глубоко и полно посмотреть на взаимоотношения классика и педагога. Письма Маркова позволяют говорить о его идейной близости к Толстому, восхищении инициативностью и хозяйственностью Толстого, различными сторонами его жизни. Марков полностью поддерживал писателя в организации школ для народа, высоко оценивал его личные усилия, направленные на обучение крестьян, однако как педагог Марков видел крайности и промахи Толстого, сформулированные писателем в журнале «Ясная Поляна». Влияние Толстого на Маркова было огромным — сам педагог признавался в этом уже после своего отъезда в Крым. Разными убеждениями, качествами и сферами

активности Толстого 1860-е гг., которые виделись ему наиболее важными, Марков наделил героя своего объемного романа «Черноземные поля». В свою очередь Толстой воспринимал Маркова как отличного педагога и думающего человека, высоко ценил его советы.

Список источников

- Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. 495 с.
- Марков Е.Л. Теория и практика яснополянской школы. Педагогические заметки тульского учителя // Русский вестник. 1862. № 5. С. 149—189.
- Марков Е.Л. Грехи и нужды нашей средней школы. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900. 131 с.
- Марков Е.Л. Черноземные поля. Роман в 2 ч. СПб.: Типография Г.Е. Благосветова, 1877. Ч. 1. 454 с. Ч. 2. 508 с.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928—1958.

Список литературы / References

- Абидуллаева Д.И. Жизнь и деятельность директора народных училищ Е.Л. Маркова в Крыму // Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры. 2023. № 16. С. 131—134.
- (Abibullaeva D.I. The life and work of the director of public schools E.L. Markov in Crimea, *Voprosy krymsko-tatarskoj filologii, istorii i kul'tury*, 2023, iss. 16, pp. 131—134. — In Russ.)
- Андреева В.Г. «Катков ... как раз годится для публики»: переписка Л.Н. Толстого и М.Н. Каткова 1850—1860-х гг. // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 20—39.
- (Andreeva V.G. “Katkov... Is Just Right for the Public”: Correspondence Between L.N. Tolstoy and M.N. Katkov in the 1850—1860s, *Two centuries of Russian classics*, 2024, vol. 6, iss. 2, pp. 20—39. — In Russ.)
- Андреева В.Г., Калюжная Л.В. Переписка Л.Н. Толстого и Ю.Ф. Самарина: новые контексты и проблемы взаимоотношений двух современников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 84—98.
- (Andreeva V.G., Kalyuzhnaya L.V. Correspondence of L.N. Tolstoy and Yu.F. Samarin: new contexts and Problems of relations between two contemporaries, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, iss. 9: Philology, pp. 84—98. — In Russ.)
- Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
- (Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for biography from 1855 to 1869, Moscow, 1957. 915 p. — In Russ.)
- Коковина Н.З., Соловьев Д.Е. Образ автора в «Очерках Крыма» Е.Л. Маркова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3-2 (23). С. 4—9.
- (Kokovina N.Z., Solov'ev D.E. The image of the author in “Essays on Crimea” E.L. Markova, *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, iss. 3-2 (23), pp. 4—9. — In Russ.)
- Стрижёв А.Н., Бирюкова М.А. Евгений Львович Марков (1835—1903): Материалы к биографии // Литературоведческий журнал. 2019. № 46. С. 195—324.
- (Strizhev A.N., Biriukova M.A. Evgeniy Lvovich Markov (1835—1903): Materials for a biography, *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2019, iss. 46, pp. 195—324. — In Russ.)

**ABOUT THE SIGNIFICANT AND DEAR VOICE OF THE WRITER:
TWO LETTERS FROM E.L. MARKOV TO L.N. TOLSTOY****Valeria G. Andreeva**A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

Abstract. For the first time in literary criticism, the article examines two letters from E.L. Markov to L.N. Tolstoy, which have not been previously published. These letters are kept in the manuscript department of the Tolstoy State Museum in Moscow. The letters cited and analyzed in this work contain important information necessary for understanding the relationship between the famous writer and teacher and drawing significant parallels. The author of the article comprehends the points of convergence and divergence of the two contemporaries, their views on pedagogy, artistic creativity, reveals Markov's polemical attitude towards Tolstoy's many extremes, and at the same time his deep admiration for the writer's talent and his ability to lead a fulfilling life in the village. It is for the first time that the image of Tolstoy — the owner, teacher, zemstvo figure and agronomist — is considered as a prototype of Surovtsev — the main character in Markov's novel "Black Earth Fields". Markov's letters make it possible to clarify some important points and details of Tolstoy's life. They also contain a deep thought about the degree of influence of an outstanding man on the people around him, especially on his social circle. The article shows the possible influence of Markov's ideas and his pedagogical experience on Tolstoy; it is noted that a certain controversy that developed between Tolstoy and Markov regarding issues of public education could have indirectly influenced the most important historical and philosophical problems raised by the writer later in the epic novel "War and peace".

Keywords: L.N. Tolstoy, E.L. Markov, correspondence, pedagogy, magazine "Yasnaya Polyana", training, peasant children, creative mutual influence

For citations: Andreeva V.G., About the significant and dear voice of the writer: two letters from E.L. Markov to L.N. Tolstoy, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 12—23.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Андреева Валерия Геннадьевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва; Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru

Andreeva Valeria Gennadievna — Doctor of Sciences (Philology), assistant professor, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 24—32.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 24—32.

Научная статья

УДК 821.161.1.09-94

DOI: 10.46726/И.2024.3.3

МЕМУАРНЫЙ ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Сергей Алексеевич Голубков

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия, golubkovsa@yandex.ru

Аннотация. В статье идет речь об одной из тенденций развития отечественной мемуаристики в XX веке, когда авторы не ограничивают свою творческую стратегию простым свидетельствованием о пережитом, а воспринимают мемуарный текст как художественный жанр с определенными степенями свободы пишущего. Отсюда введение домьсла, преувеличения, отступлений от реальной хронологии, наличие свободной композиции с допустимой перестановкой отображенных событий. Образ эпохи становится чисто эстетическим конструктом и строится по законам художественного обобщения. Литераторы испытывают желание работать с материалом памяти как со строительным материалом, допускающим причудливые элементы комбинаторики, произвольного домьсливания, стихийного самовыражения. Рассматриваются такие интересные в рамках темы мемуарные тексты, как «Петербургские зимы» Г.В. Иванова, «Поля Елисейские» В.С. Яновского, «Мужицкий сфинкс» М.А. Зенкевича, «Богема» Рюрика Ивнева. Авторы порой занимает не факт как таковой, а субъективное *впечатление* и *переживание* этого факта. Вводятся элементы фантасмагории, используется призма отображения онейросферы. Используется язык метафоризации, символизации, гиперболизации. Мемуаристы нередко оказываются под воздействием модернизма и других неклассических форм художественного сознания.

Ключевые слова: мемуары, свидетельство, достоверность, художественная свобода, ассоциативность, импрессионистичность, домьслел, комбинаторика

Для цитирования: Голубков С.А. Мемуарный текст как пространство литературного эксперимента // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 24—32.

Мемуарный текст входит в более широкое поле, именуемое автобиографической литературой. Составляющими элементами такого поля являются автобиографический очерк, автобиографическая повесть, мемуары, литературный дневник, публикации эпистолярного наследия.

Традиционная мемуарная литература содержит авторскую установку на достоверную реконструкцию давно прошедшего. Если и возникают неточности, то их в какой-то степени извиняет и объясняет естественная аберрация памяти мемуариста, воскрешающего события давно минувших дней.

Как показывает история литературы, любая жанровая модель не есть нечто застывшее, жанровая система находится в непрерывном движении, в потоке трансформаций. Происходит зарождение новых жанров и угасание старых. Меняется расположение элементов жанровой системы: жанр из центра всеобщего внимания может в силу разных причин передвигаться на периферию и наоборот.

Идет и процесс диффузии жанров. В этот многомерный динамичный процесс движения и обновления художественных форм вовлекаются и мемуарные тексты.

Мемуарный жанр в своем развитии дал в XX столетии немало разнообразных *модификаций*. Одной из них стал *литературный портрет*, синтезировавший в себе разные жанровые компоненты. Литературовед В.С. Барахов, изучавший в свое время литературные портреты М. Горького, а затем опубликовавший и теоретическое исследование о литературном портрете как таковом [Барахов], выделял в этом жанре в качестве значимой доминанты целостную характеристику действительного исторического лица, данную в форме мемуарного очерка. Здесь концептуально воедино связаны такие слова-понятия, как *целостный*, *мемуарный* и *очерк*. Мемуарные свидетельства бывают различными. Иногда они носят мозаичный и фрагментарный характер, просто произвольно фиксируя все то, что пишущему так или иначе вспомнилось по прошествии многих лет. В литературном портрете же осязимо стремление автора дать ключ к *системному* пониманию личности того или иного писателя, подчинить все случайные детали *целостной* сути постигаемого характера. Понятия *мемуарный* и *очерк* указывают на равновесие между личностным *Я* мемуариста и *Я Другого*. Так, в литературных портретах М. Горького осязимо как очевидное присутствие самого мемуариста, так и *других*, то есть портретируемых лиц.

Сохраняет свою принципиальную значимость в рамках темы давняя статья Ю.В. Манна «Мемуары как эстетический документ», ставшая главой в его книге «Диалектика художественного образа» [Манн]. В этой статье давался анализ воспоминаний критика, историка литературы, писателя и мемуариста П.В. Анненкова о Н.В. Гоголе. В заголовке данной статьи важны два слова: «*документ*» и «*эстетический*». С одной стороны, в мемуарах важна фактическая точность, придающая им статус историко-культурного документа. А с другой стороны, не менее важно стремление мемуариста подняться над пестрой мозаикой разнородных фактов и подробностей, приблизиться к постижению характера писателя, уникальной личности как целостного персонального мира. Мемуарист при этом может использовать в таком постижении не только сухой язык логики, чисто *рассудочных рассуждений*, но и язык *эмоционально наполненной образности*, столь присущий художественному мышлению. Литературовед приводит рассуждение Л.Я. Гинзбург: «Мемуары высшего уровня, сохраняя свою специфику, в то же время пользуются методами (нередко они обновляют их и заостряют), выработанными современной и предшествующей литературой» [Гинзбург: 94]. И дальше Ю.В. Манн продолжает: «В этой точной характеристике эстетической роли мемуаров для нас важнее всего те слова, которые взяты в скобки, — о том, как мемуаристика “обновляет” и “заостряет” существующие принципы изображения человека. Речь идет о тех принципах, которые выработаны и художественной, и философской мыслью, ибо и та, и другая, как известно, равно участвуют в формировании общественного сознания» [Манн: 155].

При осмыслении отечественного литературного процесса XX века невозможно обойтись без таких мемуарных книг, как «Записки писателя» Н.Д. Телешова [Телешов], «Горький среди нас» К.А. Фекина [Федин], «Живые лица» З.Н. Гиппиус [Гиппиус], «На берегах Невы» и «На берегах Сены» И.В. Одоевцевой [Одоевцева 1988; Одоевцева 1989], «Воспоминания» А.И. Цветаевой [Цветаева 1984], «Отражения» З.А. Шаховской [Шаховская 1991], «Дневник моих встреч» Ю.П. Анненкова [Анненков 1991]. Этот ряд можно бесконечно продолжать. Все эти тексты достаточно разнообразны по своей природе: тут

и традиционные свидетельства человека о пережитом (развернутые и отрывочные), и достаточно необычные повествования, претендующие на экспериментальное обновление сложившегося канона.

Если окинуть единым взглядом мемуаристику XX столетия, то нельзя не заметить интересную особенность. В XX веке возникло два параллельных вектора развития мемуарной литературы: с одной стороны, в силу трагизма «века-волкодава», наполненного кризисами, войнами, мятежами и революциями, разными формами насилия, возник особый спрос на произведения-свидетельства; но с другой стороны — мемуары стали рассматриваться писателями как вполне самостоятельный художественный жанр, допускающий в силу своей природы естественное введение доммысла, преувеличения, отступления от реальной хронологии, наличие свободной композиции с допустимой перестановкой отображенных событий. Во втором случае образ эпохи становился чисто эстетическим конструктом и строился по законам художественного обобщения, к числу которых можно отнести идеализацию, символизацию, типизацию, метафоризацию и т. д. Авторы при этом как будто тяготеют ролью свидетеля, регистратора минувшего, ролью, обуживающей их творческую свободу. Литераторы испытывают желание работать с материалом памяти как со строительным материалом, допускающим причудливые элементы комбинаторики, произвольного доммысливания, стихийного самовыражения. Авторы занимают не факт как таковой, а субъективное впечатление и переживание этого факта.

Многие мемуары, написанные в прошедшем столетии, тяготели к чисто литературной свободной форме. Такой литературной свободой отличались книги Г.В. Иванова «Петербургские зимы» [Иванов], В.С. Яновского «Поля Елисейские» [Яновский], Н.Н. Берберовой «Курсив мой» [Берберова]. Промежуточную форму, располагающуюся между мемуарным и собственно романским текстами, занимают книга О.Д. Форш «Сумасшедший корабль» [Форш] и более позднее сочинение В.П. Катаева «Алмазный мой венец» [Катаев]. В 2005 году вышла полнотекстовая версия книги Рюрика Ивнева «Богема» [Ивнев], задуманная еще в далеком 1931 году. Автор книги — Михаил Александрович Ковалев (1891—1981), выбравший себе несколько претенциозный псевдоним *Рюрик Ивнев*, поэт и прозаик, человек шумной эпохи литературных кафе, времени имажинизма и разнообразных литературных баталий. Книга «Богема» — это портретная галерея подлинных исторических лиц. Тут мы находим и деятелей новой революционной власти Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского, и поэтов А.Б. Мариенгофа, В.Г. Шершеневича, В.В. Маяковского, В.В. Хлебникова, Н.А. Клюева, Б.Л. Пастернака, и режиссера В.Э. Мейерхольда, и эстрадного певца А.Н. Вертинского. Однако это не простое собрание портретных зарисовок, не обычные мемуары, а именно роман-воспоминание. На данной жанровой помете автор особо настаивал, это было его сознательным выбором жанровой модели. И понятно почему. Жанр этот дает автору некоторую свободу чисто художественного доммысла и интерпретации пережитого в категориях романной сюжетики. Давние события переходили, перетекали из пространства личной памяти в пространство произведения, построенного по законам искусства. Это, кстати, побуждает нас обратить внимание на авторские обозначения жанра своих книг. Так, Ю.П. Анненков после заглавия «Дневник моих встреч» ставит знаменательную помету «Цикл трагедий», М.А. Зенкевич к своей книге «Мужицкий сфинкс» дает подзаголовок «Беллетристические мемуары». А Н.Н. Берберова определяет свою мемуарную книгу «Курсив мой», изобилующую характеристиками сотен лиц и описаниями многих событий, не иначе как «Автобиография».

В случае О.Д. Форш и В.П. Катаева мы фиксируем целенаправленный авторский отказ от подлинных имен и фамилий культурных деятелей времени, ставших персонажами текстов писателей. Это дает авторам большую свободу творческого «маневра» и отводит от них угрозу упреков в исторической недостоверности и вольном обращении с фактами. Реальная жизнь становится литературным материалом, допускающим самые различные трансформации и степени фантазирования.

В названных случаях изменение соотношения факта и домысла связано с изменением основной творческой стратегии. Обращение к *ассоциативности* как повествовательной доминанте обусловлено ценностной переориентацией писателя. Для него важнее оказывается не локальное правдоподобие, не диктат факта как такового, а *общее эмоциональное впечатление от пережитого*. В известной степени сказалось влияние импрессионистической стилистики, под которым была отечественная проза. Да, конечно, можно быть подлинным летописцем эпохи, чрезвычайно скрупулезно выписать, точно выстроить сложную систему причинно-следственных связей, определить все необходимые детерминанты происходящего, но основная суть может при этом парадоксально «выскользнуть из рук». А вот свободно-ассоциативный ракурс, напротив, окажется более верным оптическим инструментом рассмотрения и адекватной оценки жизненного явления. Ведь главная цель художественного постижения человеческого характера, отдельного события, эпохи в целом — *глубинная правда*, а не поверхностное *правдоподобие*.

Мемуары отличаются *двусубъектностью* (или даже *полисубъектностью*). Это не простое *зеркало* (зеркало субъектностью не обладает). Важен не только тот, о ком сообщает мемуарист, но и сам мемуарист со всем своим пульсирующим сознанием. Эта двусубъектность фактически оборачивается *двоемирием* (*многомирием*), ведь сознание каждого субъекта — это сложный многомерный мир. И потому для выстраивания динамичной картины этих миров мемуарист может использовать разнообразный строительный материал, обращаясь к элементам романной поэтики, приемам исследования, броской россыпи анекдотической мозаики, воссозданию драматургических сценок и т. д.

Очень важно и то, что мемуарист занимается не только исторической реконструкцией прошедшей эпохи, но и психологической *реконструкцией своего собственного восприятия* давнего времени. Поэтому мемуары всегда выступают зеркалом весьма субъективным: чему-то наблюдатель придавал большое значение (может, и не совсем оправданное), что-то считал несущественным, а что-то оставлял вне поля своего внимания, равнодушно проходил мимо. Как отметил Вяч. Вс. Иванов в предисловии к книге Валентины Ходасевич «Портреты словами», «каждый вспоминающий имеет право на *невспоминание* или *неупоминание*».

Между отмеченными двумя объектами мемуарного отражения (*внешнее/внутреннее; эпоха/персональное* сознание) может возникать конфликт, что придает сюжету известный драматизм. Былое может быть по-новому переосмыслено и прочувствовано мемуаристом. Соответственно, знакомство с мемуарами рождает определенным образом сфокусированное читательское ожидание. Читателю интересна отнюдь не «голая» фактография эпохи, как бы занимательна, богата и разнообразна она ни была, а интересен прежде всего *выстраданный образ времени*, созданный в соответствии с *ценностным миром* личности мемуариста.

Существует и еще одна важная смысловая функция мемуарного текста. Встреченные на протяжении жизни люди нередко выступают в сознании мемуариста как *потенциальные варианты собственной персональной судьбы*. Портретируемый *другой* может являть собой для мемуариста некий образец для осуществления какой-то грани личности. Отношения мемуариста с современниками (как и отношения любого человека со средой) развивались в координатах *притяжения/отталкивания*, что естественно, если учесть разнообразное множество человеческих эмоциональных, ментальных, ценностных *Вселенных*.

В мемуаристике XX столетия *акцент на многомерной эволюции сознания* автора-наблюдателя становится особенно значимым. Читателю, как и повествователю, важна совокупность пульсирующих эмоциональных состояний, метаморфоза ценностных отношений, возникающих в связи с тем или иным историческим событием или социокультурным процессом. Мемуары — это запечатленный в ярком, убедительном слове *взгляд живого человека* на пережитое, а вовсе не засушенный *текст-гербарий*, предназначенный единственно для хранения в архиве и изучения узкими специалистами.

На протяжении XX в., когда различные потрясения активно меняли социокультурную картину мира и отдельных национальных культур, центральным событием для нашей страны становились мировые войны, революционные ситуации испытания. Об этом свидетельствует и отечественная мемуаристика. Событие Исхода из пределов Отечества русских эмигрантов первой волны, утрата для них России, осознание своей высокой Миссии сохранения русской культуры — вот та смысловая ось, вокруг которой вращаются размышления философов, историков, писателей, публицистов. Такую концептуально значимую доминанту мы обнаруживаем и в мемуарных текстах. Так или иначе все сводится к разговору о России, «которую мы потеряли», о своем месте в культурном ландшафте. Надличностные вызовы времени, разумеется, меняют и каждого отдельного человека, наполняют своим конкретным содержанием его внутреннее пространство надежд, планов, обид, сожалений. Мемуаристу интересны именно эти психологические процессы, происходящие в душах окружающих его людей, да и в его собственном внутреннем мире.

Следует учитывать, что писатель нередко оказывался в плену собственного жанрового мышления. Если окинуть единым взором творческую биографию того или иного писателя, то порой кажется, что писатель «всеяден», ведь он пробует свои творческие силы в самых разных жанрах, которыми располагают поэзия, проза, драматургия, публицистика, критика. Но более пристальный взгляд сделает очевидным тот факт, что есть жанры наиболее близкие писателю, наиболее свойственные его складу творческой личности. Именно в них, этих излюбленных жанрах, автор достигал наивысшего успеха. У такого художника возникает специфическое *жанровое мышление*. Писателю привычно осмысливать жизненный материал преимущественно либо в новеллистических, либо в романских параметрах, либо в измерениях психологической драмы. Все эти обстоятельства способны определить и своеобразие природы мемуарного свидетельства такого писателя. Весьма характерна в этом отношении книга Тэффи «Воспоминания» [Тэффи]. Структура ее в определенной степени *мозаична*, отдельные страницы напоминают россыпь юмористических рассказов, что не мешает автору балансировать *на грани трагикомического*, поскольку речь идет о людях, вовлеченных в губительный водоворот событий Гражданской войны, когда персональное существование может в любую минуту непоправимо оборваться. Смешное и страшное оказываются рядом,

любой фабульный обрыв может оказаться двояким, то есть быть чреватым либо смехом (семантическим превращением в ничто), либо смертью. Мемуарист Тэффи описывает свою поездку по Югу России как своеобразный *трагикомический карнавал*, в котором мелькают многочисленные случайно увиденные лица, а привычные лица вдруг становятся трудно узнаваемыми масками. И новеллистическое жанровое мышление писательницы позволяет ей включить в книгу воспоминаний выразительные острофабульные сценки. Близки к «Воспоминаниям» Тэффи и воспоминания другого «сатириконца», Дон-Аминадо (Аминада Петровича Шполянского) «Поезд на третьем пути» [Дон-Аминадо]. Та же мозаичная композиция, те же *элементы фельетонного и юморесочного* стиля, короткая энергичная фраза.

Обычно мемуарный текст содержит свидетельства как о быте в *житейском* смысле этого слова (материальные условия жизни, повседневные хозяйственные заботы и тяготы, семейные проблемы), так и о *быте литературном* (общение мемуариста с писательской средой, редакционные нравы журналов и издательств, вернисажи и презентации только что вышедших книг, творческие встречи, переписка с читателями, литературные скандалы и т. п.). Но порой мемуарист этим не ограничивается, а включает в свою книгу целую *цепь аналитических рассуждений* о художественном направлении, к которому он принадлежит. Такими чертами отличаются мемуары Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец» [Лившиц]. Надо заметить, что футуристы вообще отличались таким стремлением разъяснить публике свою эстетическую позицию. Отсюда их манифесты, статьи, доклады. Да и их вечера обычно состояли из трех частей: доклад о программных положениях футуризма как такового; чтение художественных произведений, иллюстрирующих эти положения; ответы на вопросы читателей и почитателей. И мемуарный текст Лившица в какой-то степени свидетельствует об этой же творческой стратегии.

Представляет несомненный интерес мемуарный текст М.А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс» [Зенкевич]. Как справедливо отметила Т.В. Игошева, «Произведение М.А. Зенкевича “Мужицкий сфинкс” (1921—1928) — яркий образец модернистского романа, фантазмагорический характер которого является одной из его отличительных черт» [Игошева: 60]. Писатель использует в этом примечательном тексте художественную *призму отображения онейросферы*. Онейросфера, как известно, — это общее наименование измененных состояний психики (сновидение, галлюцинации, бред, наркотическое или алкогольное опьянение, безумие). Реальные факты контактов мемуариста с ключевыми фигурами художественной жизни России предреволюционных десятилетий смешиваются в сознании автора с фантазмами, порожденными болезненным состоянием человека, преодолевающего испытание кризисной эпохи первых лет революции. Из бездн небытия в реальную жизнь повествователя вторгаются уже канувшие в Лету фигуры недавнего прошлого (Н.С. Гумилев, Н.И. Кульбин). Нет четких границ между прошлым и настоящим, эти временные пласты беспрерывно *наплывают* друг на друга, как в каком-то горячем сне. Артистический подвальчик «Бродячая собака» то оказывается накрепко заколоченным, то снова живет своей бурной жизнью. Популярны поэты и художники то получают худосочное очертание сметаемых ветром времени бумажных фигурок, то снова выступают полнокровными личностями со своей витальной силой. Бытие сознания повествователя обретает поистине фантастические очертания. Текст обретает статус грандиозной метафоры кризисного слома времен. Это уже

не просто традиционные мемуары, а роман, автор которого имеет много степеней свободы по части включения элементов домысла и художественного сгущения.

Еще один интересный мемуарный опыт — воспоминания Валентины Ходасевич «Портреты словами». В предисловии к изданию 1987 года известный филолог Вяч. Вс. Иванов отмечал: «По этой прозе видно сразу, что ее автор — художник. Больше того, ее “портреты словами” задуманы именно как словесный эквивалент ее живописи» [Иванов Вяч.: 5]. И немного погодя размышлял: «Можно думать, что в будущих исследованиях искусства Валентины Ходасевич технику ее живописных портретов сопоставят с приемами “портретов словами”. Есть сочинения о рисунках поэтов и стихах художников. Гораздо меньше известно о параллелизме прозы художника и его изобразительных средств. Книга Ходасевич приоткрывает окно в этот неизведанный мир» [Там же: 6].

При оценке мемуарных свидетельств всегда возникает сущностный вопрос о степени их достоверности, о наличии в них нежелательного домысла, досадных отклонений от правдоподобия. Исследователи, сравнивая *ретроспективные* источники (к ним относятся мемуары) и источники *синхронные* (скажем, интервью), всегда отдают предпочтение вторым. В ретроспективных источниках всегда могут присутствовать следы неизбежной *аберрации памяти, редактирования* былого задним числом, оправданные, а то и неоправданные *фигуры умолчания*.

Мемуаристы порой в целях повышения градуса достоверности подчеркнуто вводят в свои свидетельства тексты документов, фрагменты забытых публикаций, цитаты.

Творческая стратегия мемуариста находится в прямой зависимости от *целевой аудитории, от горизонта читательских ожиданий*. Одни читатели хотят обнаружить в мемуарном тексте только *спектр субъективных впечатлений* и оценок. Другие ждут от мемуариста так называемой несокрушимой *правды факта*. От этих разновекторных устремлений зависит и степень различной читательской удовлетворенности (или, напротив, неудовлетворенности) от мемуарных свидетельств. Что устроит одних реципиентов, то может не устроить других.

Перечисленные явления заставили литературоведов в последние десятилетия говорить о формировании такого синтетического жанра, как *филологический роман*. О.Ф. Ладохина в книге «Филологический роман: фантом или реальность в русской литературе XX века?», давая обзор научной литературы по проблеме, отмечает: «только в 70-е годы и появляется номинация прозаического жанра как “филологической прозы” и термина “филологический роман”». Вл. Новиков заметил, что впервые подзаголовок «филологический роман» появился к книге Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского», затем А. Генис использовал данный термин для своего романа «Довлатов и окрестности», демонстрируя тем самым его цель — исследование психологии творческой личности. С тех пор термин «филологический роман» все чаще появляется в литературоведческих исследованиях. Специфическим чертами филологического романа, по мысли Вл. Новикова, стали синтез мемуара и эссеистики, афористическая манера письма. Термин «филологический роман», считает он, применим к таким сочинениям, как беллетристическое повествование о писателях» [Ладохина: 6].

Как видим, мемуарный текст представляет собой живое явление, он открыт разновекторным процессам трансформации и смыслового обогащения.

Список источников

- Анненков Ю. Дневник моих встреч. Л.: Искусство, 1991. 344 с.
Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / предисл. А.Кузнецовой. М.: АСТ: Астрель, 2010. 765 с.

- Гиппиус З.Н. Живые лица. Тбилиси: Мерани, 1991. 384 с.
- Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. В.И. Коровина. М.: ТЕРРА, 1994. 768 с.
- Зенкевич М.А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары / сост., подготовка текста, прим., краткая биохроника С.Е. Зенкевича; вступ. ст. Л.А.Озерова. М.: Школа-Пресс, 1994. 688 с.
- Иванов Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М.: Согласие, 1993. 720 с.
- Ивнев Р. Богема: Роман. М.: Вагриус, 2005. 512 с.
- Катаев В.П. Алмазный мой венец. М.: Советский писатель, 1979. 224 с.
- Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. 720 с.
- Одоевцева И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары / вступ. ст. К. Кедрова. М.: Художественная литература., 1988. 334 с.
- Одоевцева И.В. На берегах Сены. М.: Художественная литература., 1989. 333 с.
- Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Московский рабочий, 1980. 320 с.
- Тэффи Н. Воспоминания. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 252 с.
- Федин К.А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. 784 с.
- Форш О.Д. Сумасшедший корабль: Роман; Рассказы / сост., вступ. ст., коммент. С. Тиминой. Л.: Художественная литература, 1988. 424 с.
- Цветаева А.И. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1984. 768 с.
- Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 319 с.
- Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти / предисл. Н.Г. Мельникова, коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Астрель, 2012. 479 с.

Список литературы / References

- Барахов В.С. Литературный портрет: истоки, поэтика, жанр. Л.: Наука, 1985. 311 с. (Barakhov V.S. Literary portrait: origins, poetics, genre, Leningrad, 1985, 311 p. — In Russ.)
- Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 223 с. (Ginzburg L.Ya. About a literary hero, Leningrad, 1979, 223 p. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Вс. Праздник (предисловие) // Ходасевич В.М. Портреты словами. М.: Советский писатель, 1987. С. 5—13. (Vyach. Vs. Ivanov. Holiday (preface), *Khodasevich V.M. Portraits in words*, Moscow, 1987, pp. 5—13.)
- Игошева Т.В. Распутин и другие в романе М.А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс» (материалы к комментарию) // Словесность и история. 2021. № 4. С. 59—81. (Igosheva T.V. Rasputin and others in M.A. Zenkevich's novel "The Peasant Sphinx" (materials for the commentary), *Literature and History*, 2021, no. 4, pp. 59—81. — In Russ.)
- Ладохина О.Ф. Филологический роман: фантом или реальность в русской литературе XX века? М.: Водолей, 2010. 168 с. (Ladokhina O.F. Philological novel: phantom or reality in Russian literature of the twentieth century?, Moscow, 2010, 168 p. — In Russ.)
- Манн Ю.В. Мемуары как эстетический документ // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. С. 155—170. (Mann Yu.V. Memoirs as an aesthetic document, *Mann Yu.V. Dialectics of an artistic image*, Moscow, 1987, pp. 155—170. — In Russ.)

THE MEMOIR TEXT AS A SPACE OF LITERARY EXPERIMENT**Sergey A. Golubkov**Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara,
Russian Federation, golubkovsa@yandex.ru

Abstract. The article deals with one of the trends in the development of Russian memoiristics in the twentieth century, when authors do not limit their creative strategy to simply testifying about their experiences, but perceive the memoir text as an artistic genre with certain degrees of freedom of the writer. Hence the introduction of speculation, exaggeration, deviations from the real chronology, the presence of a free composition with an acceptable permutation of the displayed events. The image of the epoch becomes a purely aesthetic construct and is built according to the laws of artistic generalization. Writers feel a desire to work with the material of memory as a building material, allowing for bizarre elements of combinatorics, arbitrary speculation, and spontaneous self-expression. Such interesting memoir texts as “Petersburg Winters” by G.V. Ivanov, “Elysian Fields” by V.S. Yanovsky, “The Peasant Sphinx” by M.A. Zenkevich, “Bohemia” by Rurik Ivnev are considered within the framework of the topic. Sometimes the authors are more interested not in the fact as such, but in the subjective impression and experience of it. Elements of phantasmagoria are introduced, and the prism of the oneirosphere display is used. The language of metaphORIZATION, symbolization, and hyperbolization is used. Memoirists are often influenced by modernism and other non-classical forms of artistic consciousness.

Keywords: memoirs, testimony, authenticity, artistic freedom, associativity, impressionism, speculation, combinatorics

For citation: Golubkov S.A. Memoir text as a space of literary experiment // *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 24—32.

Статья поступила в редакцию 08.06.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 08.06.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Голубков Сергей Алексеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия, golubkovsa@yandex.ru

Golubkov Sergey Alekseevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation, golubkovsa@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 33—41.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 33—41.

Научная статья

УДК 7.01: 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.46726/И.2024.3.4

ЭСТЕТИКА НИКОЛАЯ КОНОНОВА

Александр Анатольевич Житенев, Скрыбина Алиса Вадимовна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия,

zhitenev@phil.vsu.ru, alice-lem@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале эссе Н. Кононова об искусстве реконструируется его система представлений об эстетическом, выявляются ключевые эстетические концепты, описываются их связи. В понимании Н. Кононова, заслуживает внимания лишь то искусство, в котором художник «существует в своем жизненном пределе», а творческое усилие является «жертвой». Именно это позволяет сохранять за искусством значение единственной сферы подлинного, не имитированного бытия. Оно помогает сохранять меру вещей, называть вещи своими именами. «Вычурность» — характеристика предельной эстетической формы, «искренность» — характеристика предельного самораскрытия субъекта. Они нацелены на обретение аутентичности, совмещение пережитого и выраженного. Его условием оказывается стремление к постоянному превосхождению художником собственных возможностей. Стремление к ускользающей цели делает любое искусство «искусством аппроксимаций», определяет его наполненность «апориями» и противоречиями. Стремление к постижению предмета со всех возможных ракурсов заставляет задаваться вопросом о пределах доступного выражению. Любой художник одержим «ловитвой» за ускользающими смыслами. Однако в соответствии с логикой «апорий», успешность этой охоты может одновременно означать утрату объекта.

Ключевые слова: саморефлексия, писатель об искусстве, эстетика, современная литература, Н. Кононов

Для цитирования: Житенев А.А., Скрыбина А.В. Эстетика Н. Кононова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 33—41.

В современной литературной практике стремление писателя выстраивать внутренний диалог не с литераторами, а с представителями других искусств — не редкость. Общим местом в этом случае оказывается представление о кризисе идей, кризисе форм, который надо компенсировать приобщением к другим сферам креативности [Скидан: 213]. Другой характерной тенденцией оказывается многовариантность авторского самораскрытия, предполагающая обращение к эссеистике и критике, к экспериментам в области метапрозы [Черняк, Саргсян: 130].

Книги Н. Кононова «Критика цвета» (2007, 2021) и «Степень трепета» (2022) можно рассматривать как пример наложения этих закономерностей. В этих книгах, за редкими исключениями, практически нет текстов о писателях, и они очевидным образом могут рассматриваться как опыт самообоснования, создания резонансного пространства.

© Житенев А.А., Скрыбина А.В., 2024

Е. Вежлян, комментируя в рецензии на «Критику цвета» основания критики Кононова, справедливо отмечает: «Зрение выступает у Кононова как единственная форма обладания “вещностью вещи” и вместе с тем — как инстанция, которая дает начальные “различения”, необходимые для появления прорастающего вещью слова. <...> Зрение, взгляд в рамках такого письма наделяется смыслопорождающей функцией и тождественно знанию» [Вежлян]. Ф. Кондратенко в предисловии к «Степени трепета» указывает на специфическую интенциональность этой прозы, в которой «экфрастическая» структура служит задаче сопротивления времени: «Видят все, тогда как “зреть” способны только некоторые. <...> Отсюда ключевая для Николая Кононова идея зыбкой, но требовательной, поскольку она одна способна противостоять социальному бесформию и материальному хаосу, “аполлонической драматургии”» [Кондратенко: 14].

В рамках этой статьи мы постараемся реконструировать принципы этой «аполлонической драматургии» и охарактеризовать основные положения эстетики Н. Кононова.

Точкой отсчета оказывается мысль о неизбежности самоопределения художника в историческом контексте, самосоотнесение с которым является условием обретения своего «я»: «Художник, хочет он того или нет, всегда обслуживает время, ему никогда не удастся замкнуться от его социальной инверсии, какой бы способ существования он ни выбирал <...> Социальное время просачивается через любые прорехи вещества, так как оно — отверсто» (190)¹. Особый интерес представляют практики сохранения себя в ситуации падения культурных стандартов. В фокусе оказывается «человек живущий, постоянно находящийся перед лицом небытия, свидетель и участник разрушения ценностных механизмов, человек, вопреки всему неотделимый от мыслящей субстанции» (396).

«Осуществление в своем жизненном пределе» (393) оказывается очень продуктивным, поскольку позволяет задать вещам их истинные масштабы: «Художник возводит в степень наше неаналитическое зрение, <...> и вот теперь мы способны укрупнить смыслы собственного существования, задать неразрешимые вопросы и так же достоверно ответить на них» (84). Но работа художника состоит не только в «укрупнении смыслов», но и в проявлении «недоступного»: «Этический язык художника глубок и переусложнен, потому что каждый раз он должен выразить незримое» (85).

Это «незримое» иногда требует совершенно нового языка, в связи с чем заходит речь о конфликте с имеющимися средствами выражения и сложившимися представлениями о тематизме искусства. Если «художника не устраивает сам язык реального мира», его «алфавит» (293), он неизбежно стремится к разработке «новой лексики самовыражения», предполагающей неведомую ранее «сгармонизированную выразительность» (375).

Непостижимость такого «словообразования» обуславливает появление алхимических метафор. Живописуя, художник «всегда порождает свою единственную суверенную истину, как алхимик почти неразличимого, полупрозрачного <...> гомункула» (140); его сосредоточенная работа — «это такая невозможная алхимия, <...> в результате которой из мешанины мертвых элементов рождается <...> образ собственного сердечного жара» (236). Серьезность творчества, всегда предполагающего всецелую вовлеченность

¹ Здесь и далее книга Н. Кононова «Степень трепета» цитируется по изданию: [Кононов 2022] с указанием в скобках страниц.

авторского «я», обуславливает использование «температурных» ассоциаций, заставляет говорить о «высоком эстетическом калении» (292), об «особенном огне, не имеющем абриса и колорита» (54).

«Огненность» художественного высказывания определяется стойким представлением о том, что искусство — это единственная сфера подлинного, не имитированного бытия. Во многих работах Кононова звучит мысль о том, что дурновкусие настолько саморазоблачительно, что даже не требует комментария, а «классификация фальсификаций» (297) может представлять интерес только как игра. Искусство, невозможное вне глубокой затронутости художника, трактуется исключительно в терминах «траты» — как «самоотдача», «вычитание», «жертва»: «Жертва, каковой является акт творчества, осуществляемый художником или сочинителем, должна быть достоверной, иначе ничего почувствовать нам не удастся. <...> Главное — наличие жертвы, “достоверный градус произведения”» (204—205).

В любом виде искусства «создатель транслирует свой трепет» (204). «Трепет» — еще одно оценочное слово-маркер, связанное со значимостью творческого результата. Продуктивное время может быть «плодоносным и трепетным» (380); многослойность высказывания создает «свечение и трепет изысканных планов» (381); проникая внутрь вещей, художник обнажает «влажный, трепетный кодекс изображаемого объекта» (57); образы натурщиков обладают «свехзначительностью <...> трепетного плотского покоя» (80) и т. д. Именно «трепет» делает в искусстве зримой саморастрату и жертвенность.

«Трепетный» мастер всегда уязвим. Скрытая или очевидная уязвимость может обнаружить себя в провокационной теме, интонационном срыве, сложной фактуре переживания. Это сложно конфигурированная система связей. Одним из характерных, но далеко не единственных признаков «трепетности» оказывается сбивчивая, пересыпанная ошибками или некстати переусложненная речь: «Высказанное затрудненной речью обретает многократную убедительную силу <...> Потому что язык в дикции заикающегося обретает неодолимую силу ясности и сам становится волей к пониманию» (220). Тот или иной «изъясн» оказывается почти непременным спутником «предельного», аффективно заряженного высказывания: «Для самого беззаветного понимания нам в других нужен изъясн — ну, примерно такой, как немота: ведь мы должны, не имея языка, каким-то образом одолеть ее, чтобы объясниться» (219).

Интерференция состояний, способная производить столь сильные эффекты, описывается Кононовым на латыни, в контексте одновременно и медицинской, и философской: «Но совершенно очевиден мне был и детский страх всесильного, неожиданно наступающего *singultus*², делающий нас, собирающихся о чем-то важном повествовать, смешными и беззащитными. Этот эффект сложно обрисовать в независимых терминах <...>, но то, что художник “подставляется”, было для меня несомненным, и это сразу вызвало эстетическую заинтересованность в его будто бы вычурном письме» (219).

«Вычурность» — еще одно, наряду с «трепетом», слово, фиксирующее исключительность творческого усилия. Контекстуально эпитет «вычурный» прилагается к очень широкому кругу явлений, как правило, с определенным сдвигом значения. Кононов пишет о «вычурности художнического жеста» [Кононов 2007: 233], о «вычурном, но необходимом смысле» [Там же: 146];

² В примечании к цитируемому фрагменту следует авторское пояснение: «*Singultus* — рыдание, всхлипывание, икота (лат.)».

о «показательном вычурном опыте» [Там же: 264]; о «нашей истерии и вычурности» [Там же: 271], подмечает, что «вычурное слово» «гальванизированный» в пушкинском тексте дано курсивом [Там же: 268].

В контексте рассуждений писателя вычурность парадоксальным образом соотносена с искренностью. Если «*вычурность*» — характеристика предельной эстетической формы, то «*искренность*» — характеристика предельного самораскрытия субъекта. «Искренность» — это «то, без чего искусство невозможно» (220), и Кононов пишет о «поисках открытой, нервирующей зрителя искренности» (314), об «аутентичности искусства, о его аналитической силе и искренности» (335), о «жесткой сумме искренности и самодостаточности» (425) и т. д.

«Вычурность»–«искренность», в свою очередь, соотносены с поиском творческой аутентичности, стратегий совмещения пережитого и выраженного. Вариант, который самому писателю кажется наиболее интригующим, связан с мгновенностью творческого жеста: «Манера точного письма <...> precipitato³: <...> попасть в “узел” с первого раза <...>. Выхватить психическую доминанту всей натурной видимости, свести зрелище к единому символу, к замкнутой арабеске. Быть абсолютно достоверным при всей беглости и мнимой случайности» (228).

«Мгновенность» обнаруживает нацеленность искусства на постановку «неразрешимых» задач. Как отмечает Кононов, «искусство, наделенное силой аппроксимаций, могущее переформулировать попытку в разрешение, безоглядно бросается на штурм любых, даже самых возвышенных проблем, лишь только обнаруживая их очертания, хотя бы как условия и необходимость существования в зримом и слышимом мире» (122). Эта «неразрешимость» обуславливает присутствие в любой творческой практике «парадоксов» и «апорий». Многие такие «апории» применительно к изобразительному искусству Кононов характеризует.

«Апория» «сюжетна», она делает зримым сложный путь к предъявленному художником результату. Говоря о колористических решениях в живописи Андрея Пахомова, Кононов отмечает, что «глубокие <...> “керамические” колориты складывают особый “словарь горения”, наделяя изображенные торсы-курсы персонифицированной психической историей <...>, которую можно созерцать, лишь постоянно углубляясь, и разгадывать как таинственную апорию» (88). Этот тезис варьируется и в рассуждениях об античной глиптике: «Хорошо известны классические образчики камнерезного искусства античности. Тела и лики, скрупулезные и одновременно динамичные, словно есть тайная, не растрчиваемая со временем энергия, волнуют нас как апории философов, для разрешения которых недостаточно сосредоточенности и усидчивости» (69). «Парадокс, апория, лемма» (38) стимулируют реципиента, понуждают его смотреть внимательнее, рассуждать тоньше.

Парадокс — «плодоносный, переусложненный и глубокий» (218) — рассматривается как опознавательная черта сложной и серьезной творческой практики. «Флуктуации» между полюсами эстетического переживания — одно из проявлений подлинности. Характерный пример такой парадоксальности — Порфирий Федорин: «Будто он все время комментирует некое <...> “писание” посредством своего <...> письма, одновременно поверхностного, наивного, но при этом удивительно углубленного. Ядовитого, гротескного и каким-то образом при этом распахнутого в благорасположении к созерцателю его трудов.

³ В примечании к цитируемому фрагменту: «Букв. торопливый, необдуманый (итал.); муз. очень быстрый (о темпе)».

Такой парадокс свойственен сказкам и легендам, где злое и вредоносное оказывается <...> поучительным и душеспасительным» (219). Парадоксальна коллизия доступности-недоступности объекта в практике модельера Татьяны Парфеновой (62), характер «парадокса, вернее, апории» носит противоречие между внешним и внутренним в работах скульптора Дениса Прасолова (188) и т. д.

Самым «парадоксальным» объектом эстетической рефлексии у Кононова оказывается тело. С точки зрения писателя, в современной культуре тело профанировано, лишено большинства своих ценностных смыслов, а потому нуждается в эстетическом переоткрытии: «Обнаженное человеческое тело очаровывает, влечет, отталкивает, вызывает трепет недоумения или ясное любовное чувство. Как сегодня вернуть ему, растиражированному, лишенному уникальности, смысл однажды даденной страсти и непреходящего памятного умиления, без которых человеку невозможно жить? Каким образом разглядеть его еще раз, что необходимо в нем выискать, чтобы снова пережить трепет самоприятия?» (235).

Попытка дать ответы на вопросы: «Каким может быть зрелище на границе видимого? Как транслируется чувственное?» (121) оказывается особенно интересной там, где тело, вопреки традиции, депсихологизировано и обезличено, превращено в самоценную пластическую реальность, требующую радикально новых художественных средств. В работах Кононова наиболее интересным примером рефлексии на эти темы оказываются серии «Торсы» и «Головы» Андрея Пахомова.

Тело — «всегда вневременное и экстатическое» (85) — рассматривается как область столкновения внечеловеческих стихийных сил, определяющих его выразительность и «манкость»: «Андрей Пахомов часто пишет тела, а вернее преувеличенные фрагменты корпуса, как героические пейзажи» (92); «телесное, изображаемое художником, боримое гравитацией и смертью, является лишь поводом для <...> познания <...> пластических границ и цветовых флуктуаций» (84). Столь же парадоксально решены у художника и головы, менее всего связанные с логикой портрета; акцент здесь не на психологизме, а на выразительности форм и фактур, позволяющих постигать пластическое целое: «Иногда кажется, что эти укрупненные лица, попавшие в распахнутый <...> зрительный нерв художника, косвенно отсылают зрителя к атрибутике сюрреализма. Якобы такая “ландшафтная” пристальность и всеохватность — когда изгиб брови позволяет провидеть и крутизну невидимого в этом ракурсе затылка. Так в пейзажной живописи в любой точке созерцания может быть прочитан сразу весь ландшафт, как и видимый, но не попавший в поле обзора, так и незримый, закатившийся за дальний холм» (79).

«Всеохватное зрелище» (88) — одно из самых значимых завоеваний нового искусства, старающегося достичь такой глубины проникновения, при котором «зримый человек не увиден, а промыслен» (196). Характерным образом этот мотив интеллигибельного зрения, способного охватить и явленное, и скрытое, в той или иной форме обнаруживается Кононовым у всех художников, которые ему особенно дороги — у А. Пахомова, Л. Цхэ, Т. Парфеновой.

У Парфеновой подчеркнут интерес к оборотной стороне вещей: «Все предметы натюрмортов Татьяны Парфеновой достоверно имеют иллюзорные тыльные стороны, которые, конечно, не видны. <...> Может быть, потому, что ей удастся произвести тотальное овнешнение не только предметов, <...> но также и всего арсенала, посредством которого она это делает» (38). У А. Пахомова отмечено стремление к стереоскопичности видения, призванного включить зрителя

в изображенный мир: «На любой фрагмент картины хочется посмотреть стереоскопически, заставляя правый и левый глаз фокусироваться попеременно. И это желание создает эффект оптической преувеличенности, такой недостижимой пристальности письма, “обманки”, нервующей зрителя» (88).

«Пристальность» и «иллюзионизм» проблематизируют как границы внешнего-внутреннего, так и арсенал художественных средств, который позволяет их устанавливать. «Трепет, недоумение, страх и смятение», заключенные в видимом (232), во многом объясняются тем, что художник смог «отважно перемаркировать внешнее и внутреннее», подвергнуть «критике категорию “глубины”» (186). Комплекс вопросов, связанных с «всеохватным» постижением объекта, у Кононова раскрывается с помощью концепта «(не)прозрачности».

«Прозрачность» — полюс, предполагающий отсутствие или снятие препятствий в постижении объекта. В работах Виталия Пушницкого «опрозрачивание видимого» связывается с изъятием из обыденности объекта созерцания: «Будто целью художника было создание некоего эфемерного слоя, который можно снять, отделить от живописной почвы, как декалькомании, и легко прочесть на просвет» (142). В графике Андрея Пахомова «опрозрачивание» — способ проявить в телах «токи жизни, особенный огонь»: «При созерцании фундаментальных рисунков Андрея Пахомова меня никогда не оставляло ощущение, что в какой-то степени я разглядываю на просвет инталию <...> Пахомов повествует об иллюзии бестенного объема, каковым является видимое им тело, трактует эту видимость как магический поворот» (54).

«Непрозрачность» вещей связана с существованием запретов на проникновение в те или иные области бытия. Но, следуя запрету, можно, тем не менее очертить зоны «непрозрачного». Такая задача усматривается Кононовым в практике Юрия Злотникова: «Будто бы само зрелище, сама неумная натура <...>, посягают на невыразимое основание бытия. <...> Культура всегда предлагала различные кодировки, чтобы не тревожить эту сакральную зону. <...> Злотников <...> будто носит в самом себе идею некой схлопнутой Книги» (293). Приближение к языковому, но не словесному бытию отмечается писателем и у других художников. Говоря о Елене Мартгиле, он видит в ее творчестве «лексику молчания, <...> поиск новых, невербальных ценностей» (338); характеризуя работы Порфирия Федорина, связывает их со ««поиском невыразимого слова», с устремленностью к пределу, за которым «изображения способны породить речь» (221).

«Прозрачное» и «непрозрачное» могут пересекаться в одном и том же предмете, с чем связано представление о слоистости зримого, о важной роли в его восприятии преломляющих инструментов — «стекло», «линз», «слез». Кононов пишет о «подвижном, как слеза, оптическом градиенте» (56), «жидком созерцающем взоре» (42), о «маске-линзе», способной «и излучать, и сканировать» (114) и т. п.

С этой оппозицией может быть соотнесена еще одна — цвет / отсутствие цвета. В эссеистике Кононова чаще других комментируются аскетические варианты работы с колерами — «слабый цвет, игра теней» (226), «мертвый колорит “вычитания”» (337), «лексика гризайли» (143), «перемещение высказывания в мир следов» (237) и т. п. Объясняется это тем, что драматургия образа может быть важнее цветового решения. Так в живописи Арсения Блинова «бесцветность» — прямое следствие вовлеченности в «эпицентр» напряжения: «Это своеобразная кардиограмма взрыва, хаос <...>. И не зря доминантный колорит его хостов — черно-белый, потому что прочие пигменты оказываются утесненными характером динамической задачи <...>. В этом есть достоверная правда.

Черно-белая» (237). Однако монохромность — не единственный вариант редукции средств. Иногда художник вводит зрителя в заблуждение, играя на сопряжении приглушенных колеров. Так, у Андрея Пахомова смешение «воска» и «пепла» отражают уязвимость человеческого бытия: «И часто можно наблюдать очевидную драму: как внутреннее телесное горение тела пробивается сквозь сплошной пепельный полог; как податливая скользота этого тона микшируется сухой силой перегоревшего в пепел когда-то цветного вещества» (92).

Стремление к осознанию границ доступного выражению, к освоению аналитического потенциала художественных средств актуализирует проблему саморефлексии. В литературе ее самым ярким примером Кононов полагает Л. Гинзбург: «Именно мысль, думающая самое себя, <...> показанная как изменение изменения, как овеществленное усилие, не могущая уйти <...> в небытие, — постоянный центр ценностного притяжения для Лидии Гинзбург. Жизнь в предельном аналитическом внимании, сгущенном до телесного волнения, проявляемая в постоянном борении с бессмысленным, хаотическим, то есть неживым» (395). В визуальных искусствах типологически схожая саморефлексивная установка обнаруживается у Дмитрия Маркова: «Оно, зрелище, будто бы смотрит на себя самое и поражает незримо тем, что мы <...> вдруг узрели свое собственное созерцание и таким образом — прозрели, словно промыслили то, над чем размышляли, напрягаясь, недоуменно и трудно. <...> Именно зреть зрение — достижение фотографа, его шаг за границу эстетизма» (200).

Стремление «зреть зрение» и «мыслить мысль» предполагает не только высокую аналитическую культуру, но и выраженное волевое начало. Внимание следует направить, творческий поиск организовать, работу довести до завершения. Волевая энергия и одержимость поиском связаны у Коконова с концептом «ловитва», включенным в широкую сеть «охотничьих» ассоциаций. Говоря о черновиках О. Мандельштама, писатель «уподобляет логику стихотворения хищной ловитве, когда во всем главенствует ловчий инстинкт» (205); характеризуя работу рисовальщика Л. Цхэ, он видит в его «быстром штрихе» «мгновенный аркан, набрасываемый на оптическую добычу» (193); отмечая, что «почти все образы Дениса Прасолова можно толковать как трофеи», подчеркивает: «Эмоция скульптора — полное владение вещью, как добычей в ловитве» (189).

«Ловитва» обращена к тому, что ускользает, не дается, сопротивляется схватыванию. Характерным образом наиболее эстетически заряженными оказываются состояния перехода, в которых «время либо кончилось, либо не наступило» (200). Как отмечает Кононов, «фигуранты Леонида Цхэ схвачены им, при всей их несводимости к какой-то одной модальности, в состоянии визуальной неопределенности, в промежуточном действии, в эмоциональной неясности» (195); характеризуя автопортрет Ильи Овсянникова, он усматривает в его фигуре возможность и стасиса, и движения: «Сможет ли он вообще сдвинуться с места <...>? И загадочная прелесть этого изображения, его манкость и нерв, тем сильнее, что вопрос этот так и остается без ответа» (223). В фотоработах Дмитрия Маркова «айфон выступает как ловчий сачок, рамлетка, набрасываемая на самое летучее качество персонажей — скорбь, угрюмство» (201). Но «ловитва» может и не закончиться — и тогда «манера письма, физическое усилие <...> пребывают магией, энергией вечного завершения» (215).

Художник как обладатель образа-«трофея» попадает в совершенно особую сферу «чудесного понимания» (237), которая в эссеистике Коконова описывается как «осененность». Это некое сверхзнание, полученное как награда за творческую самоотдачу. Его непредзаданность и интуитивная природа позволяют видеть в нем «откровение»: «все объяснения художественных

открытий приходят потом, когда мы каким-то непонятным образом удостоверяемся в том, что имеем дело с откровением, с тем, что культура именует осенением, то есть вхождением под сень» (83). Это пребывание под сенью раскрепощает художника, наделяет его сознанием некой миссии, мотивирует к дальнейшей работе: «Художник разворачивает историю своей веры в собственный мир: это череда эпизодов-откровений; он безбоязненно показывает нам, как он был осенен, как уверовал в собственное искусство» (220).

«Осененность» всегда связана с обретением своего собственного языка, но в то же время — с выходом в пространство всеобщности, в котором художник обретает способность к отражению универсального опыта. Этот этап в эстетике Кононова связан с проявлением параллелей между живописным и лирическим. Рассуждая об Андрее Пахомове, писатель усматривает в его телах-«пейзажах» «обобщенную беспредметность»: «Его изображения обнаженных тел напоминают мне лирические пьесы, пронзительно вытненные, <...> будто сочинены они на неизменном вневротическом языке, сглаживающем противоречия жанров в лексику обобщенной чувственной беспредметности» (82). Близкие выводы Кононов делает, обобщая наблюдения над работами Алексея Пахомова, «лирическое» в которых связывается с воспроизводством «теперь»: «Бытие <...> он словно бы выражает глаголом настоящего времени, но времени особенного, постоянно совершаемого, которое существует лишь в становлении. Именно в таком временном ресурсе обитают стихи» (118).

Таким образом, при всем внимании к визуальной культуре, при всех претензиях к языку мерой интерпретации зримого у Кононова все же остается словесное искусство. В то же время нельзя не отметить двойственную прагматическую нацеленность эссе об искусстве, которые, с одной стороны, служат задаче самопрояснения и разработки собственного концептуального языка, а с другой — призваны характеризовать реалии современного художественного процесса.

Список литературы / References

- Вежлян Е. Приключения взгляда. О книге Николая Кононова «Критика цвета» // Новый мир. 2008. № 5. URL: <https://nm1925.ru/articles/2008/200805/priklyucheniya-vzglyada-1771/> (дата обращения: 22.05.2024).
(Vezhlian E. Adventures of a look. About Nikolay Kononov's book "Criticism of Color", *Novyi mir*, 2008, no. 5. — In Russ.)
- Кондратенко Ф. С голоса // Кононов Н. Степень трепета. М: RUGRAM_Пальмира, 2022. С. 13—18.
(Kondratenko F. From the voice, *Kononov N. Degree of trepidation*, Moscow, 2022, pp. 13—18. — In Russ.)
- Кононов Н. Степень трепета. М: RUGRAM_Пальмира, 2022. 441 с.
(Kononov N. Degree of trepidation, Moscow, 2022, 441 p. — In Russ.)
- Кононов Н. Критика цвета. СПб.: Новый Мир Искусства, 2007. 320 с.
(Kononov N. Criticism of color, St. Petersburg, 2007, 320 p. — In Russ.)
- Скидан А. Сумма поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 296 с.
(Skidan A. Summa poetics, Moscow, 2013, 296 p. — In Russ.)
- Черняк М.А., Саргсян М.А. Метапрозаические стратегии в современной прозе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 130—138.
(Chernyak M.A., Sargsyan M.A. Metafictional Strategies in Modern Prose, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2020, vol. 12, iss. 2, pp. 130—138. — In Russ.)

N. KONONOV'S AESTHETICS**Alexander A. Zhitenev, Alisa V. Skryabina**Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation,
zhitenev@phil.vsu.ru, alice-lem@yandex.ru

Abstract. Based on the essay on art by N. Kononov, the article reconstructs his system of ideas about the aesthetic, key aesthetic concepts are identified, and their connections are described. In N. Kononov's understanding, only the art, in which artists 'exist within their life limit', and the creative effort is a 'sacrifice', is worth noticing. This is what allows art to retain the significance of the only scope of genuine and unimitated existence. It helps preserve the measure of things and call things by their proper names. 'Pretentiousness' is a characteristic of the ultimate aesthetic form; 'sincerity' is a characteristic of the ultimate self-disclosure of a subject. They are aimed at gaining authenticity, as well as combining the experienced and the expressed. Its condition is an artist's desire to constantly surpass their own capabilities. The desire for an elusive goal makes any art 'the art of approximations,' determines its filling with 'aporias' and contradictions. The desire to comprehend an object from all possible angles makes one wonder about the limits of what is accessible to expression. Any artist is obsessed with the 'hunt' for elusive meanings. However, according to the logic of 'aporias', the success of this hunt can simultaneously mean the loss of the object.

Keywords: self-reflection, writer on art, aesthetics, contemporary literature, N. Kononov

For citation: Zhitenev A.A., Skryabina A.V. N. Kononov's aesthetics, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 33—41.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Житенев Александр Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия, zhitenev@phil.vsu.ru

Zhitenev Alexander Anatolyevich — Doctor of Sciences (Philology), professor, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, zhitenev@phil.vsu.ru

Скрябина Алиса Вадимовна — соискатель, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия, alice-lem@yandex.ru

Skryabina Alisa Vadimovna — Applicant, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, alice-lem@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 42—47.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 42—47.

Научная статья

УДК 821.112.2.09"18"

DOI: 10.46726/И.2024.3.5

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НОВЕЛЛЕ Т. ШТОРМА «ИММЕНЗЕЕ»

Елена Робертовна Кирдянова

Московский Международный университет, г. Москва, Россия, rober70@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в статье является проблема специфики метода Теодора Шторма. Она остается актуальной и представляет новизну, связанную с неоднозначностью его метода, использованием романтической эстетики и сочетанием лирического и эпического характеров в его произведениях. Объектом стали романтические элементы в новелле «Иммензее», анализ которых позволяет прояснить соотношение различных художественных систем у Шторма. Используя характерный для романтизма конфликт между героем-энтузиастом (Рейнгард) и филистером (Эрих), автор решает его в реалистическом ключе. В исследовании обращается внимание на сходство и отличие трактовки характера Рейнгарда с романтической концепцией. В образе Рейнгарда проявляется такая яркая романтическая черта, как стремление к мечте. Характер мальчика-Рейнгарда сочетает черты мальчика-старика, превращаясь в образ мудрого ребенка и трансформируясь в основной тип романтического героя — героя-бунтаря. Однако Рейнгард не является активным бунтарем, его намерения остаются лишь словами, и его стремления не перерастают в реальные действия. Таким образом, его геройство выражается скорее в томлении по недостижимой и далекой мечте, что является особенностью романтической эстетики. В структуре повествования «Иммензее» играют важную роль различные фольклорные мотивы и аллюзии, которые связываются с романтической традицией. В целом исследование указывает на то, что в романтической литературе архетипические образы и символы женственности играют важную роль в выражении идеалов, мотивов и ассоциаций. Цветочные метафоры и сказочно-мифологические образы прядения помогают создавать атмосферу волшебства, недостижимости и таинственности, что характерно для романтизма. Эти образы и символы служат не только декоративной функции, но и помогают раскрыть глубинные психологические, духовные и эстетические аспекты литературных произведений.

Ключевые слова: романтизм, новелла, фольклорные мотивы, миф, реализм, Т. Шторм

Для цитирования: Кирдянова Е.Р. Романтические элементы в новелле Т. Шторма «Иммензее» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 42—47.

Проблема специфики метода Теодора Шторма является на сегодняшний день одной из актуальных и не решённых в штормоведении. Связано это, прежде всего, со спецификой немецкого реализма второй половины XIX века. Реализм, завоевавший художественное пространство в основных мировых литературах, в Германии имеет очень нечёткие и своеобразные черты. А.С. Дмитриев так характеризует сложившуюся ситуацию: «хотя в немецкой литературе

до расцвета творчества братьев Манн и возникли отдельные явления реализма, однако, ни произведения В. Раббе, А. Штифтера или высоко одарённого новеллиста Т. Шторма (своеобразный вид лирико-психологического реализма, очень близкого к романтизму) не дают основания говорить о направлении немецкого критического реализма, сколько-нибудь близкого по своему масштабу и художественно-эстетическому качеству реализму Англии и Франции этих десятилетий» [История зарубежной...: 23].

Разброс мнений в решении вопроса о методе Шторма широк, но преобладает точка зрения, что это своеобразная модификация реализма. Разночтения начинаются там, где речь заходит об элементах, доказывающих указанное своеобразие — о приёмах и о художественной концепции. Как справедливо отмечает А.С. Бакалов, в «различении “очевидного” (das bloß Handgreiflichste) и “истинного” (das Wahre) и была заключена основная проблема реалистической эстетики, обусловившая в том числе и неоднородность немецкого реализма XIX в.» [Бакалов: 83].

Определение метода Т. Шторма как «поэтического реализма», предложенное А. Бизе [Biese] в начале века, не утвердилось как безусловное ни в отечественном, ни в западноевропейском литературоведении. Однако «поэтическая» составляющая художественной манеры Шторма общепризнана. В данном случае речь идёт не только об особом мировосприятии, но и о приёмах и формах сочетания лирического и эпического в новеллах Шторма [Fasold; Goldamer]. Так же в западном литературоведении широко распространено стремление рассматривать творчество Т. Шторма в рамках так называемого «бюргерского реализма» [Grimm; Martini; Kunz; Klein].

В то же время одной из особенностей художественной манеры Шторма является использование им романтической эстетики. Примером может служить новелла «Иммензее», в которой рассказывается об одиноком человеке — Рейнгарде, которого в юности оставила невеста (Элизабет), предпочтя ему более выгодную партию с его другом (Эрих). Основной конфликт новеллы реализуется писателем через ставшее традиционным в романтизме противопоставление энтузиаста и обывателя, филистера. Воплощение этого противопоставления — образы Рейнгарда и Эриха. Атрибутами характера энтузиаста в образе Рейнгарда являются его особая мечтательность, порывистость, творческие задатки. Мотив, формирующий ядро образа Рейнгарда, — чуждость, непохожесть, нездешность, прямо указывает на его романтические истоки. В отличие от него, Эрих — по-хозяйски суетлив, практичен.

В то же время существенным отличием трактовки характера Рейнгарда от романтической является отсутствие мотивов порыва к бесконечному, проникновения в божественный замысел.

Такая яркая романтическая черта в образе Рейнгарда, как стремление к мечте, проявляется в нескольких последовательных звеньях повествования, выстроенных в хронологической последовательности и воплощающих динамику изменения мотива мечты: детство — мечта уехать с Элизабет в Индию; юность — символический эпизод сбора земляники и беседа с девушкой, где он говорит ей: «У меня есть тайна, чудесная тайна!» (71)* (эта тайна — любовь к Элизабет и желание быть с ней); и в зрелости — приезд Рейнгарда в усадьбу

* Здесь и далее текст новеллы цитируется по изданию: Шторм Т. Новеллы: в 2 т. Т. 1. М., 1965 с указанием в скобках страниц.

«Иммензее» и приглашение им Элизабет пойти собирать землянику, на которое, правда, он получает отказ.

Реализация этого мотива на первой стадии представляет собой сочетание в характере мальчика-Рейнгарда черт мальчика-старика, который, как указывает О.Б. Вайнштейн [Вайнштейн: 393], в творчестве романтиков (Вордсворта, Новалиса и др.) трансформируется в образ мудрого ребёнка и основной тип романтического героя — героя-бунтаря. Однако герой Шторма не представлен как действительный и бунтарь, он риторичен по своей сути, и намерения его не перерастают в свершения. Таким образом, можно говорить о специфическом состоянии героя — томлении по мечте, недостижимой и далёкой, что также является атрибутом романтической эстетики.

Немалое значение в структуре «Иммензее» имеют различные фольклорные мотивы и аллюзии, которые преломляются в русле романтической традиции. Например, Элизабет предстаёт в начале повествования как «царица лесная» и постепенно трансформируется в «Прекрасную Даму». Романтики широко использовали аллюзии этого средневекового образа, в нём они видели проявление «вечной женственности», в которой воплощалось их представление об идеальной, чаще недостижимой мечте. Наиболее близкие ассоциации устанавливаются с образом возлюбленной Генриха фон Офтердингена (Новалис «Генрих фон Офтердинген»), символически воплощённом в *голубом цветке*, и образом Розалии из романа Э.Т.А. Гофмана «Элексиры сатаны».

Типологическое сходство поддерживается «цветочными» метафорами: голубой цветок у Новалиса, роза у Гофмана, белая водяная лилия у Шторма. Голубой цветок, ставший всеобъемлющим символом романтизма, концентрировал в себе несколько концептуальных составляющих: 1) женское начало как выражение творческих потенций мироздания, скрытых от сознания и души нетворческого человека; 2) недостижимая мечта; 3) божественная возлюбленная, так же недостижимая, как мечта. В образе Розалии, в соответствии с особенностями мировосприятия Гофмана, в большей степени выражены мотивы борьбы плоти и духа в религиозном, христианском смысле. В образе Элизабет (через символику белой лилии) реализуется идея недостижимости.

Все рассмотренные составные элементы женских образов, в которых сочетаются мотивы лесной царицы, Прекрасной дамы и цветочные символы восходят к архетипическому мотиву «женитьбы на царевне», который имел широкое распространение в волшебной, бытовой сказке, рыцарском романе и также заимствовался романтиками. В новелле Шторма «Иммензее» в лейтмотивном комплексе образа Элизабет эта архетипическая модель «просвечивает» сквозь авторскую модель мировосприятия и притягивает многие ассоциативные связи.

Создавая образ Элизабет, Теодор Шторм использует пересечение и наложение вспомогательных образов, каждый из которых, имея свою линию (очень ограниченную в рамках новеллы), функционально и семантически подчинён образу Элизабет, например, образ матери Элизабет. Он вводится Штормом завуалировано, первоначально внимание на нём не фиксируется. Однако он оказывается неясным двигателем сюжета, причиной всех перипетий действия.

Образ матери вводится сказкой о трёх пряхах: либо посредством упоминания самой сказки, либо упоминания о том, что мать прядёт («уже в половине десятого моя мама теперь отставляет в уголок свою прялку...») (63) или «Вокруг царил солнечная послеобеденная тишина; лишь доносилось жужжание веретена...» (69)).

В сказке, записанной братьями Гримм, три пряжи выполнили за девушку её работу — перепряли три комнаты, наполненные шерстью. Принц, который и поставил условие девушке, посчитал её трудолюбивой и женился на ней. Чаще всего такие сказки имеют следующую сюжетную схему: тот, кому оказана услуга, не отблагодарил помощника или нарушил договор (в сказке о пряжах договором было приглашение пряж на свадьбу). За нарушением следует расплата — помощники раскрывают хитрость неблагодарного — отвержение-испытание (изменение героя в лучшую сторону) — подтверждение его силы через самостоятельное выполнение заданий.

Однако в случае со сказкой о трёх пряжах такого сюжетного развития нет и всё заканчивается благополучно, девушка выполняет своё обещание, и её тайна не раскрыта. Это не волшебная сказка, по своим чертам она ближе к бытовой сказке. В связи с этим в ней отражается какая-либо житейская ситуация, в которой заключена мудрость. «Мудростью» в данном случае будет *находчивость девушки, не растерявшейся перед трудновыполнимой задачей и добывшей себе жениха* (по классификации мотивов волшебной сказки В.Я. Проппа это мотив «ликвидация недостачи»).

В волшебной сказке на помощь героям приходят волшебные помощники. В сказке «Три пряжи» рудиментом волшебности помощников является необычный внешний вид пряж: у одной большая губа, у другой — нога, у третьей — палец.

Ассоциативный ряд мотива пряж восходит к античной мифологеме и связан с такими мифологическими образами, как мойры (греч.) или паркы (рим.). Мойры — богини судьбы, их имена — Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядущая»), Атропос («неотвратимая»). Собственно, прядёт нить жизни Клото, Лахесис назначает жребий до рождения, а Атропос приближает будущее.

При сравнении мифологического и фольклорного вариантов видно сходство семантических доминант: в том и другом случае от пряж зависит судьба человека. Таким образом, через мотив прядения (пряжи) в новеллу вносится *мотив судьбы*. Персонифицированным выразителем этого мотива является образ матери Элизабет. Она действительно направляет и решает судьбу Элизабет, что подтверждается стихотворением «Мне приказала мать...».

Наложение сказочно-мифологического и авторского образов и мотивов даёт интересный эффект: в образе матери сочетаются функции помощницы (мать постоянно следует за дочерью и не расстаётся с ней) и судьбы (она управляет её решениями). Решающая коннотация лейтмотива дана в песне «Мне приказала мать...»: «На мать свою пеняю / Её я обвиняю...» (79). Так образ матери обретает черты «злой матери» или «мачехи», в арсенале которой распространён мотив *изведения* дочери, падчерицы.

Образ матери компенсирует сюжетную слабость образа Элизабет и добавляет ему недостающих мотивировок поступков, состояний. Впрочем, мотивировки эти внешние, что не делает образ Элизабет более полнокровным с точки зрения реалистического типа художественного мировосприятия.

Таким образом, можно заключить, что в новелле «Иммензее» представлен романтический по своей сути конфликт между мечтой и действительностью, реализующийся через множество романтических приёмов. Однако одновременно следует отметить полное отсутствие мотивов исключительности и подчеркивание обычности, типичности описанной ситуации и характеров героев, что говорит о приверженности реалистической эстетике. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о смешанном типе художественного сознания Теодора Шторма в рассмотренном произведении.

Список литературы / References

- Бакалов А.С. О становлении немецкого реализма // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 77. С. 81—90.
(Bakalov A.S. On the Emergence of German Realism, *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social Sciences, Humanities, Medical and Biological Sciences*, 2021, vol. 23, no. 77, pp. 81—90. — In Russ.)
- Вайнштейн О.Б. Индивидуальный стиль в романтической поэтике // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 392—430.
(Vajnshtejn O.B. Individual style in Romantic poetics, *Historical Poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness*, Moscow, 1994, pp. 392—430. — In Russ.)
- История зарубежной литературы XIX века: в 2 ч. Ч. II. / под ред. А.С. Дмитриева. М.: МГУ, 1983. 544 с.
(History of Foreign Literature of the 19th Century: In 2 Parts, pt. II, ed. by A.S. Dmitriev, Moscow, 1983, 544 p. — In Russ.)
- Biese A. Th. Storm. Zur Einführung in Welt und Herz des Dichters, Leipzig, 1922, 220 S.
- Fasold R. Die Rezeption der Dichtung Theodor Storm in Zeitungen, Zeitschriften und buchmonographischen Veröffentlichungen zwischen 1850 und 1890, Diss. Leipzig, 1983.
- Goldamer P. Theodor Storm. Eine Einführung in Leben und Werk, Leipzig, 1980, 225 S.
- Grimm G. “Ein Doppelgänger” (1886). Soziales Stigma als modernes Schicksal, *Dunkler H. (Hg). Romane und Erzählungen des Bürgerlichen Realismus. Neue Interpretationen*, Stuttgart, 1980, S. 325—346.
- Häntzschel H. “Das quälende Rätsel des Todes”. Zu Theodor Storms Gedichtereihe „Tiefe Schatten“, *Häntzschel G. (Hg). Vom Biedermeier zum Bürgerlichen Realismus*, Stuttgart, 1983, S. 360—371.
- Klein J. Geschichte der deutschen Novellen von Goethe bis zur Gegenwart, Wiesbaden, 1954, 611 S.
- Kunz J. Die deutschen Novelle in 19. Jahrhundert, Berlin, 1970, 178 S.
- Martini F. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus 1848—1898, Stuttgart, 1974, 1044 S.

IN T. STORM'S NOVELLA “IMMENSEE”***Elena R. Kiryanova***

Moscow International University, Moscow, Russian Federation, rober70@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the problem of the specifics of the Theodor Storm method. It remains relevant and represents the novelty associated with the ambiguity of his method, the use of romantic aesthetics and the combination of lyrical and epic characters in his works. The object was the romantic elements in the novel “Immensee”, the analysis of which makes it possible to clarify the relationship of various artistic systems of the writer. Using the conflict characteristic of romanticism between the hero “enthusiast” (Reinhard) and philistine (Erich), the author solves it in a realistic way. The study draws attention to the similarities and differences between Reinhard's character interpretation and the romantic concept. Reinhard's image shows such a vivid romantic trait as the pursuit of a dream. The character of the Reinhard boy includes the features of an old man, turning into the image of a wise child and transforming into the main type of romantic hero - a rebel hero. However, Reinhard is not an active rebel, his intentions find their expression only in words, and his aspirations do not develop into real actions. Thus, his heroism is expressed in longing for an unattainable and distant dream, which is a feature of romantic aesthetics. Various folklore

motifs and allusions that are associated with the romantic tradition play an important role in the structure of the Immensee narrative. In general, the study indicates that in romantic literature, archetypal images and symbols of femininity play an important role in expressing ideals, motives and associations. Floral metaphors and fabulous mythological images of spinning help to create an atmosphere of magic, inaccessibility and mystery, which is typical for romanticism. These images and symbols serve not only a decorative function, but also help to reveal the deep psychological, spiritual and aesthetic aspects of literary works.

Keywords: romanticism, short story, folklore motifs, myth, realism, T. Storm

For citation: Kiryanova E.R. Romantic Elements in T. Storm's novella "Immensee", *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 42—47.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Кирдянова Елена Робертовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский Международный университет, г. Москва, Россия, rober70@mail.ru

Kiryanova Elena Robertovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor at the Department of Humanities, Moscow International University, Moscow, Russian Federation, rober70@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 48—54.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 48—54.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.46726/И.2024.3.6

ХРОНОТОП ДОМА В РОМАНЕ Д. ВЕРЕСОВА «ЧЕРНЫЙ ВОРОН»

Ольга Юрьевна Осьмухина, Мария Сергеевна Шишонкова

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия,
osmukhina@inbox.ru, shishonkova.marya@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить ключевые особенности хронотопа Дома в романе «Черный ворон» современного петербургского прозаика Дм. Вересова. Были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, метод целостного анализа художественного произведения. В результате было установлено, что хронотоп Дома играет в «Черном вороне» особую функциональную роль: пространство Дома, во-первых, оказывается здесь местом развития переломных событий, в сравнении с другими романами саги, действие которых не будет локализовано и ограничено исключительно Ленинградом и несколькими квартирами. Во-вторых, маркирует сущность персонажей; наконец, является зеркальным отражением советской истории и культуры — именно посредством различных пространств Дома / Антидома раскрывается быт и устройство жизни представителей различных социальных страт советского общества (рабочего класса, деклассированных представителей будущего криминального мира, партийной номенклатуры) и способствует постижению их аксиологии. Художественное пространство и время играют в тексте сюжетообразующую роль. Именно в первом романе семейной саги о судьбах двух сестер Дом как пространственная составляющая является не только фоном разворачивания мистических и детективных коллизий, но и смысловым центром, катализатором сюжетного разворачивания. В «Чёрном вороне» во временном отношении происходит совмещение далекого и близкого (время личных судеб вписано в историческое), в пространственном — малого (дом) и большого (Ленинград, Россия) хронотопов.

Ключевые слова: Дм. Вересов, современная русская проза, семейный роман, хронотоп Дома, топос квартиры

Для цитирования: Осьмухина О.Ю., Шишонкова М.С. Хронотоп Дома в романе Дм. Вересова «Чёрный ворон» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 48—54.

Общеизвестно, что принципиально значимое место в структуре пространственно-временных отношений занимает хронотоп дома, в том числе в литературе XIX—XX вв., на что справедливо указывают отечественные исследователи [Бахтин; Жулькова; Осьмухина; Радомская; Синякова]. Как отмечал М.М. Бахтин, пространство дома дает наглядное представление об эпохе «Здесь сгущены, сконденсированы наглядно зримые приметы как исторического времени, так и времени биографического и бытового, и в то же время они теснейшим образом переплетены друг с другом, слиты в единые приметы эпохи» [Бахтин: 395]. Хронотоп дома изучался, кроме того, Ю.М. Лотманом, который применительно к «Мастеру и Маргарите» М. Булгакова рассматривал

пространство в оппозиционных соотношениях Дома и Антидома [Лотман], суммировал мифологические характеристики Дома как сакрального пространства и пришел к выводу о том, что «Дом превращается в важный признак культурного пространства» [Лотман: 275]. Этот тезис, вне всякого сомнения, актуален и для литературы современной, в которой Дом (или же топосы его замещающие) выполняет не только сюжетообразующую, но и аксиологическую функцию (достаточно вспомнить «Сорок лет Чанчжоэ» Дм. Липскерова, «Выше ноги от земли» М. Турбина, «Петровы в гриппе и вокруг него» А. Сальникова, «Учителя Дымова» С.В. Кузнецова, тетралогии о староведах Ивановых Е.А. Катишонок, многочисленные семейные саги последних десятилетий и т. д.). Более того, именно хронотоп Дома позволяет выявить ключевые закономерности в современном семейном романе (и семейной саге как его жанровой модификации), о чем свидетельствует его связь одновременно со сферой частно-бытового и — общественного, изображение его с помощью обращения к архетипам, узнаваемым мифологемам и ритмических, циклических чередований поколений, позволяющих говорить о динамическом воспроизводстве *рода* как биологически-социальной и нравственно-духовной общности именно в пространстве Дома.

Весьма примечательна в этом контексте сага о вороне Дм. Вересова в целом, и особенно открывающий её роман «Чёрный ворон». Подчеркнем, что «Чёрный ворон» избран нами в качестве материала исследования отнюдь не случайно: с одной стороны, он вполне вписывается в ряд аналогичной «серийной» продукции отечественного масскульта, что, кстати, послужило поводом к его экранизации (т/с «Чёрный ворон», 2001—2006). С другой, роман органично сочетает в себе клише массовой словесности (занимательный сюжет с мистической и детективной составляющими, бытовые стереотипы, наличие штампов художественной речи и др.) с этической проблематикой, выходящей за рамки масскульта.

Как справедливо подметила А.Т. Джиоева, хронотоп Дома романа «Чёрный ворон» Дм. Вересова не просто органично «вписывается» в традицию изображения пространства Домов / Антидомов в семейном романе отечественной словесности (к примеру, как в «Белой гвардии» и «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, «Вечном зове» А. Иванова, «Детях Ванюхина» Г. Ряжского и др.) [Джиоева], но и расширяет её. Пространство Дома «как материализованной истории» [Бахтин: 396] позволяет наблюдать очевидную трансформацию отношения к нему: от утраты до его поиска и обретения.

На примере судьбы семьи Захаржевских в «Черном вороне» показывается трагизм утраты Дома как важного интимного и духовного пространства, причем прозаиком раскрывается влияние исторических событий на восприятие пространства личного. Разрушительное действие войны приводит к тому, что кто-то из персонажей теряет Дом полностью (Эдуард Захаржевский и его сын Алексей), а кто-то *так* боится потерять его, что целенаправленно умерщвляет Дом избытком и достатком, «убивая» его аксиологическую сущность как основу семейную и родовую (семьи Черновых и Лариных).

Алексей Захаржевский не мог разделить воодушевления отца по поводу возвращения на родину, потому что никогда не имел возможности наблюдать то, ради чего Эдуард Иванович так сильно хотел вернуться назад. Здесь понятие Дома расширяется до всей страны, в целом олицетворяющей место, где когда-то жил род Захаржевских: «Ведь не семья покинула Советскую Родину (отец всегда произносил это словосочетание подчеркнуто, как бы с большой буквы, и эта манера дико раздражала Алексея), а Родина покинула их, как

неверная жена, отдав вместе с КВЖД китайцам и даже не испросив на то их согласия» [Вересов]. Оторванный от Дома в юном возрасте, Алексей застал голодную смерть матери и не смог создать крепкой духовной связи с тем местом, в котором семья жила раньше. В Китае у него не получается до конца сформировать привязанности к Дому и выработать его четкий образ. Очевидно здесь формирование образа Антидома: «Осточертела ему, видишь ли, чистая квартирка с китайской прислугой и портретом товарища Сталина в гостиной, истерические большевизанки из Клуба советских граждан, газетенка с унизительным названием “Мы тоже советские люди”, которой отдавал все свободное время отец...» [Вересов].

Раскрывая быт и частную жизнь состоятельных людей, партийной номенклатуры Ленинграда 1950—1970-х гг., писатель показывает постепенное омертвление пространства Дома. Изобилие, получаемое путем бюрократических махинаций, праздная жизнь, отсутствие любви и искренности между родителями и детьми — все это делает пространство Дома ложным. Это чувствует Алексей, когда приезжает в гости к своему дяде Всеволоду Ивановичу Захаржевскому: «Самое интересное, что Алексей нисколько не кривил душой. Действительно все трое, даже кривобокая Клава, стали для него красавицами. И вдруг показалось нелепо видеть их здесь, в этом богатом, но безликом доме, где сами стены источают ложь» [Вересов].

Алексей Захаржевский тонко чувствует пространство вокруг. Он ощущает своё неуютное положение гостя. Сам топос квартиры враждебен ему и свидетельствует об опасности: «В эту ночь Алексей долго не мог заснуть. Он включил торшер, поднялся, зевая, подошел к этажерке, взял наугад книжку, наугад раскрыл:

У меня в померкшей келье —
 Два меча.
 У меня над ложем знаки
 Черных дней.
 И струит мое веселье
 Два луча.
 То горят и дремлют маки
 Злых очей» [Вересов].

Подобное застывшее, омертвевшее пространство блоковского стихотворения «Прочь!» из цикла «Снежная маска» отнюдь не случайно: с одной стороны, оно вполне сопоставимо с топосом пребывания Алексея, который, равно как и блоковский лирический герой, обреченно встал на путь смерти, а «Снежной Девой» для него оказывается Ада, с появлением которой возникает inferнальный мотив. Во-вторых, блоковский фрагмент отсылает к замковому хронотопу европейских баллад, и способствует воссозданию такой же атмосферы ограниченности и страха в квартире Захаржевских. Справедливости ради, отметим, что постепенно хронотоп этот расширяется до волшебного пространства сказки, с её атмосферой мистического и ирреального. Так, в доме Захаржевских проживает Анна Давыдовна, которая создает вокруг себя страшно-фантастическое пространство, сродни Бабе-Яге в фольклорных сказках: «Мама, черная, тощая, смуглая дылда, расхаживала в невысказанных цветных нарядах, беспрестанно смолила “Беломор” (разумеется, не рядом с малышом), силным басом ругалась со всеми подряд, привезла с собой два сундука каких-то совершенно ведьминских штучек и забила ими выделенную ей комнату, в которую запретила соваться кому-либо, кроме дочери» [Вересов]. Даже Аду комната

матери пугает: «Это была странная комната, входить в которую разрешалось только Аде. Уходя из дому, мать всегда запирала комнату на ключ, который уносила с собой. Но у Ады был свой ключик, им она и воспользовалась. Здесь царили непривычные пряные запахи, внушавшие чувство неосознанной тревоги» [Вересов].

Ритуал, местом проведения которого становится квартира Захаржевских, подчеркивает её отчужденность и противопоставленность реальной жизни. Место, в которое способен прийти сам Дьявол, не может являться живым: «Но теперь бессилию конец. В чем Белая Мать отказала, то Рогатый даст, и с лихвою! Ведь такая сила, такая сила в мир просится — это она тогда поняла, когда нож с черной ручкой над куклой занесла. Будто кто-то обнял ее сзади, держит, в жилы то пламень, то лед пускает и шепчет без слов: “Я с тобой! Я с тобой!”» [Вересов]. Примечательна сгущенность темных тонов и преобладание черного цвета в описании облика Анны Давыдовны и самой её комнаты, создающих ощущение непроглядной адской тьмы, контрастирующей с чистотой и светом божественного начала, ибо «из-за вечной тьмы, царящей в аду, его постоянные обитатели <...> все сплошь выглядят темными даже черными...» [Пастуро: 42].

Квартиры семьи Захаржевских, Лариных, Черновых становятся «мертвым» местом, в котором достаток всего избавляет от понятий чувственности и любви. Старшее поколение ценит свою жилплощадь за её размеры, статусность, которую она подчеркивает, но не умеет жить на ней той семейной жизнью, для которой это пространство предназначено. Забив до отказа свои дома роскошью и драгоценными предметами, они создают вокруг себя иллюзорный мир благополучия, в котором высшим благом является достаток. Пространство приобретает функцию хранения «богатства», утрачивая свою сакральность, семейную интимность. Подсознательно законсервированность Антидомов чувствует молодое поколение, которое старается уйти из таких мест, пытаясь найти другие, те, в которых можно было бы почувствовать искренность и любовь.

Влияние «ложного» пространства оказывается слишком сильным, потому некоторые представители молодого поколения как бы по привычке начинают повторять то, что видели на протяжении всей жизни в квартирах родителей. Так, Татьяна Захаржевская с легкостью отнимает квартиры у других, не видя и не понимая их ценности: «У меня на книжке всего три четыреста, остальное придется в темпе одалживать у друзей, родственников. Под покупку дачи. — Какой дачи? — Твоей, разумеется» [Вересов]. Пытаясь вырваться из застывшего пространства дома, она начинает впутываться в различные авантюры не ради наживы, но ради развлечения. Ей кажется забавным заниматься кражей вместе с Генералом, ибо она не понимает всей сакральности дома.

Отметим, что пространства Домов и Антидомов раскрывают и внутренние качества героев. Так, дом Шерова и квартира Генерала характеризуют Татьяну Захаржевскую как героя-плута, который из всего пытается извлечь личную выгоду. Ей не нужно пространство «интимное», «семейное», домашнее, она комфортно ощущает себя, не имея привязки к определенному месту. Её окутанное мистическим флёром рождение, отчасти инфернальная сущность определяют внутреннее тяготение героини к злу и всему преступному. Так, попадая в жилище бандита Генерала, она «дышала свободно и легко, словно попала в свой дом, такой непохожий на родительский. Ни тебе старинного комода, воняющего нафталином, ни пыльных портьер, ни тусклой бронзовой люстры с висялками хрусталя, мутными как сопля» [Вересов].

Напротив, череда квартир, через которую прошла Татьяна Приблудова, маркирует для героини «пороговость» в её судьбе. Каждая квартира вырабатывает

в ней стойкий характер, учит пониманию жизни, сталкивая с разными ситуациями и людьми. Она видит трудное, тягостное бытие в коммуналке сумасшедшей старухи; обретает настоящую и искреннюю любовь, самые доверительные моменты которой происходят в пространстве квартиры Евгения Ковалева. Наконец, Татьяна находит настоящую семью и поддержку в «келье» общежития.

Оппозицией Антидомам становятся, как это ни парадоксально, общежития — места, где протекает «общая жизнь», но при этом именно они оказываются домами с наибольшей концентрацией интимности и искренних чувств. Комната здесь является местом «живым», ибо с неё снимается нагрузка «статусности». Именно здесь каждый ценит собственное пространство, но готов поделиться им, поскольку оно не принадлежит в полной мере никому. Движение, которое не дает этому пространству застыть, является фактором, обеспечивающим живость и живучесть общежития. Так, Оля и Поля принимают к себе Татьяну Приблудову: «С ними было спокойно, но нестерпимо скучно. И все же, тщательно все взвесив, Танька собрала вещички и, заручившись согласием Оли и Поли, перебралась в “келью”» [Вересов]. Позже в общежитии Татьяна живет с уже с Иваном.

Омертвевшее пространство «ложного» Дома начинает диктовать людям принципы жизни, создает иллюзорность мира, вновь сближая его с хронотопом волшебной сказки, в котором время может чудесным образом убыстряться и замедляться, но проходит мимо героя [Пропп: 82]. Подобный «ложный» Дом находится вне живого течения времени, с застывшими взглядами и привычками. Так, Иван Ларин, столкнувшись с пространством съемной квартиры, попадая на время домой, практически забывает о том, что теперь это не его дом: «Он разомлел, переоделся в пижаму, почистил зубы и возлег на любимую тахту под любимым бра с томиком Лескова, даже как-то и позабыв, что его ждет Таня» [Вересов]. Он воспринимает пространство других домов как нечто иллюзорное, книжное, совсем не понимая реальности: «Вот та коммунальная дыра, да и общага строителей на Покровке — это была экзотика, романтизм» [Вересов]. В этом смысле пространство квартиры, ассоциирующееся с достатком и легкостью быта, очень пагубно влияет на мировосприятие героев романа: топос частно-бытового воздействует в дальнейшем на сферу общественную, куда вступают нравственно развращенные персонажи.

Таким образом, хронотоп Дома играет в романе «Черный ворон» Дм. Вересова особую функциональную роль: пространство Дома, во-первых, оказывается местом развития переломных событий; во-вторых, маркирует сущность персонажей; наконец, является зеркальным отражением советской истории и культуры — именно посредством различных пространств Дома / Антидома раскрывается быт и устройство жизни представителей различных социальных страт советского общества (рабочего класса, деклассированных представителей будущего криминального мира, партийной номенклатуры) и способствует постижению их аксиологии. Пространство Антидома, локализованное в топосах квартир Захаржевских, Лариных и Черновых, символизирует отчуждение героев друг от друга и становится метафорой ослабления связей между ними в «большом» мире.

Список литературы / References

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с. (Bakhtin M.M. Questions of Literature and Aesthetics, Moscow, 1975, 504 p. — In Russ.)

Вересов Дм. Черный Ворон. URL: <https://litlife.club/books/54476/read> (дата обращения: 12.03.2024).

(Veresov Dm. Black Raven. — In Russ.)

- Джиоева А.Т. Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2019. 23 с.
(Dzhioeva A.T. Traditions of the family novel in the domestic prose of the XX century: abstr. of the diss. ... Candidate of Sciences (Philology), N. Novgorod, 2019, 23 p. — In Russ.)
- Жулькова К.А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, литературоведение. 2019. С. 194—201.
(Zhulkova K.A. Image of a house in Russian literature of the first half of the XX century, *Social sciences and humanities. National and foreign literature. Series 7: Literary Studies*, 2019, pp. 194—201. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
(Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds, Moscow, 1996, 464 p. — In Russ.)
- Осьмухина О.Ю. Образ дома в творчестве Дм. Липскерова конца 1980—1990-х гг. // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 2 (10). С. 28—36.
(Osmukhina O.Yu. Image of a house in the work of D.M. Lipskerov of the late 1980s—1990s, *Palimpsest. A Literary Studies Journal*, 2021, no. 2 (10), pp. 28—36. — In Russ.)
- Пастуро М. Черный. История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. 4-е изд. М.: НЛЮ, 2021. 168 с.
(Pasturo M. Black. Color History, transl. by N. Kulish, Moscow, 2021, 168 p. — In Russ.)
- Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
(Propp V.Ya. Morphology of a fairy tale, Moscow, 2001, 192 p. — In Russ.)
- Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в.: опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 237 с.
(Radomskaya T.I. Dom i Otechestvo in Russian classical literature of the first third of the XIX century: the experience of spiritual, family, state organization, Moscow, 2006, 237 p. — In Russ.)
- Синякова Л.Н. Топос ДОМ в прозе А.П. Чехова 1890-х годов и ассоциированные с ним мотивы: смирение — бегство — уход // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9: Филология. С. 102—113.
(Sinyakova L.N. The topos HOUSE in the prose of Anton Chekhov in the 1890s and the motifs associated with it: humility — flight — departure, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, no. 19 (9), pp. 102—113. — In Russ.)

THE CHRONOTOPE OF THE HOUSE IN D. VERESOV'S NOVEL “BLACK RAVEN”

Olga. Yu. Osmukhina, Mariya. S. Shishonkova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
osmukhina@inbox.ru, shishonkova.mariya@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the key features of the House chronotope in the novel "Black Raven" by the modern St. Petersburg novelist Dm. Veresov. The following research methods were used: comparative-historical, typological, method of holistic analysis of the artwork. As a result, it was established that the chronotope of the House plays a special functional role in The Black Raven: the space of the House, firstly, appears here as a place of development of crucial events, in comparison with other novels of the saga, the action of which will not be localized and limited exclusively to Leningrad and several apartments. Secondly, it marks the essence of the characters; finally, it is a mirror reflection of Soviet history and culture - it is through the different spaces of the House / Antihouse that the everyday life and life structure of the representatives of different strata of Soviet society are revealed. Artistic space and time play a plot-forming role in the text. It is in the first novel

of the family saga about the fate of two sisters that the House as a spatial component is not only the background for the unfolding of mystical and detective collisions, but also the semantic center, the catalyst of the unfolding plot. In “The Black Raven” there is a combination of distant and near (the time of personal destinies is inscribed in the historical) in temporal terms, in spatial terms - small (house) and large (Leningrad, Russia) chronotopes.

Keywords: Dm. Veresov, Modern Russian prose, family novel, chronotope of the House, topos of the apartment

For citation: Osmukhina O.Yu., Shishonkova M.S. The chronotope of the house in D. Veresov’s novel “Black raven”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 48—54.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Осьмухина Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, МГУ им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, osmukhina@inbox.ru

Osmukhina Olga Yuryevna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, osmukhina@inbox.ru

Шшонкова Мария Сергеевна — магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, МГУ им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, shishonkova.marya@yandex.ru

Shishonkova Mariya Sergeevna — Master's student of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, shishonkova.marya@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 55—61.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 55—61.

Научная статья

УДК 821.161.1.09“18”

DOI: 10.46726/И.2024.3.7

«Я ТЕБЯ НЕ ПРОКЛИНАЮ ИЛИ НЕ ПРОЩАЮ?» ОБ ОДНОЙ ФРАЗЕ В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР»

Екатерина Сергеевна Шевченко

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия, e.shevchenko@ssau.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема русского национального характера в повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» в свете шекспировских образов как культурных констант. Отмечается, что в России формирование шекспиризма как культурного явления происходило в пушкинскую эпоху, после чего каждая последующая эпоха русской литературы и культуры дополнялась своим пониманием Шекспира, внося собственные смыслы в трактовку его вечных образов. В статье устанавливается значение Шекспира и неисчерпаемых шекспировских образов в творчестве Тургенева. Автор исходит из понимания Тургеневым Шекспира как «всепрощающего сердцеведца», вошедшего в «плоть и кровь» русской литературы. Мысль об этом прозвучала в «Речи о Шекспире», специально написанной Тургеневым по случаю трехсотлетнего юбилея великого английского драматурга. В повести «Степной Король Лир» смысловым ядром характера главного героя становится архетип шекспировского Лира. Однако у Тургенева он пропущен сквозь русское национальное сознание и гуманную идею всепрощения. Ключевым в понимании поступка Мартына Харлова, повторяющего поступок шекспировского Лира, является его «сонное мечтание» о вороном жеребенке, которое в повести прочитывается в духе Откровения святого Иоанна Богослова — как приближение апокалипсиса. В заключение делается вывод о том, что эстетическое таинство приятия Шекспира преломлялось Тургеневым в таинстве духовно-религиозном, а идея прощения мыслилась русским писателем как духовная составляющая национального характера.

Ключевые слова: Тургенев, «Степной Король Лир», культурная константа, вечные образы, шекспиризм, Шекспир в России, русский национальный характер, духовно-религиозное таинство

Для цитирования: Шевченко Е.С. «Я тебя не проклинаю или не прощаю?» Об одной фразе в повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 55—61.

В России формирование шекспиризма как культурного явления происходило в пушкинскую эпоху [Захаров 2011], после чего каждая последующая эпоха дополняла диалог с Шекспиром собственным его пониманием, внося собственные смыслы в трактовку его вечных образов. И.С. Тургенев осваивал творческое наследие У. Шекспира на протяжении всей своей жизни. Произведения великого английского поэта и драматурга он читал с детских лет. Систематическое же изучение У. Шекспира началось благодаря Т.Н. Грановскому, с которым И.С. Тургенев познакомился в 1835 году, во время учебы в Петербургском

университете. Грановский тогда учился на последнем курсе юридического факультета, а Тургенев был второкурсником. Этот эпизод из своей жизни Тургенев упомянул в статье «Два слова о Грановском» (1855), написанной по скорбному случаю — на смерть Грановского. В ней Тургенев, горя о безвременной кончине друга, вспоминал, что в начале их дружбы Тимофей Николаевич интересовался не только историей, но также и литературой — сочинял стихи и переводил «Фауста» Гете [Тургенев 5: 325]. Несколько лет спустя Тургенев встретился с Грановским в Германии, во время изучения философии в Берлинском университете. В 1838 году в немецком центре Грановский посвятил Тургенева в «шекспирианцы» и в качестве подарка преподнес том “The plays and poems of William Shakespeare”, сопроводив его собственным посланием, вклеенным перед титулом: «Со страхом... и верою приступите...» [ОГЛМТ: 325]. В православной традиции слова «Со страхом Божиим и верою приступите!» звучат после Литургии и означают приглашение к трапезе Господней ради причащения святых Тайн. Обряд посвящения Грановским Тургенева в «шекспирианцы» имел символическое значение. Вот что по поводу этого события пишет исследователь И.О. Волков: «Совершив над писателем своеобразное “эстетическое таинство”, Грановский во многом определил вектор развития его образования и литературной деятельности» [Волков: 33]. И с этим суждением невозможно не согласиться.

Много позже, в 1864 году, И.С. Тургенев, находясь в Париже, по просьбе П.В. Анненкова написал «Речь о Шекспире», которую планировалось зачитать в «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» в Петербурге, на юбилейном вечере по случаю празднования 300-летия со дня рождения великого английского драматурга. Выбор пал на Тургенева не случайно: в литературной среде он слыл почитателем и знатоком Шекспира. В трепетной и проникновенной «Речи» Тургенев отметил особую близость между «всепрощающим сердцеvedцем» Шекспиром и русским народом, отличительной чертой которого является «жажда самосознания», «неутомимое изучение самого себя» [Тургенев 12: 327].

В повести «Степной Король Лир» (1870), погружая читателя в атмосферу шекспировских страстей и характеров, Тургенев ставит и решает существенные проблемы: проблему самосознания русского народа и проблему русского национального характера. Главный вопрос, который терзает читателя по прочтении повести: как намеревался завершить свои предсмертные слова, обращенные к дочери, главный герой повести — проклятием или прощением? Для того чтобы осмыслить понимание этого вопроса Тургеневым, необходимо обратиться к заглавию, сюжету и героям повести, соотнести их с трагедией Шекспира и мировидением самого автора.

Тургенев называет свою повесть «Степной Король Лир», что является прямой реминисценцией заглавия шекспировской трагедии. При этом Тургенев добавляет к прецедентному заглавию определение «степной». Если такой акцент сделан автором, значит, он для него важен. Образ степи появляется у Тургенева также вслед за Шекспиром: после сцены ярости и гнева в адрес неблагодарных дочерей Лир удаляется в степь, где к нему присоединяются Глостер, Кент и Эдгар. Следовательно, образ степи связывается Шекспиром с изгнанием и скитальчеством Лира, а также с его безумием, ведь именно в степи безумный Лир ведет свои странные диалоги с таким же безумцем Эдгаром и проклинает предавших его дочерей — Регану и Гонерилью. Образ степи связывается у Шекспира с образом бури, являющейся символическим выражением слепой ярости Лира, который в приступе гнева сражается с бушующими

ветрами, рвет на себе волосы, а порывы ветра уносят его пряди в небытие. Бунтующий Лир бросает вызов небесам и всем стихиям. Это не частный конфликт с дочерьми, он затрагивает основы бытия. Лир обращается к стихиям, словно они живые существа; его стремительную речь прерывают только реплики шута и Кента. Речь его звучит предельно обобщенно и метафорически. Находящийся на пороге безумия, Лир воспринимает события своей жизни в космических масштабах, как потрясение мироздания. В свете шекспировского понимания образа степи по-новому может быть понято и тургеневское акцентирование этого образа. Бескрайние просторы степи дают почувствовать космические масштабы трагедии, ошутить, как пошатнулись основы мира. Шекспировский образ степи выступает как своего рода метафора бытия. Именно в таком ракурсе следует понимать определение «степной» у Тургенева, предпосланное его бунтующему герою. Тургенев как бы выводит конфликт героя с миром на новый уровень — из частной, семейной сферы в бытийную сферу, придавая им шекспировский масштаб и колорит. Этот масштаб обозначается в повести трижды — в названии, в прологе к повести и в заключительных словах рассказчика. Тургенев настаивает на том, что его герой и есть русский Лир.

События шекспировской трагедии разворачиваются в древней Британии, которую населяют кельты-язычники; Лир из их числа, он сын волхва и поклоняется языческим богам, олицетворяющим силы природы. Король Лир подобен библейскому Иову, который тоже прошел через горнило страданий, но не проклял Бога, за что Бог воздал ему. Обе эти истории — и шекспировская, и ветхозаветная — соотносятся с сюжетом повести Тургенева и ее главным героем.

Тургенева во все периоды его творчества привлекала проблема национального характера. Повесть «Степной Король Лир» стала для него еще одним подступом к русскому национальному характеру. Примечательно имя героя — Мартын Петрович Харлов. В формулярных списках, которые предшествовали созданию повести и представляли собой авторские наработки образов и характеров, героя звали иначе — Николай Семенович Протасов. Почему Тургенев переименовывает его? В окончательном тексте повести имя героя как будто бы усиливает его образ и характер: имя «Мартын» восходит к латинскому «Martius», являющемуся притяжательным прилагательным от «Mars», т. е. «принадлежащий Марсу; отчество «Петрович» образовано от имени «Петр», что в переводе с древнегреческого означает «скала, камень». Действительно, характеру героя присущи воинственность и твердость. Обращает на себя внимание фамилия героя — Харлов, которой в повести самим героем дается почти легендарное объяснение: «Наш род от вшеда (он так выговаривал слово швед); от вшеда Харлуса ведется, — уверял он, — в княжение Ивана Васильевича Темного (вон оно когда!) приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом — а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался. Вот мы, Харловы, откуда взялись!.. И по той самой причине мы все, Харловы, урождаемся белокурые, очами светлые и чистые лицом!» [Тургенев 8: 160—161]. Но помимо этой, данной самим героем, основной версии происхождения фамилии, можно обозначить, по крайней мере, еще две «добавочные»: возвышенную — от обиходной уменьшительной формы крестильного имени «Харитон» (в переводе с древнегреческого — «благодарный, осыпавший милостями, щедрый») и сниженную — от прозвища Харло, восходящего к диалектному слову «харло» («горло») или глаголу «харлать» («кричать, горланить»). Все эти версии дополняют друг друга; при этом «сниженная» соответствует внешнему облику героя и его физиологическим особенностям: «дышал он протяжно и тяжело, как бык»; «Голос из этого рта выходил хотя

сильный, но чрезвычайно крепкий и зычный... Звук его напоминал лязг железных полос, везомых в телеге по дурной мостовой — и говорил Харлов, точно кричал кому-то в сильный ветер через широкий овраг» [Там же: 160]. А «возвышенная» лишняя раз указывает на экзистенциальный выбор, перед которым оказывается герой. Есть у фамилии главного героя и еще один семантический слой, связанный с русской историей: в «Истории Пугачева» А.С. Пушкин описал гибель от рук бунтовщиков премьер-майора Захара Харлова, коменданта Нижнеозерной крепости, и несчастную судьбу его 17-летней вдовы, ставшей наложницей Пугачева, а затем расстрелянной группой его казаков. Эта «версия» косвенно связывает фамилию героя с трагическими событиями российской истории, русского бунта, разрушения дома и семьи, наконец, с темой крушения основ мира.

С точки зрения рассказчика, герой «не проклинает» и готов простить любимую дочь Евлампью — к ней он и обращается перед самой своей смертью. Рассказчику хочется верить в это прощение, и в его интонациях преобладают смирение и сентиментальность. На момент событий ему было 15 лет, а рассказывает он эту историю будучи уже пожилым человеком (очевидно, сентиментальности добавляет воспоминание о матушке, богатой помещице, и о том, как ее спас Харлов, о делах давно минувших дней). Примечателен авторский «жест» — переключение внимания читателя с героя на окружение, которое беспокоится о том, чтобы герой не досказал слов проклятия (другого от него, по всей видимости, и не ждут, ведь он столько раз говорил о проклятии). Криничкий зовет священника, чтобы Харлов успел покаяться и исповедаться перед смертью. Не позволяя умирающему завершить фразу, окружающие словно оберегают его от страшных слов (чтобы герой не успел договорить фразу «я тебя не прощаю»); оберегает героя и автор, который переключает внимание читателя на Криничкого и священника.

Что толкает Харлова к поступку Короля Лира — раздать дочерям наследство еще при жизни? В повести есть вполне конкретное объяснение: вещий сон и предчувствие близкой смерти. Харлову снится вороной жеребенок, который с ним играет, «зубы скалит», который «лягнул в левый локоть», так что после пробуждения герой чувствует паралич левой стороны и воспринимает сон как знамение. Данный эпизод повести восходит к Откровению святого Иоанна Богослова, единственной пророческой книге Нового Завета. Вороному коню в Откровении предшествуют белый и рыжий, за ним же следует бледный конь и всадник на нем, имя которому — «смерть», сулящий ад и умерщвление голодом и мечом [Откровение святого Иоанна...]. Именно так прочитывается осмысливается явление вороного жеребенка во сне тургеневским героем. «Не за горами смерть-то — за плечами», — горестно произносит Харлов матушке рассказчика. Примечательно, что герой видит вещий сон накануне заговенья на Петров пост. Это, как он выражается, «сонное мечтание» не дает ему покоя. Окружающие с большим скепсисом относятся к решению героя при жизни раздать наследство дочерям, всячески отговаривают его. Однако Харлов ставит их перед фактом, ни у кого не спрашивая совета и демонстрируя свойственную ему решительность и непреклонность характера. Скепсис окружающих чем-то напоминает то недоверчивое отношение, которое испытывал к Шекспиру и его Королю Лиру Лев Николаевич Толстой. Недоумение Толстого по поводу решения шекспировского героя одарить дочерей при жизни может быть мотивировано, на наш взгляд, с позиций современной Толстому психологической прозы. У Тургенева, думается, иное отношение к поступку героя, не случайно он наделяет героя фамилией, которая может быть истолкована как «осыпающий милостями, щедрый». При всей практичности и жизненной хватке,

как это часто бывает с властными самонадеянными людьми, Харлов недооценивает окружающих и переоценивает собственные возможности. «Очень уж он на себя надеялся и решительно никого не боялся» [Тургенев 8: 161], — говорит рассказчик. И это тоже свойство исполинского характера: не замечать мелочей, который впоследствии могут оказаться роковыми. Помимо психологической достоверности образа Мартына Петровича Харлова Тургеневу важна библейская глубина и шекспировский титанизм этого образа.

Тургеневский герой стоически переносит невзгоды и притеснения, обрушившиеся на него вскоре после вступления дочерей в наследство. С этого момента события повести начинают развиваться стремительно, что характерно для другого жанра — новеллы, на сходство с которой уже указывали исследователи [Вигерина: 30]. В образе Харлова шекспировский Лир смыкается с Гамлетом. После предательства дочерей Харлов-Лир превращается в Харлова-Гамлета. Заметим, что предательство было отправной точкой рефлексии шекспировских героев: предательство матери в «Гамлете», дочерей — в «Короле Лире». Нечто подобное наблюдается и в ситуации с тургеневским героем. Мотив разрушения мира через утрату дома звучал в шекспировской трагедии; звучит он и в тургеневской повести. Тургенев показывает бунт русского человека, обманутого и преданного дочерьми. Лир лишается дома, дочери прогоняют его — сначала Гонерилья, потом Регана; Харлов разрушает его собственными руками. Между тем сама постановка вопроса о проклятии или прощении характерна для трагедии. Для русского сознания вопрос о прощении сродни гамлетовскому: простить значит «быть», а «не простить/проклясть» значит «не быть». Тургеневского героя терзает вопрос веры — достаточно вспомнить сон, который Харлов воспринимает как пророческий. Неслучайно ему снится именно вороной жеребенок: в Откровении святого Иоанна Богослова черный цвет коня выступает символом плача об отпавших от веры во Христа по причине тяжести мучений [Откровение святого Иоанна...]. Через сон героя передана подспудная тревога о вере, боязнь отпадения от нее. Герой повести неоднократно повторяет, что проклясть дочерей «недолго», однако не делает этого. Интересно восприятие Харловым предательства дочерей и «воцарения» обретшего над ними власть Слеткина как нашествия врага на святую русскую землю. В формулярном списке Тургеневым о Харлове отмечено: «нигде не служил, был однако в ополчении — и медальку медную носит, французов не видел, но уколошил каких-то мародеров в лесу» [Тургенев 8: 406]. Бунт Харлова показан в повести как война русского человека с врагами-иноземцами и иноверцами. Он зовет своего верного слугу Максимку, чтобы «вместе отбиваться от лихих татарских людей, от воров литовских» [Там же: 220].

Шекспировские вечные образы придают тургеневским образам титанизм и величие, однако целиком их природы не исчерпывают. В качестве доминанты образа у Тургенева выступает национальное начало. Один тип национального характера показан во всех трех персонажах — Мартыне Харлове и двух его дочерях, Анне и Евлампии; обе героини — «достойные» дочери своего отца. Перед нами три вариации одного характера — сильного, властного, непреклонного. Противоречивость образа главного героя находит продолжение в его дочерях. В сюжетных линиях Анны и Евлампии Тургенев показывает, куда может завести человека отступничество. Предав однажды собственного отца, они не останавливаются на этом пути. Преступность их поведения в отношении отца определяет их будущее. Анна становится полновластной хозяйкой имения: откупается от сестры, чтобы избавиться от ненавистной соперницы в доме; тихо расправляется с мужем, по слухам, отравляя его. Евлампия тоже на путь

смирения не встает: ересь у нее в крови, а потому она становится богородицей у хлыстовцев, теща собственное самолюбие и все дальше отступая от истинной веры. Неопределенность, возникающая в финале повести Тургенева, — от нерешенности бытия. Тургеневский Харлов покаяться не успел, но и проклясть не успел. Автор выстраивает всю ситуацию вокруг героя таким образом, чтобы из его уст не прозвучали слова проклятия. Тургенев тоже прощает, как и рассказчик, не давая герою произнести слова «не прощаю», обрывая его на полуслове. Шекспировская природа образов обуславливает накал страстей и масштабность мировидения [Захаров 2008], а национальное начало определяет их сущность, значимость веры для русского человека и опасность отступничества от нее. Следуя завету Грановского, Тургенев с верой приступал к Шекспиру, и таинство приятия Шекспира преломлялось у него в таинстве духовно-религиозном, а идея прощения мыслилась как духовная составляющая национального характера.

Список источников

- ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325.
Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис). СПб.: Вита Нова, 2015. 288 с.
Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / гл. ред. М.П. Алексеев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978—2018.

Список литературы / References

- Вигерина Л.И. Своеобразие художественного времени в повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир»: к проблеме символического подтекста // Пушкинские чтения — 2012: «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб., 2012. С. 30—43.
(Vigerina L.I. The originality of artistic time in the story by I.S. Turgenev “The Steppe King Lear”: to the problem of symbolic subtext, *Pushkin Readings — 2012*, St. Petersburg, 2012, pp. 30—43. — In Russ.)
- Волков И.О. «Со страхом... и верою приступите...»: И.С. Тургенев — читатель Шекспира (по материалам родовой библиотеки писателя) // Филологический класс. № 3 (53). 2018. С. 33—40.
(Volkov I.O. “Proceed with fear... and faith...”: I.S. Turgenev — a reader of Shakespeare (based on materials from the writer’s family library), *Philological class*, no. 3 (53), 2018, pp. 33—40. — In Russ.)
- Захаров Н.В. Концепция шекспиризма в русской классической литературе // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 145—150.
(Zakharov N.V. The concept of Shakespeareanism in Russian classical literature, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 2, pp. 145—150. — In Russ.)
- Захаров Н.В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ: монография / отв. ред. Вл. Луков. М.: МосГУ, 2008. 320 с.
(Zakharov N.V. Shakespeareism of Russian classical literature: thesaurus analysis: monograph, ed. by Vl. Lukov, Moscow, 2008, 320 p. — In Russ.)

“AM I NOT CURSING YOU OR NOT FORGIVING YOU?” ABOUT ONE PHRASE IN THE STORY BY I.S. TURGENEV “LEAR OF THE STEPPE”

Ekaterina S. Shevchenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation, e.shevchenko@ssau.ru

Abstract. The article examines the problem of Russian national character in the story by I.S. Turgenev's “Lear the Steppe King” in the light of Shakespearean images as cultural constants. It is noted that in Russia the formation of Shakespeareanism as a cultural phenomenon occurred in the Pushkin era, after which each subsequent era of Russian literature and

culture was supplemented by its own understanding of Shakespeare, introducing its own meanings into the interpretation of Shakespeare's eternal images. The article establishes the significance of Shakespeare and the inexhaustible Shakespearean images in Turgenev's work. The author proceeds from Turgenev's understanding of Shakespeare as an "all-forgiving nature of someone who knew everything about a human's heart", who became part of the "flesh and blood" of Russian literature. The idea of this was voiced in the "Speech on Shakespeare," specially written by Turgenev on the occasion of the great English playwright's three hundredth anniversary. In the story "Lear the Steppe King," the archetype of Shakespeare's Lear becomes the semantic core of the protagonist's character. However, in Turgenev work it is passed through the Russian national consciousness and the humane idea of forgiveness. The key to understanding the action of Martyn Kharlov, repeating the action of Shakespeare's Lear, is his "sleepy dream" about a black foal, which in the story is read in the spirit of the Revelation of St. John the Theologian - as the approach of the apocalypse. Finally, it is concluded that the aesthetic sacrament of accepting Shakespeare was refracted by Turgenev in the spiritual and religious sacrament, and the idea of forgiveness was conceived by the Russian writer as a spiritual component of the national character.

Keywords: Turgenev, "Lear the Steppe King", cultural constant, eternal images, Shakespeareanism, Shakespeare in Russia, Russian national character, spiritual and religious sacrament

For citation: Shevchenko E.S. "Am I not cursing you or not forgiving you?" About one phrase in the story by I.S. Turgenev "Steppe King Lear", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 55—61.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 20.04.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Шевченко Екатерина Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия, e.shevchenko@ssau.ru

Shevchenko Ekaterina Sergeevna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, Samara, Russian Federation, e.shevchenko@ssau.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 62—71.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 62—71.

Научная статья

УДК 811.111'374'35(038)

DOI: 10.46726/H.2024.3.8

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)

Екатерина Михайловна Григорьева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению тенденций, наблюдаемых в учебной лексикографии на основе анализа современной ситуации в области составления англоязычных орфографических словарей. Материалом исследования послужили несколько справочников: *Oxford School Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook, Illustrated English Spelling Dictionary К. Юнг* и некоторые другие.

Проведенная работа позволяет сделать следующие выводы: современный орфографический словарь часто представляет собой сочетание справочника и грамматического пособия; графическое изображение может служить одним из средств семантизации в орфографическом иллюстрированном или иллюстративном словаре. Популярность набирает следующая тенденция: ряд изданий, в частности орфографических справочников, выходит в формате электронной книги (e-book), что представляет собой несомненное удобство для пользователя. Кроме того, создаются отдельные группы справочников, которые включают омофоны и омографы. Словарная статья в этих словарях, как правило, содержит два/три омофона или омографа, дефиниции, фонетическую транскрипцию, а в ряде случаев также иллюстративные примеры и некоторые пометы. Публикуются справочники, разработанные для отдельных групп пользователей (например, для писателей и редакторов или студентов, занимающихся подготовкой научных исследований). Микроструктура в таких словарях тщательно продумана и может включать входную единицу, дефиницию (при необходимости), различные варианты написания лексемы в зависимости от варианта английского языка, частотные ошибки, допускаемые пользователями при написании отдельных слов, а также иллюстративные примеры.

Ключевые слова: лексикография, орфографический словарь, словари омофонов и омографов, иллюстрированный и иллюстративный справочники, графическое изображение

Для цитирования: Григорьева Е.М. Современные тенденции в области учебной лексикографии (на материале англоязычных орфографических словарей) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 62—71.

Учебная лексикография занимает особое место в языкознании, поскольку имеет непосредственную связь с составлением и разработкой справочников, используемых в учебном процессе. Ее становление в Великобритании традиционно связывают с именами трех преподавателей английского языка как иностранного: М. Веста, Х. Палмера и А. Хорнби. В своей деятельности они занимались исследованием грамматических и лексических особенностей английского языка. М. Вест стал одним из идеологов движения “*vocabulary control*”, целью которого было выбрать оптимальный объем входных единиц, необходимый изучающему английский язык. Совместно с Дж. Эндикоттом он составил словарь *The New Method English Dictionary*. Х. Палмер исследовал грамматическую сторону языковых единиц. В 1938 г. он опубликовал справочник *A Grammar of English Words*. А. Хорнби в своей работе занимался изучением коллокаций и идиом. В 1942 г. вышел в свет его словарь *Idiomatic and Syntactic English Dictionary*, впоследствии переизданный в издательстве Oxford University Press под названием *A Learner’s Dictionary of Current English* (1948 г.) [Heuberger: 25—27].

В настоящее время учебная лексикография продолжает активно развиваться, в том числе публикуются орфографические словари как отдельная категория учебных словарных изданий.

Далее перейдем к рассмотрению особенностей английского правописания, а впоследствии непосредственно к изучению характерных черт современных англоязычных орфографических словарей, что позволит выявить ряд тенденций, наблюдаемых в учебной лексикографии на сегодняшний день.

Орфография представляет собой правописание или систему правил использования письменных знаков при написании слов. Если графика допускает несколько вариантов, которые могут использоваться для передачи звука или звукосочетания, то в орфографии возможно только одно написание для передачи слова с этим звуком, которое считается правильным, а остальные являются ошибочными [Бредихина: 83, 86—87].

Принимая во внимание орфографические особенности английского языка, все слова можно разделить на несколько групп:

1) слова, подчиняющиеся фонетическому принципу написания (например, *bed*). Число букв и звуков совпадает, что способствует быстрому установлению устойчивых графемно-фонемных соответствий;

2) лексемы, в которых пишутся буквы, не имеющие звукового эквивалента (например, *nine*);

3) буквосочетания, передающие один звук, но состоящие из разных букв (“*ir*”, “*er*”, “*ur*”) и др. [Комарова: 83].

Довольно часто люди совершают ошибки в правописании. Согласно статистическим данным, около 1 % процента слов в документах содержат ошибки, а в поисковых запросах их уже становится около 10 % [Spector, Norvig: 48]. Поэтому важность создания орфографических словарей и учебных пособий не вызывает сомнений.

Как в отечественной, так и в зарубежной лексикографии создаются орфографические словари. Правила в таких справочниках сочетаются с включением

списков сложных слов. В рамках словарной статьи в подобном издании также может присутствовать грамматическая информация (например, множественное число существительных и др.) [Swanepoel: 64].

Согласно словарю *Dictionary of Lexicography* Р. Хартманна и Г. Джеймса, *spelling dictionary* (орфографический словарь) — это тип справочного издания, который предоставляет сведения о правописании. Подобная информация, как правило, организована в алфавитном порядке [Hartmann, James: 131].

В английской лексикографии орфографические словари начинают появляться в XVIII в. Например, в 1773 г. публикуется словарь под названием *The New and Complete Spelling Dictionary and Sure Guide to the English Language* Д. Феннинга (Daniel Fenning). Следует отметить, что в XIX в. было популярно сочетание в одном издании двух справочников, например, произносительного и орфографического словарей: *Sheridan's Pronouncing the Spelling Dictionary* Т. Шеридана и Н. Сэлмона (1800), *A Pronouncing and Spelling Dictionary of the English Language* С.В. Кнудсена (1886) и др.

В XXI в. интерес к учебной лексикографии и, в частности, к орфографическим словарям, не ослабевает. Далее рассмотрим ряд тенденций, которые наблюдаются в области создания справочников английского языка, направленных на формирование правильного правописания.

1) Одной из черт, характерных для лексикографии в целом, а в частности для орфографических словарей, становится сочетание справочника и грамматического пособия. В данном случае речь идет о так называемой интегрированной лексикографической форме. В таких словарях представлены не только списки слов с дефинициями и другими добавочными семантико-функциональными характеристиками и иллюстративными примерами, но также грамматические правила. Современный рынок лексикографических изданий готов предоставить пользователю подобные словари, которые публикуются ведущими британскими издательствами: Oxford University Press, Cambridge University Press и др.

Одним из примеров такого справочника становится *Oxford School Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook* (2022). Словарь включает несколько разделов. Один из них называется *Grammar*. Он посвящен основным грамматическим терминам английского языка, среди которых *части речи* (noun, adjective, verb и др.), *члены предложения* (object, subject и др.), *отдельные группы лексики* (synonyms, antonyms и др.) и т. д. Информация представлена в таблице и включает подробные данные о том или ином грамматическом явлении, а также примеры употребления:

comparative adjectives are used when two things are being compared: *Morning break is only fifteen minutes, but the lunch break is longer* [Oxford School Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook: 13].

Кроме того, словарь предоставляет сведения о пунктуационных знаках, случаях их использования, а также основных правилах правописания.

Отдельного внимания заслуживает включение в структуру издания части, посвященной лексическому составу языка и его употреблению. Этот раздел связан с темой сложных случаев правописания и включает советы, каким образом можно избежать ошибок в написании лексических единиц. Отбор слов для включения в структуру проводился на основе анализа письменных работ детей из корпуса Oxford Children's Corpus: *it's* and *its*, *who's* and *whose*, *you're* and *your* и др.

Некоторые задания также представлены в формате онлайн, что очень удобно в эпоху цифровых технологий и обеспечивает быстроту получения необходимого материала.

2) Еще одной тенденцией, наблюдаемой в учебной лексикографии, становится представление словарей в различных форматах: в печатной, электронной и онлайн формах. Помимо этого, происходит публикация орфографических словарей в формате электронной книги (e-book), которая представляет собой версию работы, хранящейся в электронном виде и демонстрируемой на экране.

Несомненно, появление такого формата связано с всеобщей цифровизацией, наблюдаемой в современном мире в различных областях. Примерами таких изданий становятся следующие работы: *Oxford School Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook*, 2022, Bryson B. *Bryson's Dictionary: for Writers and Editors* (e-book), 2012. Таким образом, у пользователя есть доступ к необходимой информации в цифровом виде, что является удобным в современном мире, в котором большой объем данных переводится на хранение на электронные носители.

3) В современной лексикографии наблюдается рост числа опубликованных иллюстрированных (illustrated) и иллюстративных (picture) словарей. Иллюстрированный словарь представляет собой справочник, который содержит иллюстрации для избранных слов и фраз. Иллюстративный словарь — это справочник, в котором толкования представлены исключительно с помощью иллюстраций. Как правило, организация материала в таких изданиях — тематическая [Германова: 71].

Одной из подобных работ становится справочник К. Юнг *Illustrated English Spelling Dictionary*, 2013. Словарь включает более 25000 входных единиц. Первый раздел справочного издания содержит основные орфографические правила: например, the magic silent “e”, words ending in “-f”, words ending in “-o” и др. Поскольку основным адресатом словаря является детская аудитория, в нем присутствуют запоминающиеся графические иллюстрации. Например, для описания случаев двойного варианта написания окончания множественного числа ряда английских существительных, оканчивающихся на -f (dwarf—dwarfS, dwarVES, scarf—scarfS, scarVES и др.), авторы добавляют графическое изображение гномов, замотанных шарфом.

Второй раздел представляет собой непосредственно словник, организованный в алфавитном порядке. Макроструктура включает списки английских слов, которые могут вызывать трудности в правописании, в частности, у детей младшего школьного возраста.

На каждой странице помимо входных единиц также присутствуют графические изображения с комментариями, которые в простой и доступной форме объясняют пользователю то или иное правило орфографии. Наличие графических изображений в справочнике, несомненно, привлекает внимание детской аудитории и способствует лучшему визуальному запоминанию лексических единиц.

4) Поскольку английская система правописания характеризуется сложным характером и включает различные группы языковых единиц (например, омофоны и омографы), публикуются словари, в которых зарегистрированы подобные лексические единицы.

Рассмотрим определения омографов и омофонов, данные в учебном словаре издательства Оксфорд: “Homograph” — a word that is spelt like another word but has a different meaning from it, and may have a different pronunciation, for example *bow* /baʊ/, *bow* /bəʊ/” [Oxford Learner’s Dictionary] («Омограф — это слово, которое совпадает по правописанию с другой лексемой, но отличается

по произношению»). “Homophone” — a word that is pronounced like another word but has a different spelling or meaning, for example *plain, plane* /pleɪn/” [Oxford Learner’s Dictionary] («Омофон — слово, которое произносится как другая лексема, но имеет другое написание или значение»).

Словари омофонов и омографов довольно распространены. Можно привести следующие примеры подобных изданий: Hobbs J. B. *Homophones and Homographs: An American Dictionary*, 2019, Joshi M. *Homonyms, Homophones and Homographs*, 2014; Feeley E. J., Feeley Ph. P. *Feeley’s English Homophone Dictionary*, 2022. Исходя из примеров, можно выявить следующую тенденцию: часто словарь включает сразу две группы лексики: омофоны и омографы. Несомненно, это облегчает задачу пользователя, у которого больше нет необходимости обращаться к нескольким изданиям в поисках сложных случаев правописания, таких как омофоны и омографы.

Рассмотрим более подробно словарь Дж. Хобса *Homophones and Homographs: An American Dictionary*, 2019. В нем зарегистрированы омофоны и омографы американского варианта английского языка.

Данный справочник открывается подробным и детальным введением. В предисловии к словарю даны определения терминов «омофон» и «омограф». Взаимоотношения этих групп лексем в английском языке могут быть поняты на основе диаграммы, представленной в словаре. В ней описаны 8 классов английских лексем: *homonym, homophone, homograph, synonym, heterograph, heterophone* и 2 группы под названием *No formal designation*. Далее в таблице представлены три параметра, по которым рассматриваются лексемы: *sound* (звучание лексем), *spelling* (правописание) и *meaning* (значение).

Организация словника в словаре алфавитная. Макроструктура включает 9040 омофонов и 2133 омографа.

Рассмотрим некоторые примеры зарегистрированных омофонов:

firs evergreen trees

furs fine soft thick hairy coverings of mammals; pieces of a dressed animal’s pelt [Hobbs: 29].

Далее представлены примеры зафиксированных омографов:

minute /'mɪnɪt/ a unit of time and angular measurement.

minute /maɪ'nju:t/ of very small size or importance [Hobbs: 62].

Таким образом, словарная статья в справочнике включает несколько компонентов: входная единица, выделенная жирным шрифтом, фонетическая транскрипция (для омографов) и дефиниция. Микроструктура не включает иллюстративный пример, хотя, на наш взгляд, его добавление в статью позволило бы пользователю понять, каким образом лексема функционирует в речи.

Далее обратимся еще к одному словарю *Feeley’s English Homophone Dictionary* (2022) Э. и Ф. Фили, в котором зарегистрированы омофоны. Справочник включает два основных раздела: введение и собственно словник. Во введении авторы рассматривают само определение понятия «омофон» и причины, по которым следует изучать эту группу лексики. Отдельный раздел посвящен фонетической стороне английского языка. Э. и Ф. Фили дают определение ряда терминов, таких как фонема, дифтонг, аспирация и некоторые другие. Далее следует список аббревиатур, которые используются в издании, например, части речи (adj. — adjective, adv. — adverb и др.), варианты английского языка (Brit. — British, Scot. — Scottish), указание тематической принадлежности входной единицы (Bot. — Botany, Med. — Medicine) и др.

Сама макроструктура включает омофоны, организованные в алфавитном порядке. В рамках одной микроструктуры приводится два, три или даже четыре омофона.

Далее следует пример словарной статьи, посвященной лексемам *aisle*, *I'll* и *isle*:

aisle/ I'll/isle /aɪl/

aisle — n. — a passage between seats, shelves or other structures.

Example: He walked into the center **aisle**, which revealed bare heart-of-pine floorboards

~*A New Song* (1999) — Jan Caron

I'll — contraction of “I will” or “I shall”

Example: “**I'll** tell you what I wish, mother”, cried he...

~*The Ambitious Guest* (1842) — Nathaniel Hawthorne (1804-1864)

isle — n. — an island, usually poetic

Example: ...Gliding from cape to cape, from **isle** to **isle**

~*A Hymn of the Sea* (1842) — William Cullen Bryant (1794-1878) [Feeley: 23].

Итак, словарная статья включает следующие компоненты. Сначала идут входные единицы (омофоны), выделенные жирным шрифтом. После следует фонетическая транскрипция, которая приводится в символах Международного фонетического алфавита. Микроструктура также включает ряд пронумерованных дефиниций к каждой лексеме. Немаловажным компонентом становится добавление иллюстративных примеров, которые демонстрируют функционирование лексической единицы в контексте. Составители не просто приводят иллюстративный пример, но также в словарной статье предоставляется информация об источнике, откуда заимствовано предложение и дано указание на то, кто его автор. Кроме того, в словарную статью при необходимости вводятся пометы, например, указание частеречной характеристики.

5) Еще одной тенденцией, которая наблюдается в сфере издания орфографических словарей, становится появление специальных справочников правописания, адресованных для различных групп пользователей. В данном случае речь идет об узкой категории людей, для которых правильное написание слов является важным показателем их профессиональной компетенции. Это могут быть словари для писателей и редакторов: Bryson B. *Bryson's Dictionary: for Writers and Editors*, 2012 (e-book); Manser M.H. *Collins Dictionary for Writers and Editors*, 2006; Ritter R.M. *New Oxford Dictionary for Writers and Editors*, 2014. Кроме того, публикуются словари для отдельных категорий писателей, например, для научных публицистов и редакторов: *Oxford Dictionary for Scientific Writers and Editors* / ed. by A. Isaacs, Elizabeth A. Martin, J. Daintith, 2009. Также создаются словари, адресованные студентам, например, Clark S., Pointon G. *The Routledge Student Guide to English Usage: A Guide to Academic Writing Students*, 2016.

Словарь *Bryson's Dictionary: for Writers and Editors* Б. Брайсона (2012) адресован такой группе пользователей, как писатели и редакторы. Мегаструктура издания состоит из нескольких разделов: введение, словник и ряд приложений (список лексем, заканчивающихся на *-able* или *-ible*, монархи Англии, числительные и др.).

Макроструктура включает нарицательные (*abacus*, *broccoli*) и собственные имена существительные (*Aalto Alvar*, *Aconcagua Cerro*), прилагательные (*abhorrent*, *chagrined*), глаголы (*abrogate*, *accommodate*) и т. д.

В словаре можно наблюдать различные типы организации микроструктуры. В ряде случаев приводятся входные единицы без дефиниций или иллюстративных примеров лишь с указанием правильного правописания лексемы, но при этом с пометой относительно возможных ошибок, которые может допустить пользователь:

accommodate very often misspelled: note -cc-, -mm-.

Следует отметить, что встречаются словарные статьи, в которых дана только входная единица, как это принято традиционно в орфографическом словаре:

broccoli

caviar.

Кроме того, в некоторых случаях автор приводит несколько возможных вариантов написания лексической единицы:

adrenalin is the preferred spelling, but **adrenaline** is accepted.

Если в качестве входной единицы используется имя собственное, то словарная статья включает дефиницию и краткую информацию энциклопедического характера о том или ином явлении либо деятеле:

Abu Dhabi capital city of and state in the United Arab Emirates.

Макроструктура также включает аббревиатуры:

BRD abbr. of Bundesrepublik Deutschland (Federal Republic of Germany).

Ряд словарных статей посвящен лексемам, которые имеют разные варианты написания в британском и американском вариантах английского языка:

aeon (US **eon**).

В словнике зарегистрированы слова иностранного происхождения, которые маркируются специальной пометой:

à l'italienne (Fr., no caps) 'in the Italian style' [Bryson].

Итак, словарь *Bryson's Dictionary: for Writers and Editors* представляет собой интересное и продуманное издание, которое может служить в качестве надежного источника написания сложных английских слов. Словарная статья в справочнике позволяет пользователю познакомиться с различными вариантами правописания входных единиц и увидеть наиболее частотные ошибки, наблюдаемые при написании отдельных слов. Отдельным плюсом справочника является включение описания разницы британского и американского вариантов написания ряда лексических единиц, а также слов иностранного происхождения. На наш взгляд, данный словарь станет несомненным помощником не только для писателей и редакторов, но и для широкого круга пользователей, которые стремятся грамотно писать на английском языке.

Далее рассмотрим словарь *The Routledge Student Guide to English Usage: A Guide to Academic Writing for Students* С. Кларка и Г. Пойнтон (2016), представляющий собой издание, адресатом которого становятся студенты, занимающиеся академическим письмом. Мегаструктура словаря состоит из введения, руководства по произношению, основного текста, справочного материала (навыки академического письма, словообразование и др.), библиографического списка и указателя.

Макроструктура организована в алфавитном порядке. Словарная статья, как правило, включает несколько лексем, схожих по написанию, но отличающихся с точки зрения произношения и написания. Рассмотрим несколько примеров:

adviser, advisor

adviser, *noun*, is a person who gives advice. This spelling is usual in BE: *If your car is damaged or stolen, please contact your Insurance Adviser*. Note that the related adjective is spelt *advisory*.

advisor is an alternative BE spelling for **adviser** and is the usual spelling in AE [Clark, Pointon: 11].

В словаре представлены списки слов с двумя вариантами написания: британский (BE) и американский (AE) английский: *aesthetic* (BE) — *esthetic* (AE), *paediatrician* (BE) — *pediatrician* (AE) и др. [Там же].

Как видно из примеров, словарная статья включает входную единицу, дефиницию, иллюстративный пример, грамматическую помету. Такая организация микроструктуры в словаре С. Кларка и Г. Пойнтон позволяет получить достаточное представление о лексеме тому пользователю, который стремится к грамотному написанию научной работы на английском языке, без допущения ошибок в правописании.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей, характерных для орфографических словарей в частности, и учебной лексикографии в целом. В настоящее время словарь, как правило, включает не просто традиционный список слов с дефинициями, иллюстративными примерами и другими добавочными семантико-функциональными характеристиками, но также грамматический справочник либо тетрадь с упражнениями. Примером такого издания становится *Oxford School Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook*, 2022. Кроме того, популярность набирают иллюстративные и иллюстрированные орфографические справочники, адресованные различным группам пользователей (например, справочник К. Юнг *Illustrated English Spelling Dictionary*, 2013). Основным средством семантизации лексики в подобных изданиях становятся графические иллюстрации.

Для удобства пользователя создаются не только печатные или онлайн-словари, но также справочники в формате электронной книги. Такая форма представляет собой следующую организацию материала: это версия книги (в данном случае — словаря) в цифровом варианте на электронном носителе (телефон, планшет и др.). Для современного пользователя, живущего в ускоренном ритме, особую важность приобретает быстрый доступ к различным данным. Поэтому возможность работать с информацией, в частности словарными изданиями, «здесь и сейчас», на экране телефона или планшета, имеет особое значение для адресата. Примером подобного издания становится *Oxford School Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook* (2022).

Определенные трудности могут испытывать студенты, которые в процессе освоения английского языка сталкиваются с таким явлением, как омофоны и омографы. Помощью как студенту, так и преподавателю могут служить специальные словари омофонов и омографов (например, словарь Дж. Хобса *Homophones and Homographs: An American Dictionary*, 2019). Микроструктура в таких изданиях, как правило, включает входную единицу, дефиницию, фонетическую транскрипцию, указание частеречной принадлежности, иллюстративный пример и некоторые другие характеристики.

Особую категорию словарей составляют специальные учебные справочники, адресованные узкой группе людей. В данном случае речь идет о публикации орфографических словарей, адресатом которых становятся конкретные группы пользователей. Например, среди них есть писатели и редакторы (Bryson V. *Bryson's Dictionary: for Writers and Editors*, 2012) или студенты, занимающиеся написанием научных работ (Clark S., Pointon G. *The Routledge Student Guide to English Usage: A Guide to Academic Writing for Students*, 2016). Однако адресатом таких словарей могут быть все пользователи, которые стремятся писать

правильно и грамотно на английском языке. Такие издания предоставляют информацию о различных вариантах написания лексем, а также включают сведения о частотных ошибках, допускаемых пользователями. Микроструктура в этих справочниках тщательно продумана и включает саму лексему, дефиницию, ряд помет (например, фонетическую характеристику или грамматическую помету), а также в отдельных случаях иллюстративные примеры.

Список источников

- Bryson B. Bryson's Dictionary: for Writers and Editors (e-book), Transworld, 2012, 464 p.
 Clark S., Pointon G. The Routledge Student Guide to English Usage: A Guide to Academic Writing for Students, London and New York: Routledge, 2016, 402 p.
 Feeley E.J., Feely Ph.P. Feeley's English Homophone Dictionary, Altona: FriesenPress, 2022, 570 p.
 Hartmann R.R.K., James G. Dictionary of Lexicography, London and New York: Routledge, 2002. 192 p.
 Heuberger R. Learners' Dictionaries: History and Development; Current Issues, *The Oxford Handbook of Lexicography*, Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 25—44.
 Hobbs J.B. Homophones and Homographs: An American Dictionary, Jefferson and London: McFarland & Company, Incorporated, Publishers, 2019, 376 p.
 Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/?ysclid=lrmlfw9rmk628080543> (accessed: 20.01.2024).
 Oxford School Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook, Oxford: Oxford University Press, 2022, 177 p.
 Young C. Illustrated English Spelling Dictionary, London: Usborne Publishing Ltd, 2013, 216 p.

Список литературы / References

- Бредихина И.А. Методика преподавания иностранных языков. Обучение основным видам речевой деятельности: учебное пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2018. 104с.
 (Bredikhina I.A. Methods of teaching foreign languages. Teaching basic types of speech activity: a manual. Ekaterinburg, 2018, 104 p. — In Russ.)
 Германова О.А. Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие и современное состояние: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 262 с.
 (Germanova O.A. Illustrated and picture dictionaries: formation, development and current situation: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Ivanovo, 2011, 262 p. — In Russ.)
 Комарова Л.Н. Трудности английской орфографии // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 19. С. 82—84.
 (Komarova L. N. Difficulties of English spelling, *Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 19, pp. 82—84. — In Russ.)
 Spector A., Norvig P., Wiggins Ch., Wing J. M. Data Science in Context. Foundations, Challenges, Opportunities, Cambridge: Cambridge University Press, 2022, 335 p.
 Swanepoel P. Dictionary Typologies: a Pragmatic Approach, *A Practical Guide to Lexicography*, ed. by P. van Sterkenburg, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003, pp. 44—69.

MODERN TENDENCIES IN LEARNER'S LEXICOGRAPHY (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH SPELLING DICTIONARIES)

Ekaterina M. Grigoryeva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of tendencies observed in learner's lexicography based on an analysis of the current situation in the field of compiling English spelling dictionaries. The material research includes several dictionaries: Oxford School

Spelling, Punctuation and Grammar Dictionary EBook, Illustrated English Spelling Dictionary by C. Young and some others.

The work carried out allows us to come to the following conclusions: a modern spelling dictionary is often a combination of a reference book and a grammar guide into a single whole; a graphic image can serve as one of the means of semantization in a spelling illustrated or picture dictionary. The following trend is becoming popular: a number of dictionaries, in particular spelling reference books, are published in the format of an electronic book (e-book). Undoubtedly, this is convenient for a user.

In addition, separate groups of homophones and homographs dictionaries are created. The microstructure in such dictionaries, as a rule, contains two/three homophones or homographs, definitions, phonetic transcription, and in some cases also illustrative examples and some labels. More than that, dictionaries designed for specific user groups (for example, writers and editors or students engaged in scientific research) are published. The microstructure in such reference books is carefully planned and may include a lexical unit, a definition (if necessary), different spellings of the lexeme depending on the variant of the English language, frequent errors made by users when writing various words and illustrative examples.

Keywords: lexicography, spelling dictionary, homophones and homographs dictionaries, illustrated and picture dictionaries, graphic image

For citation: Grigoryeva E.M. Modern tendencies in learner's lexicography (as exemplified in English spelling dictionaries), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 62—71.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Григорьева Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Grigoryeva Ekaterina Mikhaylovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Foreign Philology Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 72—78.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 72—78.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"-1

DOI: 10.46726/И.2024.3.9

КРАТКАЯ ФОРМА ПРИЗНАКОВЫХ СЛОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ: СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия, gubanov5@ Rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики семантики и грамматики кратких форм признаков слов в творчестве Марины Цветаевой. В работе устанавливается, что понятие качества, признака, является одним из идиостилевых для творчества поэта, что находит выражение в его разнообразной вербализации как в поэтических текстах, так и в драматургии и прозе. В рамках исследования выдвигается предположение о том, что употребление краткой формы эпитетов, чаще окказиональной, свидетельствует о стремлении поэта к языковому эксперименту, о пристальном внимании к семантике и грамматике признаков слов. В статье представлен семантический анализ признаков языковых единиц в краткой форме, репрезентирующих категорию качества, и структурирующих ее по линии постоянства / временности признака, степени проявления признака, его экспрессивности. Отмечается, что в прозе М. Цветаевой в большей мере представлена языковая рефлексия над значением эпитетных слов, что является идиостилевой чертой ее творчества: понятие эпитета и прилагательное как его вербализатор являются не тропом, а средством отражения принципа когнитивного, эпитетного поэтического мышления. Делается вывод о том, что изучение признаков лексикой позволяет уяснить архитектуру идиостиля М. Цветаевой.

Ключевые слова: идиостиль, эпитет, краткая форма, эпитетный комплекс, семантика

Для цитирования: Губанов С.А. Краткая форма признаков слов в творчестве М. Цветаевой: семантика, грамматика // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 72—78.

Познание объекта действительности тем или иным субъектом происходит постоянно посредством выделения в его сущности определенных признаков и качеств. Свойства объекта предстают как основные, внутренне присущие ему черты, неотъемлемые, без которых невозможно себе представить его существование. Путем перечисления данных свойств дается дефиниция объекту. В том случае, если эти свойства выделяют его из ряда подобных объектов, можно говорить о его признаках. Качество объекта не только вбирает в себя существенные отличительные признаки, но позволяет оценить эти признаки: проявляются ли они в большей или меньшей степени, постоянны они или временны, выражены в полной мере или частично и т. д. Такое ранжирование признака, как и выделение качественных признаков, является антропоцентричным, субъективным. Явления действительности предстают в мышлении познающего и говорящего субъекта двояко, мерцающе: с одной стороны, в качестве константы, что способствует закреплению в сознании картины мира (все знают, что *трава*

зеленая, лед холодный и т. д.), с другой стороны, как постоянно меняющаяся сущность, с различными качествами или переходными признаками (*прохладный, теплый, нормальный, терпимо*).

Когнитивное моделирование мира находит свое отражение в языке. В русском языке признаковая лексика специализируется на вербализации качественности в огромном разнообразии проявления этой категории. Основу данной лексики составляет имя прилагательное, а также наречие; другие части речи менее частотны в этой функции, однако также содержат атрибутивность некоторые разряды местоимений (притяжательные, определительные, отрицательные и др.), порядковые числительные, глагольные формы (причастия), существительные в аппозитивной позиции и др. Несмотря на тесную связь с определяемым словом, адъективная лексика отражает яркую черту качественности: это присутствие в ее семантике не только названия признака, но и степени проявления этого признака. Действительно, для кого-то *дорога* будет *долгой*, для кого-то, путешественника, например, любящего переезды, будет отнюдь *не долгой* [Гращенков, Лютикова]. Так, понятие эталона признака оказывается сложным понятием.

В русском языке имя прилагательное имеет полную и краткую форму. «Краткие формы присущи лишь тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету» [Виноградов: 219]. Семантика кратких форм прилагательных подразумевает временность признака, непостоянство, они не образуются от слов с яркой эмоционально-экспрессивной окраской.

Вопрос о статусе кратких форм адъективов остается дискуссионным. Несмотря на то, что они производны от полных форм прилагательных, они используются в предикативной функции, не склоняются, имеют формы наклонения и времени в сочетании со связкой [Нечаева]. В.В. Виноградов в обзоре истории изучения кратких форм прилагательных в отечественном языкознании указывает на их особый статус в работах лингвистов. Так, А.Х. Востоков выделял нечленные формы качественных прилагательных и страдательных причастий в особую группу спрягаемых прилагательных; А.А. Шахматов также включает спрягаемые прилагательные и причастия в систему глагола; А.М. Пешковский относит их к новой грамматической категории, а Л.В. Щерба считает их словами категории состояния [Виноградов]. Несмотря на долгую традицию отказа признавать краткие формы адъективов прилагательными, нужно отметить, что они остаются прилагательными в силу того, что подвергаются синонимичной замене полными и, хотя и составляют периферию данной части речи, представляют собой форму полного прилагательного, одного слова [Котов].

Особую группу кратких прилагательных составляют в поэтическом языке усеченные прилагательные (*из мутны тины чиста вода не истекает*). Они относятся к парадигме полных форм прилагательных, образовались искусственно посредством усечения окончания в языке поэзии [Кулева]. Функцией использования усеченных прилагательных является стилизация (фольклоризация), архаизация языка поэзии. Продуктивно указание А.С. Кулевой на то, что усеченными могут быть не только качественные, но и относительные прилагательные, что отличает их от кратких, образованных только от качественных полных форм, а также факт использования в качестве усеченных форм причастий, местоимений, порядковых числительных в атрибутивной функции (не в предикативной) [Кулева]. Таким образом, необходимо уточнить, что усеченные

прилагательные — это тип эпитета, но не прилагательного; критерии разграничения усеченного и краткого прилагательного, кроме сферы использования, остаются неясными и спорными.

В языке художественной литературы употребление и самостоятельное конструирование слов признаковой семантики происходит в рамках идиостиля. У каждого художника слова существуют свои принципы поэтического мышления и механизмы их вербализации. Признакомое слово именуется в стилистике эпитетом, под которым понимается троп, функцией которого признается субъективная характеристика объекта. Эпитетом может выступать не только прилагательное, но и другие части речи [Арнольд; Булахова, Сквородников; Киров].

В настоящей работе под эпитетом понимается признаковая часть эпитетного комплекса (единства объекта эпитетации, т. е. осмысления реалии субъектом, и признака, выделяемого субъектом в качестве особого, индивидуального в объекте), вербализуемая любым словом качественной семантики и имеющая семы субъективной оценки [Губанов]. Необходимо подчеркнуть, что В.В. Виноградов употребляет термин *эпитет* относительно форм прилагательных, называя краткие формы временными эпитетами (выражающими временные свойства), что говорит о востребованности данного понятия не только в рамках лингвопоэтики [Виноградов: 219].

Специфика идиостиля М. Цветаевой подробно описана [Зубова; Ревзина]. В творчестве М. Цветаевой понятие качества занимает особое место, о чем неоднократно писал поэт в своих письмах и дневниках: эпитет понимается в качестве точного, одного слова, а прилагательное представляет собой важный способ выражения мысли: *Это кровное. Если хотите: кровная игра. Для меня всегда важно прилагательное* [Цветаева 1997: 122].

Целью данной статьи является описание способов и принципов конструирования кратких форм признаковых слов в составе эпитетных комплексов в творчестве М. Цветаевой.

Материалом для настоящего исследования послужили поэтические и прозаические тексты М. Цветаевой. Основным источником материала является Собрание сочинений поэта в 7 томах [Цветаева 1994—1995], а также Сводные тетради [Цветаева 1997].

Объем выборки составил 950 единиц, включающих признаковые слова в краткой форме и составляющие эпитетные комплексы в творчестве М. Цветаевой. На поэзию приходится 368 единиц, на прозу — 582 эпитетных комплекса.

Объектом анализа в статье являются эпитетные комплексы, объединения эпитета и объекта эпитетации, в текстах М. Цветаевой. Предметом исследования выступают краткие формы признаковых слов в составе эпитетных комплексов и их идиостилевая специфика в текстах М. Цветаевой.

Основной методикой при проведении исследования является метод сплошной выборки из вышеуказанных источников, а также методы стилистического анализа текста, когнитивного анализа лексических единиц, статистического, количественного анализа частотности употребления лексем в составе идиостиля поэта.

Изучение кратких форм эпитетных слов в творчестве М. Цветаевой имеет свою историю. Так, А.С. Кулева указывает на количество выявленных в творчестве поэта усеченных форм адъективов (315 единиц) и выполняемую ими стилистическую функцию (примета высокого стиля: *через летейски воды*; средство стилизации просторечия: *Голов сахарных не станет, — / А купецки на што?*; языка

фольклора: *светел-месяц*). Также ею отмечается частотность местоимения *всяк* [Кулева]. Системных исследований данной проблемы пока не представлено.

В поэзии М. Цветаевой краткие формы признаков слов, главным образом прилагательных, образованы от соответствующих полных форм с целью указать на их специфику: актуализировать временность проявления признака, его непостоянство, неустойчивость и «несохранность», выразить оценку признака. Этому в полной мере способствует семантическая гибкость и толерантность прилагательного.

Идиостилевой чертой поэзии М. Цветаевой в процессе конструирования кратких форм прилагательных следует признать их парное употребление. Чаще всего пары признаков соединены союзом *и*, они семантически близки; причем первое прилагательное, как известно («левый член пары»), выражает доминантный, более семантически абстрактный признак, второй же уточняет, контекстуально углубляет его: *Скоро месяц, юн и тонок, / Сменит алую зарю* [Цветаева 1994, 1: 220].

Можно усмотреть причинно-следственную связь между признаками: *Воздух удушили и сух* [Там же: 39] (второй член пары можно рассмотреть как причину, второй как следствие); *Воздух прян и как будто отравлен* [Там же: 20].

Находясь в предикативной функции, краткая форма эпитета центрирует на себе внимание, семантически и интонационно. Это актуально как для позиции эпитетов: *Телом льстив, / Взором дик / — Чего в очи не глядишь?* [Там же, 3: 288]; *Стар и давен город Гаммельн / Словом скромн, делом строг* [Там же: 51], так и для препозиции: *Шумны вечерние бульвары* [Там же, 1: 27].

В стихотворных текстах важна компрессия текста, «теснота стихотворного ряда», поэтому М. Цветаева конструирует краткие формы адеквативов, исходя из приемов паронимической близости далеких слов (в терминологии Л.В. Зубовой, паронимическая аттракция). Очень короткие по форме адеквативы, состоящие из одного слога, дают возможность передать резкость, динамичность, дискретность признака, внутренне присущего объекту (*роза алая, студень голый*), а затем окказионально метафоризировать объект необычным признаком: *Розан ал, студень гол. / А будильник — зол* [Там же, 3: 100]. Предикативность признака, выраженная краткой формой адекватива, призвана акцентировать внимание на этом отчасти «процессуальном свойстве».

Обращаясь к прозе М. Цветаевой, приведем пример типичного словоупотребления слов признаковой семантики, содержащий прямое указание на актуализацию значения эпитетного слова, его расшифровку, т. е. языковую рефлексию автора: *У Вас при входе — сопротивление. — Возьму да не войду. — Вы необычно-долго (т. е. ровно на 5 секунд дольше чем другие) не входите* [Цветаева 1997: 463] (частица *не* выделена поэтом курсивом).

Ситуативное значение сложного эпитета, содержащего наречие меры и степени при наречии времени, явно отличается от общеязыкового и без авторского комментария оказывается неясным.

Краткая форма признакового слова используется поэтом с целью передать значение актуального проявления признака, его присутствие в объекте в настоящий момент: *На лице живы только одни глаза* [Цветаева 1995, 6: 136]. Когда речь идет о болезни, единственным «живым местом», «ориентиром» выступают живые глаза, которые именно *живы* (источают жизнь, «говорят»).

В прозе достаточно распространены (186 единиц) сложные эпитетные слова с эпитетом в краткой форме в составе эпитетных комплексов, содержащие в качестве первой части наречие меры и степени. Мотивация употребления

адвербиального компонента раскрывается в контексте: *Вы предельно-зорки: я, действительно, шагнув — отступаю перед тьмой — даже если она белый день...* [Цветаева 1997: 462].

Многозначность сложных эпитетов с наречием и краткой формой заключается в неоднозначной трактовке семантики эпитетного комплекса. Известно, что лексема *прав* стала употребляться уже в качестве предикатива, однако присоединение к нему наречного компонента *совершенно* привносит оттенок не только абсолютизации признака (*абсолютно прав*), но и, будучи единственным словом, рождает новый смысл, характеристику лица (*совершенный, в предельной степени прав, без изъяна прав*): *Саломея, он совершенно-прав, и я счастлива, что это — так...* [Там же: 488].

Присоединение таких наречных частей происходит неузуально, во многом наречие и краткая форма прилагательного лексически не сочетаются: *Вы ждете, а я не приду — ибо во всех подобных делах безнадежно-воспитана* [Там же: 463] (слово *безнадежно* выделено поэтом курсивом).

В прозе М. Цветаева выделяет курсивом важные, с ее точки зрения, слова или фрагменты фразы, что наблюдается в приведенном выше фрагменте: акцентируется внимание на нарушении лексической сочетаемости слов *безнадежно* и *воспитана*. Этот пример демонстрирует типичное для цветаевского идиолекта стремление выразить высшую степень проявления признака, *безнадежно* приобретает положительную, не свойственную ему семантику. Безусловно, такие факты связываются с предельностью, безмерностью личности и языка поэта.

Антонимичностью поэтического мышления М. Цветаевой обусловлено употребление семантически противоположных кратких форм адъективов: *Хороша — она, плох (неудачен) — он: демоничен и байроничен, слишком духовен для такой физики, какой-то принципиальный любовный Геракл. Вроде пропагандиста. Все ощущения книги — верны, а большинство рассуждений героя — излишни* [Там же: 500].

Для того чтобы контекстуально уточнить значение абстрактного признака *плохой*, поэт приводит значение признака в скобках, а затем такая детализация признака разрастается в составе компаративных эпитетных рядов. Первые два эпитета явно окказиональны, поскольку краткие формы адъективов образованы от прилагательных на *-ский*, которые их системно не образуют: ... они сохраняют основное относительное значение или след этого значения. Им присущ семантический оттенок типической свойственности лицам, предметам...» [Виноградов: 227]. В данном случае перед нами относительное прилагательное, перешедшее в качественное и имеющее значение не типичного признака, а индивидуального. Краткая форма адъектива находится в неизменно сильной позиции: в конце фразы, интонационно и пунктуационно выделяется.

Подведем некоторые итоги. Понятие качественного признака в русском языке имеет сложную организацию, предельно детализировано, зависит от контекста. Как показал анализ семантики качественности в творчестве М. Цветаевой на примере конструирования и использования поэтом кратких форм признаковых слов, понятие признака и имя прилагательное, как его основной вербализатор, является одним из идиостилевых участков поэтики ее текстов. В рамках исследования доказано мнение о том, что употребление зачастую неузуальной или окказиональной краткой формы эпитетов свидетельствует о стремлении поэта к языковому эксперименту, о пристальном внимании к семантике и грамматике признаковых слов. Прозаические тексты М. Цветаевой представляют собой особое поле для языковой авторской рефлексии над значением

эпитетных слов, что является идиостилевой чертой ее творчества: понятие эпитета и прилагательное как его вербализатор являются не тропом, а средством отражения принципа когнитивного, эпитетного поэтического мышления.

Изучение признаковой лексики позволяет уяснить архитектуру идиостиля М. Цветаевой, принципы отбора лексики и механизмы вербализации центральных для ее творческого мышления смыслов. Настоящее исследование представляет собой один из этапов осмысления глубины, неисчерпаемости языка великого поэта; раскрывает скрытые значения языковых единиц, заложенные автором, и их роль в общей стилистике идиостиля.

Перспективы исследования связываются с дальнейшим изучением качественных слов в текстах М. Цветаевой, с лексикографированием эпитетов и эпитетных комплексов. Применение когнитивно-семантического подхода к описанию идиостиля с опорой на признаковые вербализаторы понятия качественности возможно в рамках иных идиостилей.

Список источников

- Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис-Лак, 1997, 639 с.
Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994—1995.

Список литературы / References

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с. (Arnol'd I.V. Stylistics. Modern English language, Moscow, 2002, 384 p. — In Russ.)
- Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122—143.
(Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic), *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2017, no. 2 (9), pp. 122—143. — In Russ.)
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
(Vinogradov V.V. Russian language (Grammatical Theory of Word), Moscow, 1986, 640 p. — In Russ.)
- Гращенко П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9—25.
(Grashchenkov P.V., Liutikova E.A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation], *Rhema*, 2018, no. 4, pp. 9—25. — In Russ.)
- Губанов С.А. Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 32—40.
(Gubanov S.A. Epithet complex in Marina Tsvetaeva's texts, *Theoretical and Applied Linguistics*, 2022, no. 8 (4), pp. 32—40. — In Russ.)
- Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: ЛГУ, 1989. 264 с.
(Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect, Leningrad, 1989, 264 p. — In Russ.)
- Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93—95.
(Kirov E.F. Diskursema and megaepithet in discoursology, *Kazan Science*, 2019, no. 3, pp. 93—95. — In Russ.)
- Котов А.А. О статусе краткого прилагательного в грамматической системе русского языка // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 221—225.
(Kotov A.A. On the status of the short adjective in the grammatical system of Russian, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 3, pp. 221—225. — In Russ.)

- Кулева А.С. К вопросу о месте усеченных прилагательных в грамматике современного русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1. С. 50—53.
(Kuleva A.S. Use of clipped adjectives in modern Russian grammar, *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2013, no. 1, pp. 50—53. — In Russ.)
- Нечаева О.В. Краткие имена прилагательные в предложениях с семантикой характеристики // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 203—204.
(Nechaeva O. V. Use of adjectives in sentences to characterize personal traits, *Izvestia of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*, 2011, no. 23, pp. 203—204. — In Russ.)
- Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5—40.
(Revzina O.G. Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva, *Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: in 4 vols*, 1996, vol. I, pp. 5—40. — In Russ.)

SHORT FORM OF ATTRIBUTIVE WORDS IN M. TSVETAEVA'S CREATIVITY: SEMANTICS, GRAMMAR

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara,
Russian Federation, gubanov5@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of semantics and grammar specifics of short forms of attributive words in Marina Tsvetaeva's texts. The work establishes that the concept of quality, attribute, is one of the specific features for the poet's texts, which is expressed in its varied verbalization both in poetic texts as well as in drama and prose. As part of the study, it is suggested that the use of a short form of epithets, often occasional, indicates the poet's desire for a language experiment, close attention to the semantics and grammar of characteristic words. The article presents a semantic analysis of attribute words in a short form, representing the category of quality, and structuring it along the lines of permanence/temporariness of the attribute, the degree of manifestation of the attribute, and its expressiveness. It is noted that in the prose of M. Tsvetaeva, linguistic reflection on the semantic of epithet words is represented to a greater extent, which is very characteristic and typical of her texts: the concept of an epithet and the adjective as its verbalizer are not a trope, but a means of reflecting the principle of cognitive, epithet poetic thought. It is concluded that the study of characteristic vocabulary makes it possible to understand the architectonics of M. Tsvetaeva's idiosyncrasy.

Keywords: idiosyncrasy, epithet, short form, epithet complex, semantics

For citation: Gubanov S.A. Short form of attributive words in M. Tsvetaeva's creativity: semantics, grammar, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 72—78.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Губанов Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru

Gubanov Sergey Anatolevich — Doctor of Science (Philology), Professor at the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation, gubanov5@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 79—87.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 79—87.

Научная статья

УДК 811.152.2'374.3

DOI: 10.46726/И.2024.3.10

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШОТЛАНДЦЕВ В ТОЛКОВО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ (На материале “COLLINS ENCYCLOPAEDIA OF SCOTLAND”)

Татьяна Алексеевна Калачева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

17vernonsemperviret47@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется роль справочников шотландского языка в процессе сохранения национального языка и национальной культуры Шотландии в условиях всемирной глобализации и цифровизации. Уникальный исторический опыт и реалии, которыми богата Шотландия, находят своё проявление в шотландском языке, традиция описания которого ведется английской лексикографией с прикнижных глоссариев. В этой связи проводится лексикографический анализ авторитетной энциклопедии для общих целей. Рассматривается вопрос о предпосылках возникновения лексикографической традиции в Шотландии на примере словарей языка писателей как источника культурно-языкового авторитета. Поднимается вопрос о современных тенденциях разработки структуры словарей и справочников шотландского языка в контексте антропоцентрической направленности научных исследований, целью которой является удовлетворение запросов и нужд пользователей. Отмечается возрастающая роль экстралингвистической информации источника, наличие которой расширяет группу целевой аудитории: в ее спектр входят переводчики, специалисты, студенты, туристы и др.

Ключевые слова: шотландская идентичность, культурное наследие, язык писателя, энциклопедия, лексикографический анализ

Для цитирования: Калачева Т.А. Отражение национальной идентичности шотландцев в толково-энциклопедических словарях (на материале “Collins Encyclopaedia of Scotland”) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 79—87.

Изменения, протекающие в сфере культуры, находят отражение в языке, а языковая эволюция, в свою очередь, определяет ход культурных процессов. По этой причине теоретические исследования в области языка приобретают исключительное значение для сохранения этнической идентичности.

В последнее время термин «идентичность» становится особенно актуальным во взаимосвязи с процессами мировой глобализации и цифровизации. Научные работы, посвященные проблеме плеоназма культур в рамках общей «европейской идентичности», сообщают о том, что наряду с англичанами валлийцы, ирландцы и шотландцы также настаивают на своей национальной, культурной и литературной специфике. Анализ исследовательской литературы позволяет судить о том, что языковая и, следовательно, национальная идентичность шотландцев осложняется их формальной (гражданско-правовой) принадлежностью

© Калачева Т.А., 2024

к Великобритании. В связи с чем шотландцы ориентируются на нормы, ценности и установки, свойственные британцу (англичанину), с одной стороны, и стремятся сохранить собственные этнические и культурные особенности, связанные с территориальной принадлежностью и историей, с другой стороны. Кроме того, в сознании шотландца существует и другой вариант отождествления себя — внутринациональный (этнокультурный и территориальный) — деление на Highlanders и Lowlanders (жителей горной и равнинной частей Шотландии). В частности, именно географические особенности Шотландии позволяют отечественным и зарубежным исследователям шотландского языкового ареала выявить и подчеркнуть историческую обусловленность современной языковой ситуации в Шотландии.

Данная статья имеет своей целью установление основных тенденций разработки и создания толково-энциклопедических словарей шотландского языка скотс в условиях стремления Шотландии к отделению от Англии, а также выявление особенностей принципов регистрации и описания лексики в печатных и онлайн-справочниках шотландского языка.

Материалом исследования послужили энциклопедические справочники шотландского языка и культуры, регистрирующие национально-маркированную лексику (имена собственные и нарицательные) из различных областей науки и искусства, истории, спорта, флоры, фауны и пр., представленной как в печатной, так и в цифровой формах. В данном случае целесообразным представляется использование историко-типологического подхода, способствующего достижению поставленной цели. В качестве метода исследования применяется анализ словарей (Critical Dictionary research), разработанный в отечественной лексикографии и апробированный в исследованиях представителей Ивановской лексикографической школы [Алхастова, Карпова].

Взаимодействие английской и шотландской культур особенно отмечается в общей британской лексикографической картине. Английская национальная лексикография отличается многовековыми традициями, богатой теоретической базой и разносторонним практическим опытом создания словарей общего и специального назначения. В своих исследованиях О.М. Карпова подчёркивает, что в формировании английской лексикографии значительную роль сыграли специальные словари английского языка, в группу которых входят учебные словари, словари синонимов, а также словари языка писателей и прикнижные глоссарии к произведениям Чосера, Мильтона, Шекспира [Карпова 2021: 43], чья изоглосса впоследствии была перенята и преобразована шотландскими лексикографами.

Так, поэт Аллан Рамзи стал первым автором и лексикографом, включившим подробный частотный словарь в антологию *The Ever Green* (1724). А. Рамзи и другие поэты XVIII века, среди которых особо выделяется Роберт Бёрнс со своим фундаментальным трудом *Poems, Chiefly in the Scottish Dialect (Edinburgh Edition)* (1787) [Beltran: 9—11], а также писатель и переводчик Александр Росс, стремились воссоздать статус и образ шотландского языка как литературного. В ряд поэтических сборников, прикнижных и самостоятельных глоссариев, относящихся к литературному авторитету Р. Бёрнса, вошли книги американского издательства “Houghton Mifflin” *The Complete Poetical Works of Robert Burns, With Biographical Introduction, Notes and Glossary* (1897); словарь *The Dialect of Robert Burns as Spoken In Central Ayrshire* (1923), содержащий свыше 4230 входных единиц, оцифрованный и размещённый в Интернете

в 2008 г.; *Understanding Robert Burns: Verse, Explanation and Glossary* (2002); *Complete Glossary to the Poetry and Prose of Robert Burns* (2018).

Шотландские детективы, не утратившие своей популярности со времён викторианской эпохи, были свидетельством животрепещущих тем, интересовавших и волновавших общество в то время. Авторы детективных историй, фактическими основоположниками которых стали Роберт Льюис Стивенсон и Джеймс Хогг, освещали в том числе и национальные проблемы; при этом зачастую в художественном тексте прослеживался мотив сверхъестественного, характерный для шотландской литературы [Романова, Суворова: 73]. Именно материал художественной литературы и рукописных источников послужил основой для словарей, которые отражают культурное наследие нации, тем самым создавая новый тип словаря — толково-энциклопедический.

С течением времени словарь стал своеобразным мостом между древними и современными языками, связь которых обусловлена анализом этимологии и истории слов, включением в словарные статьи экстралингвистической информации, способствующей сохранению и осмыслению культуры и самобытности нации [Алхастова, Карпова: 172]. Так, по замечанию О.А. Ужовой, толково-энциклопедический словарь становится источником сведений о культурно значимых единицах, которые, как и знание языка, являются основополагающими, во-первых, в формировании культурной компетенции и, во-вторых, в процессе успешной межкультурной коммуникации [Ужова: 86—90].

Уникальные черты шотландской национальной идентичности определили создание лингвистических и лексикографических работ, раскрывающих особенности фамильной (клановой) истории (*Collins Scottish Clan & Family Encyclopedia; The Complete Book of Tartan*), черты народных сказок (*A Dictionary of Scottish Phrase and Fable*), а также фразеологизмов (*A Dictionary of Scots Words and Phrases in Current Use; The Concise Dictionary of Scottish Words and Phrases*).

Многочисленные культурные реалии Шотландии, её культурные памятники и национальные символы нашли отражение в энциклопедии *Collins Encyclopaedia of Scotland*, опубликованной авторитетным издательством HarperCollins под редакцией Джона и Джулии Кей. Справочник создан в печатном формате в 1994 г. и выдержал два переиздания. Первое издание, в процессе создания которого приняли участие 126 волонтеров, составляет тысячу страниц и включает 500 иллюстраций. Его выбор для анализа обусловлен следующими преимуществами: широкий охват материала, компетентность авторов, авторитетность издательства, ряд переизданий энциклопедии (1994, 2000, 2001 гг.), оцифрованный формат и удобство пользования, а также высокая оценка пользователей, использующих данную энциклопедию в качестве культурно-ориентированного источника, отражающего различные аспекты шотландской культуры.

Лексикографический анализ энциклопедии J. Keay, J. Keay *Collins Encyclopaedia of Scotland*, 1994

Мегаструктура толково-энциклопедического словаря

При создании толково-энциклопедических словарей для *общих целей*, как правило, соблюдаются традиционные принципы. Рассматривая данный вопрос, М.Н. Панютина подчёркивает необходимость соблюдения следующих критериев, необходимых для разработки энциклопедического справочника: это, в первую очередь, большой объём словника, определённые план и состав, а также метаязык словаря, обусловленный темой описания [Панютина: 69]. Неотъемлемой частью справочника являются систематизированные части

введения (предисловие автора (авторов), лингвистические справки и рекомендации пользования и др.) и заключения (приложения, индекс). При расположении входных единиц соблюдается принцип алфавитного порядка.

На основании соответствия перечисленным выше параметрам *Collins Encyclopaedia of Scotland* действительно может считаться примером традиционного справочника для общих целей. Так, в качестве опорного материала выступают топографические, хронологические и генеалогические данные, которые, во-первых, дают подробную информацию о городах Шотландии и географических и пространственно-архитектурных особенностях ландшафта страны и, во-вторых, датах правления монархов Англии, Франции и Шотландии. Отдельно приводятся сведения о правящих династиях Британии и их отдельных представителях: *the House of Canmore, the House of Stewart, the House of Hanover*. Следует отметить, что мегаструктура энциклопедии имеет логически выверенное построение, состоящее из предисловия — *front matter (Editors' Note and Acknowledgements; List of Contributors; Reader's Guide; Maps: Scotland; Map: Pre-1975 Counties)*, словника — *middle matter (The Entries)* и приложений — *back matter (Appendix I: Presbyterian Churches of Scotland Post 1700; Appendix II: The House of Canmore to the House of Stewart; Appendix III: The House of Stewart to the House of Hanover; Appendix IV: The Kings of France, Scotland and England; Illustration Acknowledgements; Index)*.

При составлении любого словаря, в особенности толково-энциклопедического, учитываются компетентность составителей и степень их осведомлённости о поставленной проблематике. В этой связи несомненное достоинство данного справочника заключается в том, что авторы — супружеская пара Джона и Джулии Кей — являются экспертами в области истории Великобритании в целом и Шотландии в частности, что обеспечивает достоверность материала. Так, Джон Кей — профессиональный писатель, диктор и историк, автор целого ряда книг. Писательница Джулия Кей (её авторству принадлежит детектив *The Spy Who Never Was*) стала автором нескольких документальных фильмов для *BBC Radio Scotland*. Семья проживала в Аргайле, Шотландия.

Словник включает четыре тысячи статей о культурных и исторических событиях Шотландии, известных персоналиях, а также реалиях и традициях этой страны. В том числе о клане (*clan*), принадлежностью к которому определяется по мужскому килту (*kilt*), расцветка которого строго установлена в соответствии с тартаном (*tartan*). О главном национальном поэте, Роберте Бёрнсе (*Robert Burns*), в честь дня рождения которого, 25 января, устраиваются особые вечера (*Burns Nights*), со знаменитым и шотландским блюдом, которое некогда воспевал бард в своей поэме *To A Haggis* и которое подаётся в праздничный ужин в этот день. О национальных легендах и мифах, к которым шотландцы испытывают особую любовь, даже на историческом гербе страны изображён единорог, символ духовной чистоты и мудрости, а согласно легенде, появившейся ещё в XVI в., в водах местного озера Лох-Несс обитает чудовище по имени Несси (*Nessie*). Шотландская мифология богата и другими водяными духами, отмеченными в словаре, к примеру, келпи (*kelpie*), обитающим во многих реках и озёрах в облике коня.

Макроструктура толково-энциклопедического словаря

Макроструктура данного толково-энциклопедического справочника включает примеры шотландского словоупотребления с выраженными национально-культурными чертами, охватывающие события, факты и биографии исторических

личностей и деятелей Шотландии. Словник энциклопедии включает ряд персоналий, среди которых деятели науки, литературы, философии, спорта и истории Шотландии. Таким образом, особое значение приобретают *имена собственные*, в частности, *антропонимы* и *топонимы* как принципиально важный культурный слой страны, например:

ГРАХАМ, Thomas (1805—69). Chemist and Physicist.

Born in **Glasgow** and educated at the city's University from the age of 14 to 21, Graham showed a flair for original experimentation, beginning with research on phosphates and arsenates...

BURNS, Robert (1759—96). Poet.

Robert Burns was the eldest son of a professional gardener and unsuccessful tenant farmer in **Ayrshire**...

Chambers Street.

Linking **George IV Bridge** and **South Bridge**, Chambers Street was made in 1871 to provide carriage access to the **Royal Museum of Scotland**...

Наряду с именами собственными в словнике нашли своё отражение *культурные реалии*, которые условно образуют отдельные смысловые группы. Среди них входные единицы, репрезентирующие:

Различные языки

GAELIC LANGUAGE.

History. Gaelic is the language in longest continuous use in Scotland...

Исторические памятники

St Margaret's Well, Holyrood Park.

A miniature medieval Gothic masterpiece...

Названия кланов

GORDON FAMILY.

Gordons have been involved in Scottish history for so long that they are now perceived as a Highland clan...

Государственные символы

THISTLE.

The thistle has been an important symbol in Scottish **heraldry** for over 500 years; but botanists are confused as to which of the several native and introduced thistles this heraldic symbol represents...

Мифология

NESSIE (The Loch Ness Monster).

Monsters, **kelpies** and other water beasts feature prominently in Highland folklore and are associated with numerous lochs and rivers ...

Элементы национального костюма

KILT.

The word is not Scots or Gaelic; neither, arguably, is the pleated, knee-length garment to which it refers, in spite of this having become the *sine qua non* of Highland and formal Scottish dress...

Флора

EAGLES, GOLDEN.

Although *Aquila Chrysaetos* breeds wherever there is suitable upland habitat, it is obviously most numerous in the Highlands and Western Isles...

Архитектура

COXTON TOWER, Nr Elgin, Moray.

“One of the most remarkable buildings of its class in Scotland” declared MacGibbon and Ross of this small rectangular tower house...

Музыка

BAGPIPES.

HIGHLAND The origins of the Highland bagpipes are obscure, but they were in use as military instruments and for **clan** gatherings and laments by the mid-16th century...

Религия

AIDAN, Saint (d. 651).

From **Iona** Aidan was summoned by King Oswald to his kingdom of the Angles, Northumbria, stretching from **Edinburgh** to York...

Религиозные термины

COVENANTS (1557—1743).

The concept of a special contract between God and the people is of Old Testament origin...

События

GLEN CINEMA FIRE, Paisley (1929).

Scotland's worst accident in the entertainment industry happened at the Glen Cinema, Paisley, on 31 December 1929...

Государственные реформы

ALIEN ACT (1705).

Part of the acrimonious build-up to the 1707 **Act of Union**, the Alien Act was passed by the English Parliament in response to the Scottish Parliament's **Acts of Security**...

Военные структуры

AVIATION.

Scotland's involvement in aviation may have begun in 1577 when John Damian jumped from **Stirling Castle** with wings strapped to his arms and was lucky to escape with only a broken thigh...

Юридические термины

LEGAL PROFESSIONS.

The Scottish legal professions are, like their English counterparts, divided into advocates (analogous to English barristers) and solicitors...

Примечательно, что издание открывается статьёй об Аароне Скотусе (*Aaron Scotus*), аббате и музыкальном теоретике, тогда как последняя посвящена дворянскому титулу монаршей особы — маркизу Зетланду (*Zetland*) (единственная статья на эту букву). Словник второго издания, вышедшего в 2000 г., был расширен сотней новых статей, среди которых статьи о футболисте Уильяме Бремнере (*William Bremner*), овечке Долли (*Dolly*), шотландском парламенте (*Scots Pairlament*), а также о политическом деятеле Джоне Смите (*John Smith*).

Статьи особого культурного значения (например, Эдинбург, Глазго, а также промышленный, строительный, торговый и иные промыслы) содержат развёрнутые комментарии и располагаются на нескольких страницах.

Анализ словника показал, что значительную часть имён собственных составляют фамилии политических и общественных деятелей, а также представителей искусства и науки, с одной стороны, и названия географических объектов, с другой. Среди группы последних встречаются статьи о городах (*Bathgate, West Lothian*), островах (*Bass Rock*), улицах (*Princes Street*), памятниках (*Doune Castle*) и т. д., что служит иллюстративным материалом для хронологического изучения исторических периодов и эпох формирования и развития Шотландии. Присутствуют и статьи на менее очевидные темы: статья о римском полководце Агриколе (*Gnaeus Julius Agricola*); серой вороне (*Corvus tristis*); городе Берик-апон-Туид

(*Berwick-upon-Tweed*) (город, расположенный на границе между Шотландией и Англией), а также статьи о лекарственных растениях.

Микроструктура толково-энциклопедического словаря

В структуру словарной статьи включаются географические карты, служащие путеводителем по всему ландшафту Шотландии, начиная с определённых регионов страны и заканчивая отдельными улицами того или иного города, а также портреты персоналий и реальные фотографии архитектурных и археологических памятников. Так, например, соответствующим добавочным иллюстративным материалом сопровождаются статьи *Edinburgh; Glasgow; Glasgow City Centre; Calton Hill* и др.

Микроструктура является универсальной для всех типов словарных единиц. Культурологическая информация о вокабуле представляет собой энциклопедическое толкование, представленное в форме распространённого предложения. Например:

DOW, Daniel (1732—1783). Violinist and Composer.

Dow's *A Collection of Ancient Scots Music of 1776* is a particularly important publication as it contains early printed arrangements of music for violin, harpsichord, piano and flute as well as from the *piobaireachd* and *clarsach* repertoires. He worked mostly in **Edinburgh**, and his **reels** and **Strathspeys** are still popular.

Особую роль в организации словаря принимает полиграфическая семантика, что характеризуется активным задействованием особого (полужирного) шрифта в заглавном слове и отсылочных пометах. Параллельно с этим применяется также курсив, акцентирующий внимание на региональных пометах, этимологических и иллюстративных комментариях.

Единственным существенным недостатком словаря можно назвать отсутствие фонетической (произносительной) пометы. Несмотря на наличие некоторых фонетических комментариев, их удалённость от заглавного слова затрудняет пользование словарём.

Результаты, полученные в результате лексикографического анализа *Collins Encyclopaedia of Scotland*, позволяют отнести данное справочное пособие к группе общих энциклопедий, поскольку в словаре представлен обширный и разнообразный материал, незаменимый при комплексном изучении культурных и языковых реалий жизни в Шотландии. Доступность и лаконичность мета-языка словаря обеспечивает его востребованность широким кругом пользователей (специалистами, переводчиками, студентами, туристами), изучающих язык, историю и культуру Шотландии. Как упоминалось ранее, формат оригинального словаря 1994 г. печатный, однако в настоящее время пользователь располагает его отсканированной и адаптированной для чтения и прямой работы с текстом онлайн-версией (archive.org), что является одной из тенденций изменения лексикографической парадигмы [Карпова 2022: 12].

Проведенный анализ показал, что этот тип справочника является проводником культурного кода нации и всесторонне отражает культурные реалии Шотландии, позволяющие судить о национальной идентичности шотландцев в языковых, исторических, архитектурных и др. аспектах. Лексикографический анализ настоящего толково-энциклопедического словаря подтверждает, что содержание *Collins Encyclopaedia of Scotland* не только отвечает запросам современного пользователя (иллюстративность, оцифрованный формат, наличие помет и приложений), но и поддерживает уникальность Шотландии с присущей государству неповторимой и колоритной культурно-языковой сокровищницей, выступая своеобразным историческим и географическим путеводителем по стране.

Список литературы / References

- Алхастова З.Р., Карпова О.М. Словари культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц): монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. 172 с.
- (Alkhastova Z.R., Karpova O.M. Dictionaries of cultural heritage (on the material of dictionaries of the language of English writers, quotations and proverbs): monograph, Ivanovo, 2020, 172 p. — In Russ.)
- Карпова О.М. Английская лексикография культурного наследия в электронно-цифровую эпоху (на материале словарей языка писателей) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2021. № 3. С. 41—47.
- (Karpova O.M. English lexicography of cultural heritage in the electronic digital era (on the material of dictionaries of the language of writers), *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 2021, no. 3, pp. 41—47. — In Russ.)
- Карпова О.М. Изменение современной лексикографической парадигмы в цифровую эпоху (на материале словарей английского языка) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2022. № 2. С. 6—12.
- (Karpova O.M. Change of modern lexicographic paradigm in the digital era (on the material of English dictionaries), *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2022, no. 2, pp. 6—12. — In Russ.)
- Панютина М.Н. Специальные энциклопедии: (на материале исторического словаря The Wordsworth Dictionary of British History) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 67—76.
- (Panyutina M.N. Special encyclopedias: (on the material of The Wordsworth Dictionary of British History), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 67—76. — In Russ.)
- Романова Т.Н., Суворова Н.А. Национальная специфика шотландского романа // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. С. 72—76.
- (Romanova T.N., Suvorova N.A. National specificity of the Scottish novel, *Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*, 2018, no. 14, pp. 72—76. — In Russ.)
- Ужова О.А. Принципы составления учебного толкового культурологического словаря «Великобритания. История и культурные ассоциации» // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сборник научных статей. Иваново: ИвГУ, 2020. С. 86—95.
- (Uzhova O.A. The Principles of Compiling an Educational Explanatory Cultural Dictionary “Great Britain. History and Cultural Associations”, *Theory and Practice of Foreign Language in Higher School: Collection of Scientific Articles*, Ivanovo, 2020, pp. 86—95. — In Russ.)
- Beltran M. Robert Burns, the Burns Cult and Scottish Popular Culture, Glasgow: University of Glasgow, 2018, 127 p.

**REFLECTION OF SCOTTISH NATIONAL IDENTITY
IN EXPLANATORY AND ENCYCLOPAEDIC DICTIONARIES
(With reference to the “Collins Encyclopaedia of Scotland”)**

Tatyana A. Kalacheva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
17vernonsemperviret47@gmail.com

Abstract. The article deals with the role of Scottish language dictionaries in the process of preserving the national language and national culture of Scotland in the context of worldwide globalization and digitalization. The object of the study is the encyclopedic reference books of

Scottish language and culture. The methodology of the research is based, primarily, on the method combining theoretical and linguistic analysis of scientific works on the given topic as well as on the method of classification and, consequently, on the principles of lexicographic analysis developed in Russian lexicography and verified in the studies of IvSU professors. Thereupon, a lexicographic analysis of an authoritative encyclopedia for general purposes is carried out. The emergence of the lexicographical tradition in Scotland is also considered, based on the example of author's dictionaries. The article considers the issue of modern trends in lexicography in the context of anthropocentric orientation of scientific research, the purpose of which is to satisfy the requests and needs of users and expand their number.

Keywords: Scottish identity, cultural heritage, author's dictionary, encyclopaedia, lexicographic analysis

For citation: Kalacheva T.A. Reflection of Scottish national identity in explanatory and encyclopaedic dictionaries (with reference to the “Collins Encyclopaedia of Scotland”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 79—87.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 19.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Калачева Татьяна Алексеевна — аспирант кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, 17vernonsemperviret47@gmail.com

Kalacheva Tatyana Alekseevna — Postgraduate student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, 17vernonsemperviret47@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 88—95.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 88—95.

Научная статья

УДК 81'27:2-1

DOI: 10.46726/И.2024.3.11

НАРОДНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Наталья Владимировна Суворова

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, suvorova-n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются русские и польские народные именованья христианского праздника *Рождество Пресвятой Богородицы*. С целью обнаружения лингвокультурологической специфики данных образований анализируются структурные и семантические особенности общеупотребительных и территориально ограниченных наименований этой памятной даты. На основе компонентного анализа устанавливается, что значительное число русских и польских народных именованья характеризуется сходством состава и внутренней формы. Общие мотивационные признаки, лежащие в основе этих номинаций, указывают на лицо и событие, которому посвящен праздник. В результате сопоставительного анализа русских и польских диалектных названий праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* были установлены различия в их семантике, обусловленные экстралингвистическими причинами. Различия в мотивации территориально ограниченных вариантов именованья рассматриваемой памятной даты связаны с духовными и культурно-историческими традициями русского и польского народов.

Ключевые слова: геортоним, внутренняя форма слова, лингвокультурология, мотивационный признак, народные названия, семантика, славянские языки, структура

Для цитирования: Суворова Н.В. Народные именованья христианского праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* в русском и польском языках (лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 88—95.

Именованья религиозных праздников представляют собой особую лексическую группу в системе любого языка разных исторических периодов, т. к. при наличии универсальных черт, характерных для ряда диалектов, обладают специфическими особенностями, свидетельствующими об индивидуальности культурных традиций каждой нации. Благодаря геортонимам, в которых, как в зеркале, отражается богатейший ментальный опыт наших предков, можно проследить «уникальную трансформацию народного сознания (изначально являвшегося «продуктом» языческих верований) под влиянием религиозных учений» [Суворова: 75].

При сопоставительном анализе русских и польских геортонимов, имеющем целью выявить общее и различное в механизме номинации религиозных праздничных дат, следует иметь в виду ряд экстралингвистических факторов.

Во-первых, принадлежность русской и польской церкви к разным ветвям христианства (в России — православие, в Польше — католицизм), во-вторых, несоответствие в ранге праздника (торжество, входящее в число важнейших двенадцатых праздников, или литургический праздник), в-третьих, несовпадение в датах из-за разницы календарных систем (юлианский календарь — в православных странах, григорианский — в католических).

Среди христианских праздников особое место как в православной, так и в католической традиции занимают праздники, посвященные Богородице, матери Иисуса Христа. Важнейшим из них, безусловно, является *Рождество Пресвятой Богородицы* (*Narodzenie Najświętszej Maryi Panny*), которое в России отмечается 21 сентября, а в Польше — 8 сентября. Различен и ранг этого праздника в этих странах: православная церковь относит его к числу двенадцатых, т. е. самых важных после Пасхи празднеств, а католическая — к литургическим, которые по значимости входят во вторую категорию церковных памятных дат.

Русское календарное (официальное) именование рассматриваемого религиозного праздника *Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*, представляющее собой кальку с греческого оригинала, употребляется только в канонических текстах, призванных строго следовать церковным традициям. Центр многокомпонентного геортонима составляет отглагольное существительное с абстрактным суффиксом, называющее событие (*Рождество*), которому посвящен праздник. Кроме того, в структуру сложного словосочетания входят компоненты, по-разному называющие лицо, связанное с указанным событием (*Владычица, Богородица, Приснодева, Мария*). Именования матери Христа намеренно подаются в порядке нисходящей градации, характерной и для других официальных названий церковных праздников (*Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*).

Календарные именованья праздника в русском и в польском языках имеют ряд неофициальных вариантов, которые условно можно назвать народными. С точки зрения особенностей структуры и семантики эти геортонимы далеко не однородны. Среди них можно выделить однокомпонентные и многокомпонентные образования, представляющие собой простые или сложные словосочетания, в составе которых содержатся лексемы религиозного характера, или таковые заменяются словарными единицами, выражающими бытовые понятия. Начнем рассмотрение народных именованья с геортонимов, структура которых содержит компонент, непосредственно указывающий на церковный характер праздника. К подобным образованиям относятся следующие русские и польские варианты: *Рождество Пресвятой Богородицы, Рождество Богородицы; Narodzenie Najświętszej Maryi Panny* (Рождество Пресвятой девы Марии), *Narodzenie Najświętszej Bogurodzicy* (Рождество Пресвятой Богородицы), *Narodzenie Maryi* (Рождество Марии), *Bogarodzica* (Богородица).

Русские многокомпонентные варианты *Рождество Пресвятой Богородицы* и *Рождество Богородицы* представляют собой усеченные сочетания календарного (официального) названия праздника, содержащие два основных компонента, семантика которых связана с важнейшим религиозным событием и лицом, находящимся в центре этого события. С точки зрения структуры данные названия сходны с польскими вариантами именованья этого праздника: *Narodzenie Najświętszej Maryi Panny* (Рождество Пресвятой девы Марии), *Narodzenie Najświętszej Bogurodzicy* (Рождество Пресвятой Богородицы), *Narodzenie Maryi* (Рождество Марии). Однако компоненты, входящие в состав

этих сочетаний, не совпадают полностью. Лексемы, обозначающие событие, при семантической тождественности различаются морфемной структурой (отсутствием/наличием префикса, видом абстрактного суффикса). Причина этого чисто лингвистическая. Что же касается различия в компонентах, обозначающих лицо, здесь следует иметь в виду экстралингвистические факторы. Как известно, представители католической церкви в ряде европейских стран Богородицу называют Девой Марией. Вероятно, именно поэтому большинство польских неофициальных геортонимов включает имя собственное *Marija* и существительное *Panna* «незамужняя девушка, дева». Несмотря на некоторые различия в компонентном составе рассмотренных русских и польских наименований *Рождества Богородицы* (*Narodzenie Najświętszej Maryi Panny*), можно говорить об общности механизма их номинации.

К народным геортонимам, структура которых содержит компонент, непосредственно указывающий на церковный характер праздника, можно отнести однословное сложное польское именование *Bogarodzica* и двухкомпонентный русский вариант *Богородицын день* (в некоторых севернорусских диалектах наблюдается «чоканье» — *Богородичен день*). Лексема *Bogarodzica* (Богородица) указывает на лицо, которое чествуют в праздничную дату, посвященную рождению матери Христа. В данных геортонимах наблюдается крайняя степень редукции полного календарного названия *Рождества Пресвятой Богородицы*. Отметим, что в этих именовании, в отличие от народного варианта названия праздника *Рождества Христова* — *Рождество*, компонент, называющий лицо, не опускается. Причина этого экстралингвистическая: праздник, посвященный рождению Иисуса Христа, Бога и Спаса, считается выше по статусу.

Только в русском языке есть неофициальные варианты названия праздника *Рождество Пресвятой Богородицы*, структура которых содержит субстантивированное прилагательное *Пречистая*, замещающее сложносуффиксальное существительное *Богородица*: *Малая Пречистая* и *Вторая Пречистая*. Лексема *Пречистая* в значении 'безгрешная', 'беспорочная', 'неоскверненная', судя по данным «Словаря русского языка XI—XVII вв.», употреблялась в наименовании Богородицы уже в древнерусский период не только в памятниках книжно-славянского языка, но и в текстах делового характера: «(1268): Силою же креста честнаго и помощью святыхи троицы и молитвами пречистыя владычица наша богородица приснодѣвы Мариа и всѣх святых одолѣ князь велики нѣмцом. Моск. Лет., 147 [Словарь русского языка XI—XVII вв. 19: 83]. Прилагательное *Малая* и порядковое числительное *Вторая* здесь крайне важны. Они определяют место этого праздника среди других памятных дат, посвященных Богородице, а точнее, указывают на наличие более важного Богородичного праздника — *Успения Пресвятой Богородицы*, который имеет народные варианты именованья — *Большая Пречистая* и *Первая Пречистая*. Данное соотношение (*Большая* — *Малая*, *Первая* — *Вторая*) в названиях этих памятных дат можно объяснить с религиозной точки зрения: переход в жизнь вечную (*Успение*) важнее, чем земное рождение (*Рождество Пресвятой Богородицы*), поэтому и *Пасха* по рангу выше *Рождества Христова*.

В отличие от польского языка в русском языке есть неофициальный вариант названия праздника *Рождество Пресвятой Богородицы*, внутренняя форма которого содержит компонент церковного характера, не связанный непосредственно с Богородицей, — *Аспасов день*. Данное именованья включает аппеллятив *день* и притяжательное прилагательное *Аспасов*, образованное от существительного *Спас* (*Спаситель*) при помощи греческой приставки *a-*.

Данный префикс является полисемичным и имеет следующие значения: отсутствия признака, совместности, усиления. Кроме того, это может быть «чисто фонетическая приставка, не влияющая на смысл слова» [Древнегреческо — русский словарь 1: 13]. В нашем случае однозначно определить семантику префикса сложно. Возможно, *Аспасов день* можно трактовать как праздник, посвященный не Спасу, а Богородице, в отличие от *Спаса дня (Преображения Господня)*, посвященного Христу. Геортоним *Спас день* отмечен уже в памятниках XVI века: «Бысть знамение в Вороначе: от иконы святого Николы из леваго ока, из суха дрѣва истече кровь напрасно, на заутреню, в *Спась день*. Псков. лет. II, 133. XVI в.» [Словарь русского языка XI—XVII вв. 27: 12]. Вероятно, изначально выражение *Аспасов день* воспринималось как антонимичное выражению *Спасов день*. Со временем приставка а- стала асемантической, и именование праздника (*Аспасов день*) лишь опосредованно указывает на лицо, с которым связана памятная дата («та, кто родила Спаса, т. е. Богородица»).

Среди народных именовании праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* можно выделить геортонимы, внутренняя форма которых опосредованно указывает на Богородицу: *Женское Рождество* и *Праздник Рожаниц*. Наши предки верили, что Богородица, будучи матерью Иисуса Христа, может обратиться к своему сыну с просьбой, и молили ее о заступничестве:

Пречудная Царица Богородица!
Услыши молитвы раб своих,
Прими наши слёзы горячия.
Не лиши нас Царствия Небесного,
Избави нас от муки от вечныя,
От вечные от муки, от безконечныя [Шангина:197].

Кроме того, *Рождество Пресвятой Богородицы* — это особый праздник для женщин, которые были бесплодными. Считалось, что если в этот день в молитвах попросить Богородицу о долгожданной беременности, то мать Христа непременно услышит и поможет. Стоя в церкви перед иконой Божией Матери, женщины, которые, долго находясь в браке, не могли родить, многократно повторяли: «Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою, Благословенна ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших». Говоря о возникновении геортонима *Праздник Рожаниц*, можно предположить, что он отражает языческие верования русского народа. Под рожаницами ряд исследователей подразумевают двух языческих богинь (у восточных славян — Лада и её дочь Леля), связанных с культом брака и размножения, которые с принятием христианства сливаются с образами Анны, родившей Марию, и ее дочери Марии, давшей миру Иисуса Христа.

Неоднозначным по трактовке следует считать и русские народные геортонимы *Госпожинки* и *Оспожинки*. Морфемный состав данных лексем явно свидетельствует об общности их происхождения и семантики. Оба геортонима являются суффиксальными образованиями от существительного *Госпожа* в значении «Богородица», широко употреблявшегося в памятниках древнерусской письменности. Лексема *Оспожинки*, представляющая собой фонетический вариант слова *Госпожинки* с утратой г-фрикативного (а именно этот звук произносился и в слове *Господь* согласно литургическому происхождению), нередко воспринимается с точки зрения народной этимологии как префиксально-суффиксальное образование, имеющее общий корень с глаголами *жать*, *пожинать*. И это не случайно. *Рождество Пресвятой Богородицы* — это не только церковный праздник. Для славян он связан с торжествами, которые устраивали

селяне после жатвы хлебов, т. е. после сбора урожая. По всей вероятности, в лексеме *Оспожинки* можно увидеть проявление своеобразного симбиоза языческих верований и христианской религии.

Большинство русских народных вариантов именования праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* не содержат в своем составе компонентов, указывающих на церковный характер праздника. Неофициальные названия достаточно разнообразны по своей семантике, т. к. это был праздник «гостевания, угощения, окончания уборки яровых хлебов и огородных культур» [Славянские древности 4: 460]. Часть из них в свою структуру включает компоненты, указывающие на определенный этап в чередке сельскохозяйственных работ: *Праздник урожая, Луков день, Пасеков (Пасекин день)*. *Рождество Пресвятой Богородицы* был праздником окончания сбора урожая в отличие от *Праздника первых плодов (Преображения Господня)*, когда этот процесс только начинался. Можно предположить, что геортоним *Праздник урожая* был распространен почти повсеместно, в отличие от геортонимов *Луков день, Пасеков (Пасекин день)*. Первый из них встречается в ряде северорусских диалектов на территории Ярославской и Вологодской областей. Со дня празднования *Рождества Пресвятой Богородицы* здесь начиналась уборка лука, которая могла длиться целую неделю (*Луковая неделя*). В южных областях (Воронежской, Саратовской) *Рождество Пресвятой Богородицы* называют *Пасекин день*, потому что работа крестьян была связана и с подготовкой ульев для зимовки пчел, проверкой наличия и качества корма для них. Эти виды деятельности были крайне важны для хозяина пасеки, т. к. от них зависело качество и количество меда в следующем году.

В отличие от русских народных именований в польских народных именованиях *Рождества Пресвятой Богородицы (Narodzenie Najświętszej Maryi Panny)* прослеживается более тесное переплетение христианских и бытовых мотивов. У поляков в этот праздник было принято делать первый посев озимых из колосьев, освященных на *Успение Пресвятой Богородицы*: «W tym dniu rolnicy przynosili do świątyni ziarno przeznaczone na zasiew. Mieszano je z ziarnem wyłuskanym z kłosów, które wraz z kwiatami i ziołami święcono w uroczystość Wniebowzięcia Najświętszej Maryi Panny, by uprosić dobry urodzaj. Według dawnego zwyczaju dopiero po tym święcie i uprzątnięciu pól zaczynało się orkę i siew. Lud chciał, aby rzucone w ziemię ziarno najpierw pobłogosławiła Boża Rodzicielka» («В этот день крестьяне приносили в храм зерно, предназначенное для посева. Его смешивали с зерном, очищенным от колосьев, которое вместе с цветами и травами освящали в праздник Успения Пресвятой Богородицы, чтобы вырастить хороший урожай. По древнему обычаю, только после этого начинались вспашка и посев на полях. Народ хотел, чтобы брошенное в землю семя сначала благословила Божья родительница») [Bunikowski: 23].

В структуре большинства польских неофициальных названий этого праздника: *Dzień Narodzin Najświętszej Panny Marii Siewnej* (День рождения святейшей Марии Посевной), *Matka Boska Siewna* (Богоматерь Посевная), *Odpust Matki Boskiej Siewnej* (Праздник Марии Посевной), *Siewna* (Посевная), *Matka Boska Żytosiewna* (Богородица, сеющая рожь) — содержатся два основных компонента. Один из них называет лицо, с которым связана дата (*Najświętszej Panny, Matka Boska*), а другой содержит указание на конкретный вид сельскохозяйственной деятельности (*Siewnej, Żytosiewna*). То есть большинство польских именований праздника являются многокомпонентными образованиями, исключение составляет номинация *Siewna* (Посевная), представляющая синкретичный усеченный вариант полного геортонима *Dzień Narodzin Najświętszej Panny Marii*

Siewnej (День рождения святейшей Марии Посевной), в котором соединяются религиозное и бытовое представления о празднике. Только в одном из рассмотренных геортонимов есть конкретное указание на то, какому событию посвящена памятная дата: *Dzień Narodzin Najświętszej Panny Siewnej* (День рождения святейшей Марии Посевной), в остальных называется только лицо, связанное с этим праздником.

В польском языке тоже сохранились народные именованья памятной даты *Рождество Пресвятой Богородицы*, внутренняя форма которых связана со сбором урожая. Но в отличие от русских геортонимов они имеют конкретный характер. Так, в номинациях *Jabłkowy odpust* (Яблочный праздник) и *Gruszkowy odpust* (Грушевый праздник) первый компонент сочетания называет определенный плод, уборка которого происходит в начале сентября. Второй компонент *odpust* обозначает местный церковный праздник: «*pot. lokalna uroczystość kościelna z okazji święta patrona danego kościoła, połączona z kermaszem, festynem itp.* («местное церковное торжество по случаю праздника покровителя данной церкви, в сочетании с ярмаркой, праздником и т. д.») [Uniwersalny słownik... 4: 1169]. В этом значении слово *odpust* ограничено по сфере функционирования. Авторы «Универсального словаря польского языка» фиксируют данную дефиницию с пометой «*potoczne*» («разговорное»). Оба именованья имеют усеченные формы (*Jabłka*, *Gruszki*), которые, как и их полные варианты, менее употребительны, чем номинации, связанные с посевом озимых (*Siewnej*, *Żytosiewna*).

Несмотря на общность происхождения русского и польского языков, следует иметь в виду и возможные различия в семантике внешне схожих выражений. В данном случае речь идет о сходстве польского *Jabłkowy odpust* (Яблочный праздник) и русского *Яблочный спас*. Оба словосочетания содержат в своей структуре общий компонент, называющий один и тот же плод, однако сопоставляемые номинации обозначают разные христианские праздники. Польский геортоним, как было отмечено выше, является народным именованьем *Рождества Пресвятой Богородицы*, а русский геортоним — *Преображения Господня*. У восточных славян только в *Яблочный спас* церковью разрешалось есть первые плоды нового урожая, до этого существовал запрет на употребление яблок, особенно для женщин, чьи дети умерли во младенчестве, а у поляков в *Jabłkowy odpust* эти фрукты собирали и запасали на зиму.

Еще одно польское неофициальное именованье *Рождества Пресвятой Богородицы*, в структуру которого входит лексема *odpust*, представляется весьма интересным — *Węgorzowy odpust* (Праздник угрей). Эта номинация, вероятно, является диалектной, употребляемой населением Варминьско-Мазурского воеводства, на территории которого находятся город *Węgorzowo* (нем. Angerburg), Большие Мазурские озера и протекает река *Węgorapa* (*Анграпа*), что в переводе означает «река, в которой водятся угри». Своё название эта рыба получила благодаря внешнему сходству со змеей (*wąż* в переводе с польского «уж»). У некоторых западных славян, в частности у словаков, считалось, что в *Рождество Пресвятой Богородицы* змеи уходят в землю [Славянские древности 4: 460]. Однако сложно предположить, что у восточных и части западных славян рассматриваемая памятная дата ассоциируется с этим явлением, т. к. по русским и польским народным поверьям, гады начинают готовиться к зимней спячке позднее, на *Воздвижение (Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня)*, которое отмечается у поляков 14 сентября (27 сентября у русских). По всей видимости, возникновение геортонима *Węgorzowy odpust* (Праздник угрей) связано с народными приметами. В это

время в озерах и реках Польши, по наблюдениям сельских жителей, появлялось большое количество угрей.

Несмотря на то, что *Рождество Пресвятой Богородицы* связывалось у восточных славян с определенными видами сельскохозяйственной деятельности, это был праздник с запретами на женские работы (нельзя было ткать, прясть) и народными гуляниями и обрядами. Во время *Вторых Осенин*, *Второй встречи осени* (*Первые осенины* приходились на 14 сентября, когда отмечался другой церковный праздник) женщины собирались у водоемов, чтобы встретить осень. Старшая из них держала в руках хлеб, испеченный из зерна нового урожая. Вокруг нее девушки водили хоровод и пели песни, обращенные к матушке-земле (Богородице). Большая часть хлеба по окончании ритуала распределялась между всеми участниками действия, а меньшая скармливалась скоту. Считалось, что этот обряд дарует благополучие всей семье. В некоторых областях (например, Тульской) праздник *Рождество Пресвятой Богородицы* назывался *Поднесеньев день*, потому что молодожены должны были пригласить в гости и угощать своих родственников, а те, посмотрев на «житье-бытье» супругов, поучить их «уму-разуму».

Сопоставительный лингвокультурологический анализ русских и польских народных именовании религиозного праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* позволил выявить ряд общих структурных черт. Большая часть геортонимов в обоих языках представлена многокомпонентными образованиями, называющими событие (*Рождество/ Narodzenie*) и лицо (*Богородицы/ Matka Boska*), которым посвящен праздник, меньшая часть — это однокомпонентные образования (*Bogarodzica, Госпожинки, Осенины*). Внутренняя форма значительного числа русских и польских народных названий праздника включает сходные мотивационные признаки, указывающие на то, что мир природы, ее годовые циклы составляли основу не только хозяйственной деятельности, но и жизни наших предков (*Праздник урожая, Jablkowy odpust, Gruszkowy odpust, Луков день, Пасеков день*). Основные различия между некоторыми русскими и польскими именованими рассматриваемой памятной даты обусловлены экстралингвистическими факторами. Во-первых, географическим положением России и Польши. В ряде польских геортонимов есть лексема *siewna* «посевная», обозначающая вид сельскохозяйственных работ, который приходился на время праздника. Во-вторых, различия во внутренней форме русских и польских геортонимов обусловлены религиозной составляющей. С принятием православия русский народ не отказался от своих языческих верований (*Праздник Рожаниц*), а органично смог их соединить с христианскими традициями.

Таким образом, русские и польские народные именованиа праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* имеют сходную структуру, что обусловлено прежде всего генеалогическим родством всех славянских языков. Что же касается особенностей семантики рассмотренных геортонимов, следует констатировать, что при всей общности ряда мотивационных признаков, лежащих в основе этих образований, наблюдается и немало различий, которые связаны с культурно-историческим многовековым опытом русского и польского народов.

Список источников

- Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / под ред. С.И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Межд. отношения, 2009.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М.: Наука, 1975—2011.
- Uniwersalny słownik języka polskiego PWN: w 4 t. / red. S. Dubisz. Warszawa, 2004.

Список литературы / Reference

- Суворова Н.В. Русские и польские именованя христианского праздника *Благовещение Пресвятой Богородицы* (Лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 73—81. — In Russ.)
(Suvorova N.V. Russian and Polish Names of the Christian holiday of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary (Linguoculturological aspect), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 73—81. — In Russ.)
- Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с. (Shangina I.I. Russian traditional holidays, St. Petersburg, 2008, 336 p. — In Russ.)
- Bunikowski T. Marija w polskiej pobożności ludowej na wybranych przykładach // *Legnickie Studia Teologiczno-Historiczne XVIII*, Legnica, 2019, nr. 2(35), s. 17—28.
(Bunikowski T. Marija in Polish folk piety on selected examples, *Legnickie Studia Teologiczno-Historiczne XVIII*, Legnica, 2019, no. 2 (35), pp. 17—28. — In Pol.)

**FOLK NAMES OF THE CHRISTIAN HOLIDAY
OF THE NATIVITY OF THE BLESSED VIRGIN MARY
IN RUSSIAN AND POLISH
(LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT)**

Natalia V. Suvorova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Abstract. This article discusses the Russian and Polish folk names of the Christian holiday of the Nativity of the Blessed Virgin Mary. In order to reveal the linguistic and cultural specificity of these formations, the structural and semantic features of commonly used and geographically limited names of this memorable date are analyzed. Based on the component analysis, it is established that a significant number of Russian and Polish folk names are characterized by similarities in composition and internal form. The general motivational signs underlying these innovations indicate the person and event to which the holiday is dedicated. As a result of a comparative analysis of the Russian and Polish dialect names of the Nativity of the Blessed Virgin Mary, differences in their semantics due to extralinguistic reasons were established. Differences in the motivation of geographically limited naming options for the memorial date under consideration are related to the spiritual and cultural-historical traditions of the Russian and Polish peoples.

Keywords: georhonym, internal form of the word, linguocultural, motivational sign, folk names, semantics, Slavic languages, structure

For citation: Suvorova N.V. Folk names of the Christian holiday of the *Nativity of the Pre-Holy Virgin* in Russian and Polish (linguistic and cultural aspect), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 88—95.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 21.07.2024; approved after reviewing 27.07.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Наталья Владимировна — доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

Suvorova Natalia Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 96—104.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 96—104.

Научная статья

УДК 94(363.4):930.1(091)

DOI: 10.46726/И.2024.3.12

ИУДЕО-ХРИСТИАНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ КЛЕРМОНЕ В ОТРАЖЕНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Валентина Евгеньевна Цивилева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

valentinatsivileva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются иудео-христианские отношения в позднеантичном Клермоне и их отражение в зарубежной историографии. Жизнь позднеантичного Клермона, в том числе взаимодействие иудеев и христиан, относительно хорошо документированы, с чем связан особый интерес историков к этой теме. Особое внимание историков привлекает самое памятное событие в контексте иудео-христианских взаимоотношений в Клермоне — конфликт 576 г., о котором рассказывает Григорий Турский в «Истории франков» и Венанций Фортунат в одной из своих поэм. Интерпретация этого события, как и иудео-христианских взаимоотношений в целом, за время изучения претерпела ряд изменений. Историки отошли от одностороннего восприятия истории иудеев в христианском окружении как цепочки трагедий, обратили внимание на мирное взаимодействие иудеев и христиан, на позицию авторов источников, риторические цели, которые они преследовали, и в целом на тенденциозность источников христианского происхождения по отношению к иудеям.

Ключевые слова: историография, Клермон, агиография, иудео-христианские взаимоотношения

Для цитирования: Цивилева В.Е. Иудео-христианские взаимоотношения в позднеантичном Клермоне и их отражение в зарубежной историографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 96—104.

Изучение того положения, которое занимали иудеи на позднеантичном латинском Западе, традиционно вызывает затруднения по ряду причин. Исследователи располагают лишь небольшим количеством источников, которые содержат информацию о положении иудеев в тот период. Источники, на которые приходится полагаться, — это по большей части сочинения христианских авторов, целью которых являлось не столько достоверное описание каких-либо событий, сколько выражение определенной позиции, чему служило включение в рассказ вполне определенных событий и лиц. Так, включение в исторический или агиографический нарратив сюжетов, связанных с иудеями, служило, как правило,

апологетическим целям, а сами рассказы были наполнены антииудейской риторикой, затемнявшей реальные события.

Между тем христианские авторы, рассказывая своим читателям о торжестве своей религии и крещении иудеев, невольно показывали, как изменилось положение иудеев в Империи в результате ее христианизации, как мирное взаимодействие между иудеями и христианами нарушалось вспышками насилия.

Среди относительно немногочисленных упоминаний иудеев в позднеантичных латинских источниках особенно выделяется город Клермон. Жизнь этого города в период Поздней Античности считается одной из наиболее документированных, что исследователи считают случайностью, так как город не имел какого-либо особенно важного значения, но с ним по разным причинам было связано множество образованных церковнослужителей [Wood: 35], чьи сочинения и рассказывают об истории Клермона.

В контексте иудео-христианского взаимодействия Клермон упоминается во множестве текстов: в жизнеописаниях епископов Клермона (Австремония, Урбика, Галла), в исторических сочинениях, в постановлениях церковных соборов, в письмах — в связи с чем иудео-христианские взаимоотношения в этом городе нередко становились предметом исследования историков, что сформировало определенную историографическую традицию.

На протяжении развития исторической науки смещались акценты в изучении иудео-христианских отношений, в том числе в позднеантичном Клермоне, менялись и выводы, к которым приходили исследователи. Если до начала XX века история иудеев виделась в качестве цепочки конфликтов, насилия над иудеями, то на следующем этапе развития исторической науки историки стали обращать внимание и на мирное взаимодействие иудеев и христиан, на риторические особенности сочинений христианских авторов, на личность самих авторов источников и на то, как она влияла на изображение иудеев, какие риторические цели авторы преследовали.

Ученые сходятся во мнении, что первое достоверное упоминание иудейского присутствия в Галлии относится к началу IV века [Katz: 9], в это время (321 год) Константином Великим был издан закон в отношении куриальных обязанностей иудеев Колонии Агриппины (совр. Кёльн) (CTh 16.8.3).

Что касается непосредственно Клермона, то большинство упоминаний относятся к V—VI векам. Нередко эти упоминания говорят об интегрированности иудеев в городское сообщество, о мирном взаимодействии представителей разных религий. Сидоний Аполлинарий (430—486), епископ Клермона в 471—486 годах, вполне положительно отзываясь об иудеях в своих письмах. В послании от 472 года он рекомендует своему респонденту, также епископу, иудея, видимо, в качестве поверенного для решения каких-то вопросов. Сидоний отмечает, что «пока есть возможность обратить иудеев, всегда есть возможность их искупления» (*Sidon. Ep. VI, 11*); указывает, что этот иудей хорошо справляется с торговыми операциями: «как бы сильно вы не напали на его ересь, вы можете, следуя справедливости, защищать его как человека» (*Sidon. Ep. VI, 11*). В другом письме тому же епископу Сидоний рекомендует еще одного иудея, но уже, видимо, крещенного (*Sidon. Ep. VIII, 13*).

Таким образом, Сидоний, хоть и выражает надежду на крещение иудейского народа, но религиозные противоречия не являются препятствием для деловых контактов епископа с иудеями, которые в первую очередь являются согражданами. Сидоний проводит разграничение между человеком и его религиозными воззрениями. Такой подход со стороны епископа является скорее

исключением. Историки отмечают, что Сидоний предстает в этой истории не столько как человек Церкви, сколько как римлянин, защитник цивилизации, справедливости и мира [Quenehen: 101].

О мирных взаимоотношениях иудеев и христиан говорят также постановления церковного собора, состоявшегося в Клермоне в 535 году. Установленный канонами этого собора запрет на иудео-христианские браки и запрет иудеям выступать в качестве судей христиан (*Ne Iudei Cristeanis populis iudices praeposantur*, Conc. Arv.) отражают не только политику, направленную на ограничение контактов между иудеями и христианами в гражданской жизни, но и, повторяя, по сути, ограничения, введенные на других поместных соборах и определенные Кодексом Феодосия (CTh. 16.8.16), свидетельствуют о сохранении этих контактов. И далее мы увидим, что иудеи оказывались вовлечены не только в повседневную жизнь простых клермонцев, но и в собственно церковную политику.

Одним из основных источников, рассказывающих об иудеях Клермона, является «История франков» Григория Турского. Описывая борьбу за епископскую кафедру Клермона (родного города для Григория), автор не раз отмечает роль иудеев в этой борьбе.

Так, перечисляя недостатки не самого благочестивого епископа Каутина (551—571), который получил епископскую кафедру, обманув своего соперника Катона (Каутин тайно отправился к королю и добился своего утверждения), Григорий в заключении говорит, что тот «был любезен с иудеями и весьма предан им, но не ради спасения их души, о чем обычно должен заботиться пастырь, а ради того, чтобы они приобретали дорогие вещи, которые они продавали дороже, чем те стоили: он им делал поблажки, а они весьма перед ним угодничали» (Greg. HF IV, 12; пер. Л. Васениной). О сопернике Каутина Катоне автор отзывается тоже негативно.

Григорий Турский, указывая на тесные контакты Каутина с иудеями, обращает внимание на то, что эти отношения сопряжены с чем-то греховным. По его мнению, все контакты епископа с иудеями должны быть направлены только на то, чтобы обратить их в христианскую веру; вне этой цели любые отношения христианина с иудеями воспринимаются как нечто дурное, что можно поставить в вину.

О Евфразии, претендовавшем на епископскую кафедру после смерти Каутина, автор сообщает, что тот «скупил у евреев много ценных вещей» и отправил их королю, «чтобы таким образом добиться того, чего он не мог достичь своими заслугами» (Greg. HF IV, 35). Но епископом был избран Авит (учитель Григория), о котором епископ Тура, наоборот, отзывается исключительно положительно и называет «достойным уважения человеком» (Greg. HF IV, 35), в отличие от его предшественников и соперников.

Если оставить в стороне дидактические оценки Григория, стремившегося установить допустимые пределы взаимодействия христиан с иудеями, факт остается фактом: для достижения своих политических целей претенденты на епископскую кафедру не чурались прибегать к финансовым услугам иудеев.

Именно в период пастырского служения Авита (в 576 году) в Клермоне произошел наиболее памятный иудео-христианский конфликт, о котором известно не только благодаря «Истории франков», но и стихотворению Венанция Фортуната, составленному по просьбе его учителя Григория Турского. Оба автора рисуют схожую, в принципе, картину случившегося, но с некоторыми отличиями. Фортунат пишет, что Клермон был разделен на две враждующие группы, хотя люди и жили в одном городе, они «не исповедовали одну и ту же

веру». Сопровождая свое повествование антииудейской топикой (неверие, упрямство, слепота), автор рассказывает об ожесточенном конфликте: иудеи не прислушивались к мирным увещаниям епископа, отказывались креститься, что вызвало гнев христианской толпы, синагога была разрушена, а иудейская часть населения, все же поддавшись угрозам христиан, приняла крещение. В результате Авит добивается желаемого — его город оказывается объединен единой верой (*Venant. Fort. Carn. V, 5*).

Версия Григория Турского имеет некоторые отличия. В его «Истории» инициаторами конфликта становятся иудеи, один из которых выливает прогорклое масло на голову иудея, крещеного на Святую Пасху, это вызвало гнев христиан, но епископ в тот момент еще смог остановить свою паству. Однако через сорок дней во время шествия в честь праздника Вознесения толпа христиан разрушает синагогу, а Авит обращается с проповедью к иудеям. Хотя он отмечает, что «не принуждает силой исповедовать Сына Божьего, а только проповедует и влагает в сердца сущность учения», он все же выдвигает ультиматум иудеям: «будьте одним стадом, пастырем которого я поставлен; если же не хотите, то уходите отсюда». В результате более пятисот иудеев согласились принять крещение, остальные ушли в Марсель (*Greg. HF V, 11*). Таким образом, в рассказе Григория Турского конфликт представлен менее ожесточенным, иудеям был дан выбор, чего не упоминает в своей версии Фортунат. Но в обоих случаях авторы акцентируют внимание на том, что епископ заботился о единстве городской общины, о приумножении своей паствы.

Именно этот эпизод в истории Клермона на протяжении нескольких десятков лет вызывал дискуссию в науке. Интерпретация этого конфликта менялась вместе с развитием исторической науки.

Изначально все случаи иудео-христианских конфликтов рассматривались исследователями в рамках последовательной политики христианской церкви, направленной на обращение неверных. До начала XX века в иудаике преобладала так называемая “*lachrymose conception*”, когда иудеи выступали исключительно жертвами церковной политики, а их история цепочкой преследований и гонений. Ситуация изменилась в начале прошлого столетия, когда историки стали обращать внимание не только на конфликты, которые, действительно, периодически возникали, но и на повседневную жизнь, которая зачастую была мирной и обыденной, в связи с этим не очень интересной для авторов дошедших до нас источников. Один из главных критиков “*lachrymose conception*”, австрийский и американский историк Сало Барон, утверждал, что иудейскую историю необходимо рассматривать не как серию преследований, а скорее как процесс постоянного взаимодействия иудеев со своим окружением [Teller: 431], иудеи не являлись только беззащитными жертвами преследований [Schorsch: 377].

Подобное переосмысление истории иудеев происходило в контексте более масштабных изменений в исторической науке в течение XX века, когда менялся подход к изучению прошлого. Произошел переход от концепций «революций», «падений» и «кризиса» к «трансформации», «континуитету» и «эволюции» [Ward-Perkins: 4]. Исследователи стали обращать внимание не столько на заметные политические события, сколько на жизнь людей и их самовосприятие. Таким образом, со временем точка зрения С. Барона стала общепринятой, историки XX века перенесли акцент на мирные отношения иудеев и христиан в позднеантичном обществе.

Изменился и подход к изучению источников христианского происхождения, ученые стали обращать внимание на риторические особенности, на личность

и позицию автора, на цели, которые тот преследовал, и в итоге — на понимание той роли, которая отводилась иудеям в соответствии с целями произведения.

Подобное развитие историографической мысли отразилось и на восприятии событий, описанных в сочинении Григория Турского. Если в первой половине XX века события в Клермоне — это всего лишь очередной эпизод, который доказывает изменение в положении иудеев в эпоху Поздней Античности, когда их безопасность не гарантируется законом, а зависит от «настроения» остальной части населения [Parkes: 335], то со второй половины XX века историки начинают обращать внимание на личность самого Григория и риторические цели его произведения.

Например, Бернхард Блюменкранц рассматривал эпизоды в Клермоне с точки зрения формирования Григорием Турским образа благочестивого епископа, одной из обязанностей которого является проповедь иудеям. Именно в рамках конструирования этого образа порицается епископ Каутин, который общался с иудеями ради умножения своих богатств, и, наоборот, положительным образом епископа выступает Авит, который исполнял свой долг пастырского служения, проповедовал иудеям [Blumenkranz: 93]. Подобная интерпретация сохраняет свою актуальность до сих пор.

Хорошие отношения иудеев с некоторыми епископами, косвенное участие в борьбе между клириками, упоминаемое Григорием Турским, позволяли некоторым историкам предполагать, что иудеи имели некоторое политическое влияние в Клермоне, что поддержка того или иного епископа иудеями имела определенное значение в политической игре [Bachrach: 54—56]. Впрочем, подобное мнение не является господствующим [Keely: 112], большинство историков отмечают его необоснованность, учитывая то небольшое количество информации, которое нам предоставляет Григорий Турский.

В то же время следует отметить, что сами церковные иерархи были обеспокоены интригами и соперничеством, которыми, как правило, сопровождалось избрание нового епископа. На церковном соборе в Клермоне 535 г. в очередной раз подчеркивалось, что епископ должен избираться с учетом его заслуг и нравственных качеств, а не с помощью хитрости и «покровительства сильных мира сего» (Сопс. Ауг.).

Пожалуй, самый подробный анализ межконфессионального взаимодействия в Клермоне VI века представлен в статье австралийского историка Брайана Бренана. Он отмечает, что конфликт, произошедший в Клермоне, несколько удивителен, учитывая интегрированность и хорошие отношения между иудеями и христианами Клермона, и размышляет над тем, почему он произошел и заслужил столько внимания со стороны христианских авторов. Б. Бренан говорит о том, что не следует исключать вероятность того, что это действительно была борьба двух групп населения, тех, кто терпимо относился к иудеям, и тех, кто выступал против каких-либо дружественных контактов с ними. Из описания Григория Турского не совсем понятна динамика отношений Авита и иудеев Клермона, когда именно он начал активно им проповедовать: до того, как стал епископом (тогда иудеи поддерживали его соперника по понятным причинам), или после, и попытки обращения иудеев стали в таком случае последствием их поддержки конкурента Авита [Brennan: 325].

Особое внимание Б. Бренан уделяет временным рамкам произошедшего конфликта: действия происходили между Пасхой и Вознесением. В этот период разделение городской общины на христиан и иудеев было особенно заметно, а вид иудеев для христиан иногда был настолько «оскорбительным», что некоторые

церковные соборы запрещали их публичное появление в это время (Conc. Arv.). В подобной ситуации, по мнению Бренана, спровоцировать конфликт могло что угодно. При этом иудеи даже смогли оказать сопротивление; по версии Григория, не все из них согласились креститься, кто-то ушел в Марсель.

Причину того, что это событие заслужило столько внимания со стороны епископа Тура, Б. Бренан видит в следующем: эпизод в Клермоне наряду с другими формирует образ праведного пастыря, который должен заботиться о приумножении своей паствы, проповедовать иудеям; также с Клермоном связаны и личные интересы автора, Григорий отстаивает интересы определенного круга аристократии, не скрывает, что находится на стороне одних священнослужителей и противостоит другим, а какие-либо хорошие отношения с иудеями становятся инструментом в этой борьбе [Brennan: 323; Quenehen: 108].

Что касается поэмы Венанция Фортуната, то, по мнению Б. Бренана, она служила скорее политическим целям. Написанная в спешке по просьбе Григория Турского, она должна была укрепить авторитет Авита после произошедшего конфликта (особенно если она предназначалась для публичного чтения).

Интерпретация событий в Клермоне, предложенная Б. Бренаном, является общепринятой, хотя существуют и альтернативные точки зрения. Например, французский историк Мишель Руш писал о том, что конфликт 576 г. в некоторой степени был спровоцирован самими иудеями. Они систематически нарушали римские законы (о занятии административных должностей, о владении христианскими рабами) и постановления церковных соборов. Конфликт в Клермоне тоже начинается с нарушения закона: судя по рассказу Григория, его бывший единоведец вылил на новообращенного прогорклое масло, между тем как преследование крестившихся иудеев было законодательно запрещено (СTh. 16.8.1). М. Руш делает вывод, что иудеи чувствовали себя «безнаказанными», на что христианам приходилось реагировать (учитывая бездействие светских властей) [Rouche]. При этом христиане также нарушают закон, разрушая синагогу, но авторы (Григорий Турский и Фортунат) не осуждают это действие, а, наоборот, радуются новообращенному «единству города». Таким образом, для М. Руша важным оказывается прежде всего тот факт, что насильственное крещение произошло в связи с попустительством светских властей и одержимостью христианских священнослужителей идеей единства [Rouche].

В целом, в современной историографии господствует точка зрения, согласно которой Григорий Турский использовал образ иудеев в своем нарративе для нескольких целей: как объект дифференциации для утверждения христианской идентичности, для формирования образа праведного епископа, который заботится о приумножении и единстве своей паствы [Keely: 111], и, вероятно, для отстаивания интересов определенных знатных семей в клерикальных спорах [Wood: 37].

С целью утверждения образа епископа как доброго пастыря «для всех» в житиях часто используется и другой топос, а именно участие иудеев в похоронной процессии, оплакивание скончавшегося епископа. Например, о похоронах епископа Клермона Галла (который приходился дядей епископу Тура) в 551 году Григорий пишет: «Даже некоторые евреи шли в конце процессии, плача и держа в руках лампады. И все в один голос говорили: “Горе нам, с этого дня никогда у нас не будет такого иерарха”» (*Greg. Vita patrum. VI, 7*; пер. В.Д. Савуковой). Подобные упоминания встречаются и в других житиях [Blumenkranz: 181].

Так или иначе, присутствие иудеев в Клермоне и их отношения с христианами, по всей видимости, действительно были значительными, как и влияние сочинений Григорий Турского и Венанция Фортуната, так как это сформировало определенную риторическую традицию, которая прослеживается даже в тех житиях епископов Клермона, которые были созданы несколькими веками позднее деятельности самих священнослужителей.

Примером подобного жития служит жизнеописание первого епископа Клермона Австремония (Стремения), деятельность которого приходилась на вторую половину III века. История, связанная с иудеями, о которой говорится в житии, в других источниках не упоминается, что заставляет историков относиться к ней с осторожностью, особенно учитывая события, там описанные [Katz: 22], и время создания жития (середина VII века) [Heinzelmann: 52; Molinier: 23].

Действительно, житие Австремония содержит рассказ о совершенно неправдоподобном конфликте между иудеями и епископом Клермона, когда попытки епископа с помощью проповеди обратить иудеев в христианство закончились убийством епископа толпой иудеев во главе с отцом одного новообращенного, который тоже был убит (Vita Austr. 8—11).

Эту историю продолжает житие преемника Австремония, епископа Урбика (умер в 312 году), который с толпой христиан захватил синагогу и поставил местных иудеев перед выбором: принять либо крещение, либо смерть (Vita Urb. 2). В правдивости данного события историки также сомневаются, особенно учитывая, что в это время иудаизм был разрешенной законом религией, а христианство еще не было узаконено [Katz: 22]; указывают на сходство с историей Авита и ее возможное влияние [Parkes: 134]. Учитывая упоминания Клермона в этом контексте, не удивительно, что авторы сочли уместным поместить эти события в жития первых епископов города, тем самым указывая на долгую историю иудео-христианского противостояния и отмечая роль епископа, который исполнял свои обязанности, заботился о приумножении своей паствы.

Таким образом, за время изучения иудео-христианских взаимоотношений в позднеантичном Клермоне ученые смогли преодолеть одностороннее восприятие иудейской истории как последовательности трагедий и конфликтов, а новые подходы к анализу источников христианского происхождения позволили увидеть в них не только описание иудео-христианских конфликтов, но и имеющую большое влияние позицию автора источника, цели, которые он преследовал, и риторические традиции, которые зачастую имели мало общего с реальностью, но оставляли след в сознании современников и становились частью городской истории.

Список источников

- Concilium Arvernense, a. 535, ed. F. Maasaen, *MGH Concilia aevi Merovingici [511—695]*, Hannover, 1893, pp. 65—71 (Conc. Arv.).
- Concilium Aurelianense, a. 538, ed. F. Maasaen, *MGH Concilia aevi Merovingici [511—695]*, Hannover, 1893, pp. 72—86 (Conc. Aur.).
- De sancto Urbico episcopo Claromantano in Galli, *Acta sanctorum. April*, t. 1, Paris, 1866, pp. 251—252 (Vita Urb.).
- Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina, ed. B. Krusch, *MGH Auct. ant.* t. VIII, Berlin, 1887 (Sidon. Ep.).
- Gregorii episcopi Turonensis liber vitae partum, ed. B. Krusch, *MGH SS rer. Merov.* t. 1, pars 2, Hannover, 1969, pp. 211—294 (Greg. Vita patrum).

- Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X, ed. B. Krusch et W. Levison, *MGH SS rer. Merov.* t. 1, pars 1, Hannover, 1951, pp. 1—537 (*Greg.* HF).
- Imperatoris Theodosii Codex, URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/public.htm> (CTh) (accessed at 14.02.2024).
- Venanti Honori Clementiani Fortunati. Opera poetica, rec. F. Leo, *MGH Auct. ant.* t. IV, pars 1, Berlin, 1881 (Venant. Fort. Carm.).
- Vita Caesarii episcopi Arelatensis, ed. B. Krusch, *MGH SS rer. Merov.* t. 3, Hannover, 1896, pp. 457—501 (Vita Caes.).
- Vita prima sancti Austremonii, *Acta sanctorum. Novembris*, t. I, Paris, 1887, pp. 49—54 (Vita Austr.).

Список литературы / References

- Bachrach B.S. Early Medieval Jewish Policy in Western Europe, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977, 213 p.
- Blumenkranz B. Juifs et chrétiens dans le monde occidental, 430—1096, Paris: Mouton, 1960, 440 p.
- Brennan B. The conversion of the Jews of Clermont in AD 576, *The journal of theological studies*, 1985, vol. 36, pp. 321—327.
- Heinzelmann, M. L'hagiographie mérovingienne: panorama des documents potentiels, *L'hagiographie mérovingienne à travers ses réécritures*, ed. by M. Gouillet, M. Heinzelmann, C. Veyrard-Cosme. Beihefte der Francia 71, Ostfildern, 2010, pp. 27—103.
- Katz S. The Jews in the Visigothic and Frankish kingdoms of Spain and Gaul. The Mediaeval Academy of America, Cambridge, Massachusetts, 1937, 190 p.
- Keely A. Arians and Jews in the Histories of Gregory of Tours, *Journal of Medieval History*, vol. 23, no. 2, 1997, pp. 103—115.
- Molinier A. Les sources de l'histoire de France, vol. 1, Paris, 1901, 288 p.
- Parkes J. The conflict of the church and the synagogue: A study in the origins of antisemitism. Cleveland and New York. The Jewish publication society of America, Philadelphia, 1961, 434 p.
- Quenehen M. Les Juifs de l'évêque. De l'usage des Juifs dans l'œuvre de Grégoire de Tours, *Archives Juives*, 2010, vol. 1 (43), pp. 96—113.
- Rouche M. Les baptêmes forcés de Juifs en Gaule mérovingienne et dans l'Empire d'Orient, *Le choc des cultures. Romanité, Germanité, Chrétienté durant le Haut Moyen Âge*, Lille: Presses universitaires du Septentrion, 2003, pp. 223—242.
- Schorsch I. The Lachrymose Conception of Jewish History, *From Text to Context: The Turn to History in Modern Judaism*, Hanover, London: Brandeis University Press, 1994, pp. 376—388.
- Teller A. Revisiting Baron's «Lachrymose Conception»: The Meanings of Violence in Jewish History, *AJS Review*, 2014, vol. 38, pp. 431—439.
- Ward-Perkins B. The Fall of Rome and the end of Civilization, Oxford: Oxford University Press, 2005, 239 p.
- Wood I. The Ecclesiastical Politics of Merovingian Clermont, *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society*, ed. by P. Wormald, Oxford, 1983, pp. 34—57.

JUDEO-CHRISTIAN RELATIONS IN THE LATE ANTIQUE CLERMONT IN THE REFLECTION OF FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Valentina Ev. Tsivileva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, valentinatsivileva@mail.ru

Abstract. The article analyzes Judeo-Christian relations in the late Antique Clermont and their reflection in foreign historiography. The life of the late Antique Clermont, including the interaction of Jews and Christians, is relatively well documented, which is why historians are particularly interested in this topic. Historians pay special attention to the most memorable event in the context of Judeo-Christian relations in Clermont – the conflict of 576, which is described by Gregory of Tours in «The History of the Franks» and Fenantius Fortunatus in one of his poems. The interpretation of this event, as well as of Judeo-Christian relations in general, has undergone a number of changes during the study. Historians moved away from the one-sided perception of the history of the Jews as a chain of tragedies, drew attention to peaceful interaction, the position of the authors of the sources, the rhetorical goals they pursued, and, in general, the bias of sources of Christian origin towards Jews.

Keywords: historiography, Clermont, hagiography, Judeo-Christian relations

For citation: Tsivileva V.E. Judeo-Christian relations in the Late Antique Clermont in the reflection of foreign historiography, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 96—104.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Цивилева Валентина Евгеньевна — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, valentinatsivileva@mail.ru

Tsivileva Valentina Evgenevna — post-graduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, valentinatsivileva@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 105—115.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 105—115.

Научная статья

УДК 94(44).02

DOI: 10.46726/И.2024.3.13

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АЛЬБИ В XIII—XV ВЕКАХ

Лев Олегович Раевский

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, lewaraewski2015@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению городского пространства позднесредневекового Альби в топографическом, архитектурном, политическом, экономическом и символическом измерениях. Предпринимается попытка рассмотрения городского пространства с позиций исторической психологии. На сегодняшний день данный подход, предполагающий изучение психологических феноменов применительно к городу и пространству, является одним из наиболее актуальных направлений современной исторической урбанистики. В особенности в этом отношении можно отметить увеличение интереса среди исследователей к средневековой истории. Таким образом, выбранная методология определяет научную новизну исследования. Целью работы является установление связи между физическим и символическим пространством, между горожанами и местом их обитания, а также изучение взаимовлияния пространства и социальной психологии. Устанавливается круг исторических источников, который включает в себя архитектурные, письменные, сфрагистические, геральдические и картографические типы, представленные как опубликованными, так и неопубликованными архивными материалами, а также сохранившимися объектами монументальной архитектуры Позднего Средневековья, расположенными на территории города. Определяются возможности для изучения идентичности горожан в их связи с пространством на уровне индивида, института, квартала и городского сообщества как единого целого.

Ключевые слова: Альби, средние века, пространство, город, историческая урбанистика, идентичность

Для цитирования: Раевский Л.О. Городское пространство Альби в XIII—XV веках // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 105—115.

В настоящее время историки, и в том числе медиевисты, все чаще обращаются к проблеме городского пространства [Уваров; Лазарев; The Power of Space...]. Интерес к этому феномену обусловлен, прежде всего, пространственным поворотом, переживаемым в последние десятилетия социальными науками. Одной из основополагающих работ в данном направлении является книга А. Лефевра «Производство пространства» [Лефевр], обосновывающая тезис о взаимосвязи физического пространства с миром идей, ощущений, социальных практик. А это, в свою очередь, ставит перед исследователями вопросы, связанные с восприятием пространства и пространственной идентификацией. Таким образом, изучение пространства средневекового города невозможно без исследования взаимосвязи между его физической и символической составляющими.

© Раевский Л.О., 2024

Развивая положение о взаимосвязи пространства и социальной психологии, А.Л. Ястребицкая пишет о том, что городское пространство — это «одновременно проблема политическая и социально-психологическая, важный фактор, конструирующий городское самосознание» [Ястребицкая: 244]. Исходя из этого утверждения, для того, чтобы ответить на вопрос о том, что представляло собой городское пространство Альби в XIII—XV вв., необходимо определить принципы формирования городской топографии, установить ее соотношенность с социальной и властной структурой города, рассмотреть то, каким образом в пространстве отразилась идентичность горожан.

История Альби уходит своими корнями в эпоху Поздней Античности. Название города в форме *civitas Albigensium* впервые упоминается в 406 г. н. э. в *Notitia Galliarum*. Около 405 г. в Альби упоминался первый епископ Диоген. Григорий Турский обозначал Альби термином *urbs*, окруженная каменными стенами крепость, трижды в «Истории франков» и дважды в сочинении «О славе мучеников». В письме 655 г. епископ Констанс использовал слово *civitacula* — городок, небольшой город [Biget 1983: 31—38].

В произведении конца VIII — начала IX в. «Жизнь Сен-Дидье, епископа Каорского» по отношению к Альби применялось определение *oppidum*, укрепленное валом и ровом место, подчеркивая наличие в нем крепостных стен [La vie de Saint Didier: 23, 34].

В текстах XI в. описывался *bourg*, опять же укрепленное место, рядом со старым *cit  *. К 1180 г. обе части были окружены новой городской стеной [Biget 1983: 47, 53].

В целом сведения о жизни ранне-средневекового Альби отрывочны и немногочисленны и не дают целостного и подробного представления о социальной и пространственной структуре города. Однако, начиная с XIII в., увеличение объемов документооборота позволяет изучение городского пространства в деталях. Основными источниками здесь могут служить грамоты, описи имущества, консульские счета, постановления городского совета и процессуальная документация [Jolibois 1869].

Так, известно, что в Позднее Средневековье Альби был разделен на 6 кварталов, называемых на окситанском языке *gaches*: Сент-Мартиан, Сент-Аффрик, Сент-Этьен, Комб, Вердюз и Виган. Также после появления моста через реку Тарн в XI в. на ее правом берегу начало формироваться предместье Кап дель Пон, представлявшее собой отдельный район города, административно относившееся к *gach* Комб и Сент-Аффрик [Biblioth  que nationale de France...].

Каждый квартал включал в себя главную улицу, которая обычно и давала ему название, и маленькие улочки, которые присоединялись к главной [Defolie: 20]. При этом ввиду тесноты улиц для Альби, как и для многих других средневековых городов, была актуальна проблема загрязнения [Leguay: 52].

Рис. 1. Альби в Средние века (Biget J.-L. Histoire d'Albi, Toulouse, 1983)

Кроме этого, каждый квартал имел собственную систему фортификации и был отделен стенами от соседних. По сути, каждый из кварталов представлял собой отдельную коммуну [Douze comptes... vol. 2: I—II]. Подобное деление было типично для средневековых европейских городов и было засвидетельствовано еще у древнейших городов Месопотамии и Мезоамерики, где каждый квартал представлял собой соседскую общину [Гуляев: 67].

Все кварталы Альби, находившиеся по левому берегу реки Тарн, относились к сенешальству Каркассона, однако предместье Кап дель Пон подпадало под юрисдикцию сенешальства Тулузы, так как река являлась границей между двумя сенешальствами [Biget 2018: 31]. Это рождало множество споров между властями.

Кварталы, в свою очередь, делились на еще более мелкие части, называемые кюн (cunhs) и состоящие из нескольких домов [Jolibois 1869: 92]. Таким образом, принадлежность к кварталу и отдельному его элементу являлась одной из составляющих социальной идентичности горожанина.

Выражением же идентичности города как единого целого являлась монументальная архитектура.

Одним из наиболее значимых зданий в Альби был собор св. Цецилии. Он строился с 1382 по 1480 гг. [Biget 1983: 138; Crozes: 44] и располагался в историческом центре города, на месте античного сита. Строительство готического собора, внешне напоминавшего собой крепость, являлось одновременно символом победы католичества над катарской ересью и символом могущества епископа, являвшегося сеньором города [Орлов: 152]. Кроме этого, собор демонстрировал единство жителей города в качестве приверженцев католической церкви.

Рис. 2. Собор св. Цецилии, современный вид (фото автора — Л.Р.)

Рис. 3. Дворец Берби, внутренний двор, современный вид (фото автора — Л.Р.)

Несокрушимость епископской власти демонстрировал также дворец Берби, построенный во второй половине XIII в. и являвшийся епископской резиденцией [Biget: 154]. Он примыкал к собору св. Цецилии с северной стороны и являлся частью системы городской фортификации. Отвесные стены епископского замка достигали 7 метров в высоту и спускались к берегу реки, надежно защищая город с северо-запада.

Особое значение для города имел и Старый мост, связывавший два противоположных берега реки Тарн. Он был заложен еще около 1040 г., но до наших дней дошли лишь те части его конструкции, которые были построены между 1220 и 1240 гг. Исходя из того, что налоги за пересечение моста в XIII в. были установлены только для животных и людей, можно утверждать, что в это время мост был

недоступен для повозок. С началом Столетней войны на противоположных концах моста были установлены подъемные деревянные мосты для того, чтобы обезопасить город [Biget 1983: 130—131]. Также известно о том, что начиная с XIV в. на мосту располагались жилые дома [Boyer: 26].

Мост являлся стратегически важной артерией, контроль над ним давал возможность осуществлять маневры и вести боевые действия на обширной территории Лангедока. По этой причине в источниках часто встречаются упоминания о военных отрядах, которые скапливались у стен города с целью пересечь мост [Douze comptes... 1: 57, 326, 336].

Рис. 4. Панорама Альби, на переднем плане Старый мост, современный вид (фото автора — Л.Р.)

Собор св. Цецилии, коллегиальная церковь Сент-Сальви, епископский дворец Берби и Старый мост вместе сформировали ансамбль под названием Епископский город, включенный в 2010 г. в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Le cité épiscopale...].

При этом отличительной чертой как монументальной архитектуры Альби, так и жилой городской застройки являлось использование красного кирпича, что придавало городскому пространству характерную цветовую гамму. Кирпич начал активно применяться в строительстве с XII в. и не сразу вытеснил камень из употребления, поэтому в городе имеется ряд сооружений, включая собор, строительство которых было начато в камне, а завершено в кирпиче. Одной из причин перехода на новый строительный материал могла послужить недолговечность использовавшегося в регионе песчаника [Congrès archéologique...: 407].

Наравне с монументальными объектами первостепенное значение для города имела и система фортификации. Она состояла из стен, башен, ворот и рвов и должна была надежно защищать город от нападений. Ширина рвов достигала 5 м, а на отдельных участках даже 8 м. Высота стен была около 3 м. До сегодняшнего дня фортификация не сохранилась, начиная с 1760 г. она была постепенно разобрана [Douze comptes... 2: II—IV].

Порой частью стен могли становиться даже отдельные дома. Таким образом, например, был перестроен дом Борд [Douze comptes... 2: 4; 1: 25—34]. В источниках подробно описываются этапы его реконструкции.

В целом же постройка и реконструкция городской стены зачастую занимала очень продолжительное время — годы, а порой и десятилетия. Основную проблему при этом представляло отсутствие необходимых финансовых средств [Ferrand: 142]. Поэтому городские стены Средневековья, как правило, состояли из крайне неоднородных элементов и зачастую различные участки стен строились из разных материалов, например, камня или кирпича [Butaud: 236—239]. Вполне вероятно, что это было характерно и для стен Альби.

Во всяком случае, источники позволяют судить о том, что на протяжении Столетней войны вопрос о восстановлении и ремонте городских укреплений поднимался неоднократно [Archives départementales... CC 14: fo1—2 r; CC 14: fo1—2 r; CC 437: fo1 r]. А порой для безопасности даже замуровывалась часть городских ворот. Так, в 1360 г., в связи с активностью англо-гасконских вооруженных отрядов в регионе, были замурованы ворота Требаль, Вердюс и Роанель — 3 из 6 ворот города [Douze comptes... 1: 15].

Наравне с этим городское пространство было связано со структурами власти и предоставляло собой возможность для их выражения и утверждения, о чем уже упоминалось в связи с собором св. Цецилии.

В первой трети XIII в. в городе сложилась политическая система, которая впоследствии функционировала на протяжении всего Позднего Средневековья. В результате Альбигойских войн графы из дома Тренкавель, правившие Альби начиная со второй половины XI в., потеряли свою власть, и после непродолжительного нахождения под властью дома де Монфорт (1209—1223 гг.) Альби вошел в состав королевского домена. При этом епископ сохранил свой статус сеньора. В этот же период в Альби возникло городское самоуправление, представленное консулатом и городским советом, упоминания о которых мы находим в грамотах 1220 и 1269 гг. [Études historiques: 144—149, 158—163]. Таким образом, в городе сформировалась политическая система, состоявшая из трех ветвей — королевской, сеньориальной и коммунальной.

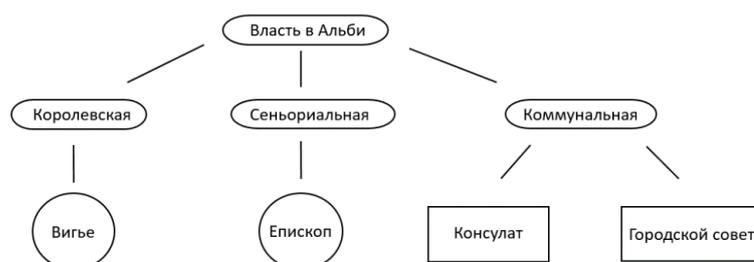

Рис. 5. Схема институтов власти в Альби XIII—XV веков

Королевская власть в Альби была представлена вигье, находившемся в подчинении у сенешаля Каркассона, который в свою очередь подчинялся лейтенанту короля в Лангедоке, а уже он непосредственно самому королю. В ведении вигье находилось, главным образом, осуществление судебной власти.

При этом первоначально у него не было собственного помещения, предназначенного для суда, поэтому один или два раза в год он проводил заседание

перед коллегиальной церковью Сент-Сальви. Но около 1270 г. рядом с центральной площадью города все же появился королевский суд. В состав суда входили судья, нотариусы и дюжина сержантов. Около 1289 г. возле суда появилась тюрьма, против чего протестовал прокурор епископа, апеллируя к тому, что право иметь тюрьму в городе являлось прерогативой сеньора-епископа, а не короля [Biget 2014: § 16].

Епископ, в свою очередь, утверждал все кандидатуры городских чиновников, назначаемых консулами, утверждал постановления, принимаемые городским советом, договоры, заключенные городом, занимался вопросами организации городской торговли [Defolie: 70].

С 1270 г. упоминается светский суд епископа *curia temporalis*, возглавляемый епископским бальи. Его помощниками выступали лейтенант, судья, нотариус и полдюжины сержантов. Суд располагался в здании, которое находилось к югу от епископского дворца Берби, в 50 м от королевского суда. Рядом с одной из башен епископского дворца располагалась подземная тюрьма [Biget 2014: § 3—12].

Что касается коммунальных органов власти, то они были выборными. Ежегодно все граждане Альби старше 14 лет избирали по 2 консула и по 2 советника от каждого из 6 кварталов города. Выборы проходили в соборе св. Цецилии, коллегиальной церкви Сент-Сальви, либо на центральной площади [Les délibérations... 46: 36].

Консулы занимались сбором налогов, поддержанием общественного порядка в городе, вопросами обороны города, включая организацию сторожевой службы. С консульской властью были связаны такие объекты в городе, как городская ратуша и городские стены.

В экономическом плане Альби представлял собой ремесленный центр, однако, как и во многих других городах Средневековья, наравне с этим в Альби обнаруживались черты сельского быта, что являлось своего рода нормой для изучаемого периода. Даже в таком городе, как Париж, еще в XIII в. можно было встретить черты деревенской жизни, причем в самом центре, о чем свидетельствовали названия парижских улиц, таких, как *rue aux Fèves* («бобовая»), рынка *Champreaut* («в поле»), монастыря *St. Germain des Près* («св. Германа в Лугах») [Анциферов: 152, 156].

Также достаточно тесной была связь Альби с его округой, составлявшей внешнее пространство города, в противоположность пространству внутреннему, расположенному внутри городских стен [Ястребицкая: 247]. Достаточно отметить то, что одними из важнейших товаров, экспортируемых городом, были красильная вайда и шафран [Biget 1983: 100], выращиваемые на территориях вокруг Альби. Также в источниках встречаются упоминания о выращивании пшеницы, ржи, ячменя, овса, разведении свиней.

Рис. 6. Карта сеньорий Альби и Пуигузон, ок. 1314 г., пергамент, 71x86 см (Archives départementales de Tarn, 4 EDT II 5, fo 1 ro)

Особый интерес в этом отношении представляет карта сеньорий Альби и Пьюгузон, составленная около 1314 г. по случаю спора о границах между епископом Альби и сеньором Пьюгузон [Archives départementales... II 5: fo 1 ro]. Карта является старейшим известным изображением города Альби и его окрестностей [Trouche-Marty: 27].

Помимо сельской местности издревле с западной стороны к Альби примыкало поселение Кафельвьель, которое, таким образом, долгое время являлось одним из кварталов города. Однако с 1229 г. Кафельвьель стал относиться к сеньории Кастра и потому представлять отдельную от Альби коммуну [Biget 1983: 92, 94]. С 1793 г. Кафельвьель является частью города Альби [Douze comptes... 1: 22].

Городское пространство Альби нашло свое отражение и в городской символике. На аверсах двух дошедших до нас печатей города XIII — начала XIV в. изображена зубчатая каменная стена с двумя закрытыми воротами. Над стеной возвышается епископский посох, слева от него изображен полумесяц, обращенный влево, справа солнце. На реверсах изображен идущий леопард. Печати сопровождаются следующими легендами: на аверсе первой «[SI]GILLU[M] COMUNI[TATIS A]LBIE», на реверсе «SIGIL[LUM C]OMUNITA[TIS] ALBIE.»; на аверсе второй «[...CIVIT]ATIS. AL[B]IENSIS», на реверсе «[...]ILL[UM...]

Рис. 7. Печать города XIII в., диаметр 72 мм (Corpus des sceaux français du Moyen Âge, Éd. par B. Bedos, P., 1980, t. 1. Les sceaux des villes, pp. 43)

Рис. 8. Печать города 1303 г., диаметр 65 мм (Corpus des sceaux français du Moyen Âge, Éd. par B. Bedos, P., 1980, t. 1. Les sceaux des villes, pp. 44)

Зубчатая стена и посох указывали на военную власть консулов, подчинившихся епископу, леопард являлся символом силы. В конце XIII в. во время правления Бернара де Кастане идущий лев помещался над зубчатой стеной, так как в это время вместо вислой печати город начал использовать восковую печать, у которой не было оборотной стороны [Jolibois 1863: 8—9].

С несколькими изменениями герб города сохранялся и в последующее время. На первой странице картулярия 1536 г. представлен герб в красном поле в виде башни с зубцами и воротами, на которой стоит лев, слева и справа от него находятся солнце и полумесяц, над гербом возвышается епископский посох [Archives départementales... AA 5: fo 1 ro]. Во Всеобщем гербовнике Франции, составленном в конце XVII — начале XVIII в. Ш. д'Озье, приводится похожий герб города в красном поле без епископского посоха, солнце оказывается в верхней левой части герба, в верхней правой появляется луна, стена превращается в серебряную каменную башню с одними закрытыми воротами и двумя окнами, слева и справа к ней примыкают две башенки меньшего размера с одними воротами, двумя окнами и флажками на крыше. Идущий лев находится над башней [Armorial général...: 305].

Рис. 9. Герб Альби, помещенный на первой странице картулярия 1536 г. (Archives départementales de Tarn, 4 EDT, AA 5, fo 1 ro)

Подобная иконография печати и герба в виде зубчатой стены с воротами относится к топографическому типу и является достаточно распространенной среди городов средневековой Франции. Она встречается также у таких городов, как например, Вильмер, Эмбрен, Саверден [Roman: 133]. На печатях соседних с Альби городов Лангедока также можно увидеть оборонительные сооружения — стены, башни, ворота. Это относится к таким городам, как Капельсарраэн, Капельнодари, Кастр [Ibid: 327].

Проведенное исследование демонстрирует многогранность пространства средневекового города — это одновременно пространство физическое и символическое, политическое и экономическое. Его изучение позволяет понять закономерности социального развития города, механизмы саморепрезентации и самоидентификации горожан. В этом отношении позднесредневековый Альби представляется весьма перспективным для изучения. Наличие письменных, сфрагистических, геральдических, картографических источников, а также существование сохранившегося исторического центра города с памятниками архитектуры эпохи Средневековья позволяет изучить жизнь Альби XIII—XV веков в мельчайших деталях, в том числе затрагиваемого вопроса об идентичности горожан на уровне отдельных индивидов, институтов, кварталов и города в целом.

Список источников

- Archives départementales de Tarn. 4 EDT, AA 5, fo 1 ro; CC 5, fo 1 ro; CC 14, fo 1—2 ro; CC 437, fo 1 ro; II 5, fo 1 ro.
- Armorial Général de France. Dressé en vertu de l'Édit Royal du 20 Novembre 1696 par C. d'Hozier, éd. par M. de la Roche-Lambert-Mions, P., 1903, t. 1, 530 p.
- Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Provinces françaises. Languedoc Doat 108. Recueil de documents concernant Albi (924—1618), t. 4, 1290—1312, Fo 48 vo — Fo 49 ro.
- Corpus des sceaux français du Moyen Âge, éd. par B. Bedos, P., 1980, t. 1. Les sceaux des villes, 548 p.

Список литературы / References

- Анциферов Н.П. Черты сельского быта во французском городе // Средневековый быт. Сборник статей / под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. Л., 1925. С. 148—160.
(Anciferov N.P. Features of rural life in a French city, Medieval life. Collection of articles, Ed. by O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaja, Leningrad, 1925, pp. 148—160. — In Russ.)
- Гуляев В.И. Древнейший город Месопотамии и Мезоамерики: общее и особенное // Город как социокультурное явление исторического процесса / под ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 66—70.
(Guljaev V.I. The ancient city of Mesopotamia and Mesoamerica: common and special, The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process, Ed. by E.V. Saiko, Moscow, 1995, pp. 66—70. — In Russ.)
- Лазарев А.В. Городское пространство Парижа XV — первой половины XVII в. глазами современников: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2011. 282 с.
(Lazarev A.V. The urban space of Paris in the XV — first half of the XVII centuries through the eyes of contemporaries: diss. ... candidate of sciences (History), Moscow, 2011, 282 p. — In Russ.)
- Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
(Levefr A. Space production, transl. from French by I. Staf, Moscow, 2015, 432 p. — In Russ.)
- Уваров П.Ю. Эмблематика и топография городского пространства (Париж XVI века) // Signum. 2005. № 3. С. 121—134.
(Uvarov P.J. Emblematics and topography of urban space (16th century Paris), Signum, 2005, no. 3, pp. 121—134. — In Russ.)
- Орлов И.И. Собор Сен-Сесиль в Альби (chateau fort) — иконография несокрушимой крепости веры // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. 2009. № 2. С. 151—162.
(Orlov I.I. The Cathedral of Saint-Cecile in Albi (chateau fort) — iconography of the indestructible fortress of faith, Decorative art and the subject-spatial environment, Vestnik MGHPU, 2009, no. 2, pp. 151—162. — In Russ.)
- Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: Интерпракс, 1995. 416 с.
(Jastrebitskaja A.L. Medieval Culture and the City in the New Historical Science, Moscow, 1995, 416 p. — In Russ.)
- Biget J.-L. Histoire d'Albi, Toulouse, 1983.
- Biget J.-L. La justice temporelle des évêques d'Albi aux XIIIe et XIVe siècles, La justice dans les cités épiscopales. Du Moyen Âge à la fin de l'Ancien Régime, éd. par B. Fourniel. Toulouse, 2014, pp. 101—126.
- Biget J.-L. Le «Bout-du-Pont» d'Albi au Moyen Âge. Conférence le 23 novembre 2018 aux Archives départementales du Tarn, Albi, 2018, 39 p.
- Boyer M.N. Rebuilding the Bridge at Albi, 1408—1410, Technology and Culture, 1966, vol. 7, no. 1, pp. 24—37.
- Butaud G. Le coût de la guerre et de la défense dans les villes au bas Moyen Âge: l'exemple de la France du Midi et de l'Italie, La fiscalité des villes au Moyen Âge (Occident méditerranéen). 3: La redistribution de l'impôt, éd. par D. Menjot et M. Sánchez Martínez, Toulouse, 2002, pp. 235—265.
- Congrès archéologique de France. XXXe session. Séances générales tenus à Rodez, à Albi et au Mans, en 1863, éd. par la société française d'archéologie pour la conservation des monuments historiques, P.; Caen, 1864, 616 p.

- Crozes H. Monographie de la cathédrale de Sainte-Cécile d'Albi, P., Toulouse, Albi, 1873, 364 p.
- Defolie E. Albi au Bas Moyen Âge: d'après le registre des délibérations municipales de 1372 à 1382. Mémoire de maîtrise sous la dir. de B. Cursente, Université Toulouse-Le Mirail, 1999, 177 p.
- Douze comptes consulaires d'Albi du XIVe siècle, éd. par A. Vidal, Albi, 1906—1911, 2, vol. 268, 295 p.
- Études historiques et documents inédits sur l'Albigeois, le Castrais et l'ancien diocèse de Lavaur, éd. par C. Compayré, Albi, 1841, 571 p.
- Ferrand G. Les murs, le guet et la communauté: la construction d'un système défensif, *Archéologie du Midi médiéval*, 2007, t. 25, pp. 141—145.
- Jolibois É. Le livre des consuls de la ville d'Albi. Mémoire lu, le 15 janvier 1863, au Congrès archéologique de France, réuni dans la ville d'Albi, Albi, 1863, 20 p.
- Jolibois É. Commune d'Albi (878—[1896]). 4 EDT (1297 articles). Répertoire méthodique détaillé, Albi, 1869, 427 p.
- La vie de Saint Didier, évêque de Cahors (630—655), éd. par R. Poupardin, P., 1900, 64 p.
- Leguay J.-P. La rue: élément du paysage urbain et cadre de vie dans les villes du Royaume de France et des grands fiefs aux XIVe et XVe siècle, *Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 11e congrès. Le paysage urbain au Moyen-Âge*, Lyon, 1980, pp. 33—60.
- Le cité épiscopale d'Albi. Mairie d'Albi. URL: <https://www.mairie-albi.fr/fr/la-cite-episcopale-dalbi> (accessed: 26.02.2024).
- Les délibérations du conseil municipal d'Albi de 1372 à 1388, Éd. par A. Vidal, *Revue des langues romanes*, Montpellier, 1903, t. 46, pp. 33—73; 1904, t. 47, pp. 75—95, 348—373, 535—564; 1905, t. 48, pp. 240—279, 420—470.
- Roman J. Manuel de sigillographie française, P., 1912, 401 p.
- The Power of Space in Late Medieval and Early Modern Europe. The Cities of Italy, Northern France and the Low Countries, Ed. by M. Boone, M. Howell, Turnhout, 2013, 215 p.
- Troche-Marty C. Territorialisation, spacialité et constructuon au XIVe siècle: la carta pentha et ve-huta des seigneuries d'Albi et de Puygouzon (vers 1314), *Revue du Tam*, 2019, pp. 27—43.

THE URBAN SPACE OF ALBI IN THE XIII—XV CENTURIES

Lev O. Raevskii

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, lewaraewski2015@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the urban space of the late medieval Albi in topographic, architectural, political, economic and symbolic dimensions. An attempt is made to consider urban space from the standpoint of historical psychology. To date, this approach, which involves the study of psychological phenomena in relation to the city and space, is one of the most relevant areas of modern historical urbanism. In particular, in this regard, we can note an increase in interest among researchers in medieval history. Thus, the chosen methodology determines the scientific novelty of the research. The aim of the work is to establish a connection between physical and symbolic space, between citizens and their place of residence, as well as to study the mutual influence of space and social psychology. The circle of historical sources is established, which includes architectural, written, sphragistic, heraldic and cartographic types represented by both published and unpublished archival materials, as well as preserved objects of monumental architecture of the Late Middle Ages

located on the territory of the city. The possibilities for studying the identity of citizens in their connection with space at the level of an individual, an institution, a quarter and an urban community as a whole are determined.

Keywords: Albi, Middle Ages, space, city, historical urbanism, identity

For citation: Raevskii L.O. The urban space of Albi in the XIII—XV centuries, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 105—115.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Раевский Лев Олегович — аспирант, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, lewaraewski2015@mail.ru

Raevskii Lev Olegovich — postgraduate student, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, lewaraewski2015@mail

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 116—126.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 116—126.

Научная статья

УДК 94(100)"1939/1945"

DOI: 10.46726/И.2024.3.14

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Ф. РУЗВЕЛЬТА И У. ЧЕРЧИЛЛЯ НА СТРАТЕГИЮ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ (ДЕКАБРЬ 1943 — АПРЕЛЬ 1945): В ПОИСКАХ ВЗАИМНЫХ КОМПРОМИССОВ

Сергей Александрович Потапов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)

Российского государственного профессионально-педагогического университета,

г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция стратегических взглядов президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля в декабре 1943 — апреле 1945 гг., т. е. от последствий Тегеранской конференции «большой тройки» до смерти американского президента и завершения войны с Германией. Особое внимание уделяется анализу роли западных лидеров в эволюции отношений с СССР и влияния проблем выработки основ послевоенного мироустройства на решение военных вопросов. На основе проанализированного материала отмечается, что их взгляды имели важное, часто определяющее значение в формировании национальных и коалиционной стратегий на завершающем этапе войны. Идеи и решения британского лидера и к концу войны базировались на традиционной британской имперской стратегии и концепции «баланса сил»; с этих же позиций он оценивал действия Сталина как политику резко усилившейся великой державы, желающей активно участвовать в послевоенном «разделе мира». Стратегическое мышление президента базировалось на стремлении к созданию глобальной американоцентристской политико-экономической системы; оно опиралось на адекватные оценки соотношения потенциалов великих держав и понимание необходимости для реализации его планов сохранения «политики партнерства» с Москвой, в том числе на послевоенный период. Эти взгляды Рузвельта стали определяющими для эволюции военно-политической коалиционной стратегии и отношений западных держав и СССР на завершающем этапе войны с Германией.

Ключевые слова: Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, Великобритания, США, Черчилль, Рузвельт

Для цитирования: Потапов С.А. Эволюция взглядов Ф. Рузвельта и У. Черчилля на стратегию ведения войны (декабрь 1943 — апрель 1945): в поисках взаимных компромиссов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 116—126.

После сражений 1943 г., ознаменовавших коренной перелом во Второй мировой войне в пользу антигитлеровской коалиции, и Тегеранской конференции, которая подтвердила способность руководителей трех великих держав преодолеть серьезные разногласия при решении важнейших вопросов, для президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля в их «большой стратегии» на первый план выходят факторы, прямо или косвенно связанные с их видением послевоенного мироустройства.

В своей статье мы попытаемся проанализировать, как политико-стратегические вопросы стали всё чаще влиять на планы операций, что неоднократно заставляло обоих западных лидеров напрямую вмешиваться в решения военного командования. При этом подчеркнём, что в данный период войны и для президента, и для премьер-министра ещё более очевидной становилась необходимость соглашений с Москвой по всему спектру стратегических вопросов ведения войны и выработки принципов послевоенного мироустройства. Понимание основ и факторов эволюции стратегического мышления Ф. Рузвельта и У. Черчилля необходимо для анализа процесса формирования национальных и коалиционной военно-политических стратегий ведения Второй мировой войны, в том числе развития отношений западных держав с их советским союзником.

Для премьер-министра фактор наступавших в направлении Европы советских войск после Тегерана стал определяющим для его стратегических взглядов на дальнейшие действия англо-американских сил. 22 февраля 1944 г., выступая в парламенте, Черчилль заявил об «абсолютном единстве» союзников [Манчестер, Рейд: 863]. Однако одновременно он делал все возможное, чтобы убедить американское руководство придерживаться новой «периферийной стратегии», которая теперь в качестве приоритета отстаивала необходимость высадки союзных сил в Триесте и Истрии и дальнейшего наступления на Вену и Балканы с очевидной целью остановки распространения советского влияния. Премьер-министр после войны пытался доказать, что американцы его «неправильно поняли», проявили в очередной раз свою «косность» и беспричинную подозрительность, поскольку в его планах не было масштабной «балканской кампании». Но это противоречит его же претенциозным рассуждениям зимы—весны 1944 г. [Churchill: 62—66; Секретная переписка: 616—617].

Эти идеи привели к тому, что с декабря 1943 г. по инициативе премьер-министра начался новый этап англо-американских разногласий, в которых Черчилль пытался доказать невозможность уже согласованного одновременного проведения операций «Оверлорд» (решающая высадка в Нормандии) и «Энвил» (десант в Южной Франции с целью флангового удара по немцам и вывода значительной части союзных войск из Средиземноморья), а затем — ещё более настойчиво — операции «Энвил» и продолжения наступления на Апеннинах; эти споры, крайне раздражавшие американцев, закончились только после высадки в Южной Франции в августе 1944 г. Эта долгая дискуссия важна не только сама по себе, она как «стратегический барометр» отражала развитие англо-американской стратегии войны против Германии до конца лета 1944 г. под влиянием успешного наступления советских войск и развития ситуации на других театрах военных действий.

До конца марта Рузвельт соглашался на отсрочку проведения высадки на юге Франции из-за понятного стремления увеличить силы для решающей операции — форсирования Ла-Манша. Но для премьер-министра главным приоритетом было не это, а недопущение замедления и тем более остановки операций на Апеннинах; переброска значительных сил из Италии во Францию, как справедливо считал Черчилль, практически исключала возможность развития наступления через «люблянский проход» на Балканы [Эрман: 236—263]. Поэтому он всеми возможными способами подчеркивал необходимость продолжения активных наступательных действий на Апеннинах, связывая их в том числе с необходимостью «большой гибкости» союзной стратегии для обеспечения условий успеха «Оверлорда» [Мэтлофф: 475—478]. Неожиданные неудачи в Италии, где немцы смогли эффективно сдерживать силы союзников

до лета 1944 г., конечно, его очень огорчали, но одновременно они вынудили Вашингтон отложить «Энвил» до августа.

Однако просто отсрочка не устраивала премьер-министра; он стремился заменить её различными «альтернативными вариантами» операций «для помощи Эйзенхауэру», которые предлагал с большой настойчивостью: втягивание в войну Турции; наступление из Италии во Францию вдоль моря; высадка в районе Бордо; крупномасштабный десант в районе Триеста и дальнейшее наступление на Балканы (явный приоритет для самого Черчилля) [Эрман: 269—284]. В результате ни одна из них не заинтересовала американцев, прекрасно понимавших, куда «дует ветер», и решительно отказавшихся от нового «балканского варианта» старой «периферийной стратегии» [Мэтлофф: 485—486].

Окончательно похоронили британские «средиземноморские варианты» проблемы с развитием первоначального успеха операции «Оверлорд» в июне—июле 1944 г.: Эйзенхауэр стал требовать масштабной высадки на юге Франции как можно раньше. Попытки британского командования возражать вызвали резкий ответ американского командования: «ваши доводы в пользу военных действий в Италии несостоятельны и не соответствуют задаче скорейшего окончания войны» [Эрман: 358]. Это заставило Черчилля обратиться напрямую к Рузвельту, указывая на недопустимость тона этого послания и призывая в очередной раз «вспомнить об Истрии». В ответ президент корректно, но безапелляционно подчеркнул необходимость не забывать ясное мнение Москвы, зафиксированное в принципах «тегеранской стратегии», общественные ожидания «удара в самое сердце Германии» и давно уже озвученные «трудности наступления в Словению и Венгрию через Люблянский проход» [Churchill: 655—662]. Только это личное вмешательство Рузвельта заставило Черчилля смириться; при этом очевидно, что этот долгий спор о судьбе операций на средиземноморском театре военных действий выявил низшую точку взаимоотношений лидеров США и Великобритании чуть ли не за всю войну.

Интересно отметить, что в ходе этой длительной и во многом принципиальной дискуссии премьер-министр неоднократно пытался переубедить американскую сторону в пользу развития операций на юге Европы чисто военными соображениями, в то время как президент, вопреки расхожему мнению, обосновывал свою поддержку трансламаншской стратегии прежде всего политическими факторами. Принципиальная разница американской решительной «стратегии концентрированного удара» по Германии и британской осторожной «периферийной стратегии» определялась растущей диспропорцией военных потенциалов и разницей геополитических интересов двух западных держав; рассуждать о некой «оторванности» военной стратегии Вашингтона от политических оценок геополитической ситуации по меньшей мере наивно. Отстаивание Рузвельтом и его военными советниками приоритетности наступления на Германию с запада, а не с юга, определялось стремлением закончить войну с наиболее выигрышными для США политическими позициями: Западная Европа в геополитическом плане была значительно более важным призом, чем юго-восточная часть континента.

Для Черчилля всё было сложнее. Он, конечно, понимал приоритетность западноевропейского театра военных действий перед средиземноморским с точки зрения послевоенных позиций в Европе. Но премьер-министр всегда рассматривал трансламаншскую операцию только в качестве «последнего удара» по уже полностью истощенной Германии, ослабленной войной на Востоке, бомбардировками, блокадой и военными действиями «на периферии».

Его бесконечные оговорки и условия для проведения операции «Оверлорд», так раздражавшие Вашингтон и Москву, объясняются не только политико-стратегическими соображениями, но и стремлением исключить большие людские и материальные потери при её проведении, которые, по мнению экспертов, были очень даже возможны [Eisenhower: 273—274]. Американское руководство в этом вопросе всегда было более оптимистично и считало даже серьёзные потери (конечно, в допустимых пределах) оправданными для проведения наступления на главном стратегическом направлении. Но уровень «допустимых потерь» для Черчилля и Рузвельта, исходя из всё большей разницы военных потенциалов двух держав, был уже весьма различным.

После форсирования Ла-Манша и особенно быстрого наступления союзников в июле—сентябре 1944 г. все большее внимание оба западных лидера были вынуждены уделять вопросам оккупационной политики на занятых территориях. Рузвельт, видимо, искренне уверял Черчилля в невозможности длительного присутствия американских войск в Европе после войны из-за неизбежного роста изоляционистских настроений, поэтому, по его словам, США не будут брать на себя оккупационные обязанности на значительной территории. Данная позиция президента проявилась и в реальной политике: американцы стремились минимизировать своё участие и не брать на себя конкретных обязательств в решении спорных вопросов Балкан, Франции, Италии и других европейских государств. Рузвельт хотел представить европейские проблемы прежде всего британским делом и призывал Черчилля «воспитать и приучить к дисциплине его собственных чад» — правительства освобождаемых стран [Секретная переписка: 492, 520—521].

Однако нельзя забывать общий посыл рузвельтовского видения послевоенного мироустройства: стремление к американскому глобальному преобладанию после войны. Без обеспечения контроля, пусть и косвенного, над европейским континентом, по крайней мере большей его частью, это было невозможно. Поэтому Рузвельт хорошо понимал всю важность для послевоенных позиций Америки по возможности восстановленной и «опекаемой» Европы. Но стремление пока не показывать свои истинные планы в условиях сложной дискуссии с Черчиллем и особенно Сталиным по вопросам послевоенного урегулирования, сохранявшаяся в американском обществе популярность изоляционистских идей и, главное, ожидаемый экономический гегемонизм США заставляли президента планировать другие, помимо прямого военного и политического контроля, формы влияния над ситуацией в Европе. Традиционно тесные связи Лондона с европейскими структурами, особенно в Восточной и Юго-Восточной Европе, позволяли надеяться на использование их для решения самых запутанных политических проблем без прямого участия Вашингтона, что хорошо вписывалось в эту стратегию Рузвельта. Данная позиция США сильно беспокоила и раздражала премьер-министра, который не мог не чувствовать это желание американцев свалить на Лондон груз принятия сложных и непопулярных решений.

После побед советских войск весной—летом 1944 г. и их появления на территории восточноевропейских государств Черчилль перестал скрывать свои истинные мотивы в отстаивании как можно более масштабного и скорого наступления англо-американских войск «на Вену». Уже в мае он писал о приближении момента, когда «нужно будет начать открытое объяснение с русскими по поводу их коммунистических интриг в Италии, Югославии и Греции» [Черчилль: 372—373]. Всё большее недоверие Черчилля к целям Москвы

в отношении стран Восточной Европы породило весьма острую полемику со Сталиным о судьбе варшавского восстания, однако и в этом вопросе он не получил прямую поддержку Рузвельта [Печатнов, Магадеев: 232—251].

По инициативе премьер-министра в сентябре 1944 г. в Квебеке прошла последняя англо-американская конференция. В Вашингтоне не слишком-то хотели снова погружаться в бесконечные споры с британцами о стратегических перспективах уже вроде бы согласованных планов операций, справедливо полагая, что Черчилль в очередной раз постарается сделать акцент на политические вопросы. Казалось бы, премьер-министру удалось продавить решение о продвижении союзных сил через Любляну к Вене, но с принципиальной оговоркой «если война продлится достаточно долго и если другие (т. е. Красная Армия) не придут туда раньше» [Эрман: 504]. Рузвельт и его военные советники рассматривали эту операцию лишь как возможность развить успех наступлений союзников во Франции и Италии и не собирались ради неё хоть как-то ограничивать действия войск Эйзенхауэра на решающем направлении. Поэтому стремление премьер-министра подать эти планы, а также согласие Вашингтона на создание американской оккупационной зоны в Германии и на продление ленд-лиза как прорыв в разрешении англо-американских разногласий на основе британских предложений является явным преувеличением [Черчилль: 409—411]. Рузвельт рассматривал эти решения как способ поддержки и уступки Лондону в тех вопросах, которые не противоречили его видению американских интересов и прямо не касались отношений с Москвой. В целом работа этой конференции ещё раз подтвердила в глазах президента невозможность решать важнейшие европейские политико-стратегические проблемы без учета позиции Сталина [Edmonds: 377—379].

Относительно войны на Тихом океане Вашингтон привык полностью определять военную и политическую стратегию, поэтому высказанное в Квебеке настойчивое желание Лондона, с учетом скорого поражения Германии и необходимости восстановления имперских позиций, «поучаствовать» в разгроме Японии вызвало явное раздражение американского военного руководства. Но Рузвельт решительно вмешался в дискуссию и заявил о принятии навязываемой британской помощи [Черчилль: 324; Мэтлофф: 552—558]. Это решение президента можно объяснить несколькими принципиальными соображениями: войне с Японией пока было не видно конца; надежды на Китай как на главного союзника на Дальнем Востоке постепенно развеивались, хотя задача втягивания Москвы в эту войну сохранялась как важнейший приоритет американской стратегии, но росли опасения относительно выгоды для США такого развития событий [Печатнов: 168].

Для Черчилля, несмотря на весь его безусловный антикоммунизм и резко отрицательные эмоции относительно перспектив господства Москвы в Восточной и Центральной Европе, соглашения со Сталиным о территориальном разделе «сфер влияния» полностью укладывались в его видение допустимого развития послевоенной ситуации. Это привело к заключению в октябре 1944 г., во время второго визита Черчилля в Москву, известного негласного соглашения о «процентах» интересов СССР и Британии в балканских государствах после их освобождения. То, что эта договоренность не была чем-то спонтанным и несущественным, доказывают последующие события (осторожность Лондона относительно балканской политики СССР и явное нежелание Москвы вмешиваться в развитие ситуации в Греции). Черчилль в Кремле также проявил «понимание» жизненной заинтересованности Сталина в польском вопросе и относительно

проблемы черноморских проливов и после подчеркивал «атмосферу необычайной доброжелательности» на этих переговорах [Ржешевский: 421—422, 428—436]. Всё это доказывает его готовность исходить из неизбежности контроля Москвы над большей частью Балкан и появления советских войск в центре Европы, как бы ни огорчала его подобная перспектива. Вскоре осенние проблемы с развитием наступления на западном фронте и арденнский кризис окончательно исключили всякую возможность реализации «новой периферийной стратегии».

Крымская встреча «большой тройки» (4—11 февраля 1945 г.) справедливо считается высшей точкой развития отношений СССР—Запад в рамках антигитлеровской коалиции. Даже более очевидно, чем в Тегеране, в Ялте проявились взаимное уважение и определенные симпатии друг к другу Рузвельта и Сталина — к большому разочарованию Черчилля [Манчестер, Рейд: 967—968]. Некоторые принципиальные вопросы, например сроки вступления СССР в войну с Японией, обсуждались вообще без участия британского лидера. Но и у Черчилля, всегда уверенного в собственных дипломатических возможностях, в очередной раз осталось позитивное впечатление от результатов личных контактов с советским руководителем [Гилберт: 882—889].

Оба западных лидера согласились с необходимостью пойти навстречу Москве в решении проблемных вопросов об оккупационных зонах Германии и Австрии, об объёме репараций, о послевоенных границах и политическом устройстве стран Восточной Европы, относительно принципов устава Организации Объединённых Наций. Это была с их стороны не «политика умиротворения» Сталина, как часто заявляли западные историки после войны, а констатация реальности: они не могут серьёзно влиять на судьбы стран Центральной и Восточной Европы в силу их стратегических решений 1942—1943 гг. В результате в решениях ялтинской конференции можно увидеть контуры межсоюзнического консенсуса на основе признания Западом геополитического преобладания СССР в странах, образующих для него «пояс безопасности» и уже контролируемых советскими войсками, при одновременном согласии Москвы с основами предлагаемого Рузвельтом нового миропорядка. Президент после конференции был «абсолютно уверен в том, что американцы и русские смогут работать мирно так долго, как это только можно себе представить» [Шервуд: 589].

Черчилль и в целом британское руководство не скрывало своего раздражения снижением возможностей Лондона влиять на принятие союзных решений, считая, по словам министра иностранных дел Э. Идена, что «советская политика аморальна, а американская моральна в высшей степени, но только в случаях, когда не затрагиваются интересы Америки» [Eden: 406]. Но это скрытое раздражение не мешало премьер-министру публично защищать ялтинские соглашения, подчеркивая, что «судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и СССР» [Черчилль: 539, 541].

Важнейшим элементом нового послевоенного мироустройства Рузвельт видел глобальную международную организацию (Организацию Объединённых Наций), которая должна заменить проводившуюся веками политику баланса сил, сфер влияния, противоборствующих военно-политических коалиций [Мальков: 470—474]. Черчилль относился к этой идее по понятным причинам весьма скептически, предпочитая в русле традиционной политики «разделяй и властвуй» создание неких региональных «объединённых блоков» европейских стран с явными мыслями относительно их использования для противодействия советскому влиянию. Но, понимая принципиальную позицию

Рузвельта и иллюзорность реализации собственных планов, он вынужденно согласился с американскими предложениями.

Антисоветские настроения стали ещё более очевидно проявляться в стратегических предложениях Черчилля весны 1945 г. по мере всё больших успехов наступления на Германию с запада и востока и приближения окончательной победы. Черчилль уже в марте говорит о «ухудшении отношения русских», а в мемуарах отмечает в это время «отход Советского Союза от духа Ялты» [Секретная переписка: 771; Черчилль 564]. Это заставляло премьер-министра, по его словам, настойчиво призывать Белый дом занять «твердую и жёсткую позицию» по проблемам Восточной Европы и, главное, отстаивать приоритет политических соображений над военной целесообразностью при планировании наступления войск Эйзенхауэра для как можно более быстрого и результативного продвижения англо-американских сил [Гилберт: 919—920]. Такие противоречащие ялтинским договоренностям и весьма недружественные по отношению к Москве планы полностью вписывались в его концепцию разделения сфер влияния между СССР и Западом, отражая желание премьер-министра максимально отодвинуть их границу как можно дальше на восток и стремление создать основу для последующих переговоров с Кремлем с позиции силы.

При этом Черчилль полностью осознавал тот факт, что даже при сохранении американского военного присутствия в Европе западные державы не могли рассчитывать на победу в случае военного конфликта с СССР (что и подтвердили его военные советники, тайно прорабатывая в мае—июне 1945 г. планы войны против Москвы) [Черчилль: 574—575; Ржешевский: 524—529]. Также было очевидно, что западная общественность категорически не восприняла бы идею новой войны с вчерашним главным союзником; несмотря на постепенный спад просоветских симпатий, они оставались на высоком уровне как в США, так и в Британии.

В то же время Рузвельт, всегда стремившийся не мешать реализации стратегических планов ради неких тактических преимуществ, стремился не обострять проблемы советского контроля над Восточной Европой, поскольку признавал, что на оккупированной территории русские «будут делать более или менее то, что захотят» [Печатнов: 183]. Поэтому, с его точки зрения, предложения Черчилля о приоритете политических (т. е. антисоветских) целей при операциях союзных войск неприемлемы: при туманных военных перспективах они гарантированно уничтожили бы нормальные отношения с Москвой. Есть заслуживающие доверия свидетельства о том, что в последние недели своей жизни президент был сильно встревожен «нарушением Сталиным ялтинских договоренностей» [Печатнов 313]; «бернский инцидент» (тайные переговоры с немцами в Швейцарии) вызвал, как известно, самый резкий обмен взаимными обвинениями между Рузвельтом и Сталиным за всю войну. Но президент в конечном итоге максимально сгладил его последствия, не слишком правдиво назвав их в послании Сталину «незначительными недоразумениями» и призвав Черчилля «не преувеличивать советские проблемы» [Секретная переписка: 799; Печатнов, Магадеев: 501]. Символично, что эти слова были написаны в его последних обращениях партнерам по «большой тройке».

Для Рузвельта важнейшим результатом войны должно было стать создание нового глобального миропорядка, в котором США будут не просто одной из великих держав, а страной-гегемоном, контролирующей и поддерживающей новую систему международных отношений, более справедливую и безопасную — конечно, с точки зрения американского видения справедливости и безопасности.

Президентское видение послевоенного мира всегда опиралось на либеральные «универсальные моральные принципы» (демократия, права человека, открытая экономика, самоопределение наций, система глобальной коллективной безопасности) — в его варианте их понимания и глобальной реализации.

Называть внешнеполитическую доктрину Рузвельта «идеализмом» значит сильно упрощать его идеи: «большая стратегия» президента полностью отвечала задачам создания американоцентристского мира, была предельно прагматична и опиралась на адекватное понимание соотношения военно-политических потенциалов великих держав. Главное преимущество Америки — мировое экономическое доминирование — нужно было реализовать через экономику «открытых дверей», опирающуюся на соответствующие политические режимы и организации, действующие в глобальном масштабе и не признающие некие «сферы влияния». В рамках этого «американского порядка» геополитическое противоборство переводится в экономическую плоскость, а «мировое правительство» (система международных организаций), подконтрольное Вашингтону, должно сдерживать политико-идеологические амбиции отдельных держав (конечно, кроме самих США) [Kimball: ch. 9].

Для создания такого миропорядка требовалось согласие, пусть вынужденное, других крупных игроков на мировой арене, прежде всего СССР и Великобритании. Глобальные позиции и влияние Британской империи к концу войны были основательно подорваны; поэтому для президента задачи стратегии в отношении Лондона лежали к концу войны в плоскости поддержки слишком быстро слабеющего главного союзника, чем в борьбе с ним за послевоенные позиции в мире. Однако геополитические амбиции Сталина, опирающиеся на мощный военный потенциал и резкий рост глобального политического влияния Москвы, выглядели гораздо более обоснованными. При этом, как хорошо понимал президент, разговаривать со Сталиным с «позиции силы» невозможно и бесперспективно. Поэтому ради его согласия на новый глобальный миропорядок нужно находить компромиссные решения, стремиться создать атмосферу доверия, даже идти на серьезные уступки Москве в тех вопросах, которые не затрагивают жизненно важные американские интересы.

В рамках этой политики по инициативе Рузвельта, которому в целом удавалось преодолевать растущее противодействие антисоветских консервативных элементов в политической элите США, Вашингтон сделал ряд серьезных шагов: практически полное отсутствие публичной критики действий советского руководства; расширение программы ленд-лиза и обещания экономической помощи после войны; понимание территориальных притязаний Сталина для создания «пояса безопасности» СССР на его западных границах. И вроде бы это было оправданно, поскольку президент до своей смерти увидел важнейшие и, как он надеялся, определяющие шаги по созданию основ нового мирового порядка с участием Москвы: создание бреттон-вудской системы и принятие принципов функционирования ООН. Всё это позволяло надеяться, по мнению президента, не только на интеграцию СССР в мировое сообщество, но и постепенное изменение природы советского строя [Печатнов: 104—107]. Для глобального мирового равновесия следовало восстановить (в какой-то степени) Западную Европу во главе с Лондоном и Китай, а СССР, в свою очередь, сдерживал бы их амбиции. США в такой глобальной конструкции отводилась роль главного «балансира», всегда имеющего возможность вмешательства в любой точке мира и, значит, контроля над всей этой системой в своих интересах.

Прагматичная советская политика позволяет говорить о том, что Сталин, понимая истинный характер предлагаемых Рузвельтом решений, в целом

принимал (по крайней мере, до завершения войны) американский вариант послевоенного мироустройства, конечно, с учетом советских корректировок и дополнений. Как бы сложно не развивались отношения с союзниками, он надеялся через переговоры, а не конфронтацию реализовать амбициозные планы по расширению границ и сфер влияния СССР и получить крайне важную экономическую помощь для послевоенного восстановления. Это согласие Москвы, пусть возможно только формальное, на основные предложения Рузвельта давало президенту основания до конца своей жизни быть оптимистом и, несмотря на все трудности и рост недовольства этой политикой среди влиятельных представителей американской военной и политической элиты, рассматривать СССР в качестве потенциально дружественной державы [Мальков: 486—493].

Политическая стратегия Черчилля и к концу войны не содержала каких-то новых принципов и отражала все особенности британской имперской стратегии и концепции «равновесия сил». Её антисоветская направленность — при определённой идеологической составляющей — базировалась прежде всего на традиционном стремлении не допустить преобладания какой-либо одной страны, теперь СССР, на евразийском континенте. Премьер-министр оценивал действия Сталина как проявления имперской политики великой державы, желающей активно участвовать в послевоенном «разделе мира», а не реализацию большевистской теории «мировой революции», и эта его позиция была, по-видимому, более понятна и близка советскому руководителю, чем строительство американского «нового миропорядка». Послевоенная критика Черчиллем решений президента звучит неубедительно с учетом тогдашних действий самого премьер-министра, который серьезно никогда не выступал против стремления Рузвельта сохранять и развивать сотрудничество с СССР, правда, в несколько иной форме и иной направленности. В рамках собственной политики в отношении с Москвой Лондон понимал неизбежность уступок и договоренностей.

После завершения мирового конфликта по инициативе Черчилля в западной историографии, особенно британской, складывается весьма влиятельное мнение относительно ограниченности стратегического мышления Рузвельта, якобы не учитывавшего многих геополитических принципов и поэтому мешавшего принятию необходимых военных решений, вытекавших из политико-стратегических приоритетов Запада [Черчилль: 574—575]. В действительности президент всегда видел неразрывную связь политики и войны; у него было своё чёткое видение послевоенного мира, которое определяло его отношение к ведению военных операций, особенно на завершающем этапе военных действий в Европе, и которое часто противоречило воззрениям британского лидера. С учетом последующего резкого разрыва нормальных советско-американских отношений и начала «холодной войны» оно может показаться идеалистическим и оторванным от реалий тогдашней политической ситуации, но его реализация всё же давала надежду на определенную послевоенную стабильность. Вряд ли есть какие-то основания считать, что жёсткая позиция Запада в отношении СССР, к которой призывал Черчилль, могла бы иметь хоть какие-то положительные последствия с точки зрения международной безопасности.

Список источников

- Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 768 с.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. 564 с.

- Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М.: Терра, 1995. 800 с.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М.: Воениздат, 1991. 702 с.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 680 с.
- Churchill W. Second World War, vol. 6: Triumph and Tragedy, London, Boston, Toronto: Houghton Mifflin; Cassell, 1953, 800 p.
- Eden A. The Memoirs. The Reckoning, London: Cassell, 1965, 623 p.
- Eisenhower D. At Ease: Stories Tell to Friends, London: Hale, 1968, 400 p.

Список литературы / References

- Гилберт М. Черчилль: биография. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 1056 с. (Gilbert M. Churchill: a biography, Moscow, 2015, 1056 p. — In Russ.)
- Мальков В.Л. Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Яуза/Эксмо, 2011. 560 с. (Malkov V.L. Great Roosevelt. "The Fox in Lion's Clothing", Moscow, 2011, 560 p. — In Russ.)
- Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940—1965. М.: Центрполиграф, 2016. 1183 с. (Manchester W., Reid P. Winston Spenser Churchill. Defender of the Realm. The pinnacle of a political career. 1940—1945, Moscow, 2016, 1183 p. — In Russ.)
- Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М.: Воениздат, 1964. 584 с. (Matloff M. From Casablanca to "Overlord", Moscow, 1964, 584 p. — In Russ.)
- Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. 752 с. (Pechatnov V.O. Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940's. Documentary essays, Moscow, 2006, 752 p. — In Russ.)
- Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 634 с. (Ehrman J. Big Strategy. August 1943 — September 1944, Moscow, 1958, 634 p. — In Russ.)
- Edmonds R. The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. London: W. Norton and Co., 1991, 668 p.
- Kimbal W.F. The Juggler: Fr. Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991, 304 p.

THE EVOLUTION OF F. ROOSEVELT'S AND W. CHURCHILL'S VIEWS ON THE STRATEGY OF WAR (DECEMBER 1943 — APRIL 1945): IN SEARCH OF MUTUAL COMPROMISES

Sergey A. Potapov

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University,
Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of the strategic views of the US President F. Roosevelt and the British Prime Minister W. Churchill in December 1943 — April 1945, i. e. from the consequences of the Tehran Conference of the "Big Three" up to the death of the American President and the end of the war with Germany. Particular attention is paid to the analysis of the role of Western leaders in the evolution of relations with the USSR and the impact of the problems of developing the foundations of the post-war world order on the solution of military issues. On the basis of the analyzed material, it is noted that the decisions of F. Roosevelt and W. Churchill were of significant, often decisive importance in the formation of national and coalition strategies at the final stage of the war. By the end of the war, the British leader's ideas

and decisions were still based on traditional British imperial strategy and the concept of the “balance of power”; he assessed Stalin's actions as a policy of a considerably strengthened great power that wanted to actively participate in the post-war division of the world. The president's strategic thinking was based on the desire to create a global American-centric political and economic system; it relied on an adequate assessment of the balance of the potentials of the great powers and an understanding of the need to maintain a “policy of partnership” with Moscow, including the post-war period, in order to implement its plans. These views of Roosevelt became decisive for the evolution of the military-political coalition strategy and relations between the Western powers and the USSR at the final stage of the war with Germany.

Keywords: Second World War, anti-hitler coalition, Great Britain, USA, Churchill, Roosevelt

For citation: Potapov S.A. Evolution of F. Roosevelt's and W. Churchill's views on war strategy (December 1943 — April 1945): in search of mutual compromises, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 116—126.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Потапов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Potapov Sergey Aleksandrovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 127—133.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 127—133.

Научная статья

УДК 94(47).042:72(091)

DOI: 10.46726/И.2024.3.15

ПЕТРОК МАЛОЙ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ

Федор Александрович Селезнев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия, fseleznev@mail.ru

Аннотация. Яркий след в истории русской культуры XVI в. оставил архитектор Петрок Малой. Однако скудные сведения о Петроке Малом трактуются историками неоднозначно. Идут споры о времени его приезда в Россию, итальянском имени, построенных им зданиях. Для определения времени приезда этого архитектора в Россию используют отрывок документа о побеге в Ливонию Петра Фрязина, датированный 1539 годом. Господствует мнение о том, что Петр Фрязин и Петрок Малой — это одно и то же лицо. Считается, что Петр Фрязин (Петрок Малой) прибыл в Россию в 1528 году. Автор доказывает, что эта дата неверна. Приводятся аргументы в пользу того, что Петрок Малой появился в России в 1524 году. В следующем строительном сезоне (1525) он принял на себя руководство возведением Коломенского кремля. Автор анализирует вопрос об итальянском имени Петрока Малого. По мнению автора, нет оснований для использования по отношению к Петроку Малому имени «Петр Франческо ди Аннибале». Автор, вслед за Ю. Кивимяэ и М.М. Кромом, утверждает, что Петрок Малой — это Петр сын Ганнибала или (в итальянском звучании) Пьетро Аннибале.

Ключевые слова: Петрок Малой, итальянские архитекторы в Московском государстве, Василий III, русско-итальянские отношения, архитектура Московской Руси

Для цитирования: Селезнев Ф.А. Петрок Малой: спорные вопросы биографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 127—133.

Яркий след в истории русской культуры XVI в. оставил Петрок Малой. А.Н. Кирпичников охарактеризовал его как «архитектора-универсала, может быть, одного из самых значительных итальянских зодчих, работавших в средневековой Московии» [Кирпичников: 482]. С.С. Подъяпольский связал имя этого мастера с «решительными нововведениями в фортификационном деле» [Подъяпольский 1983: 46]. В то же время дошедшие до нас сведения о Петроке Малом скудны и трактуются историками неоднозначно. До сих пор идут споры о времени его приезда в Россию, итальянском имени, построенных им зданиях.

Долгое время основным источником сведений о биографии Петрока Малого (помимо кратких летописных упоминаний) являлся отрывок розыскного дела о побеге в Ливонию некоего Петра Фрязина, датированный 1539 годом [Акты исторические...: 202—204]. Человек с этим именем приехал в пограничную крепость Себеж (в современной Псковской области). «И на Себеже Петр город обложил...» [Там же: 202]. Существует авторитетное мнение о том, что названный фортификатор и Петрок Малой — это одно и то же лицо [Собко: 206—207; Подъяпольский 1983: 34—50]. Правда, А.Н. Кирпичников отверг

правомерность отождествления этих двух людей, поскольку есть летописное известие о том, что в 1543 г. Петрок Малой находился в Москве, завершая работу над кремлевской Воскресенской церковью. По мнению А.Н. Кирпичникова, для беглеца, даже в случае его возвращения в Россию, это было бы невозможно [Кирпичников: 495]. Но С.С. Подьяпольский привел убедительные аргументы, позволяющие преодолеть возражения А.Н. Кирпичникова [Подьяпольский 1983: 44—45]. Поэтому, по господствующему сейчас мнению, данные розыскного дела 1539 г. можно использовать для реконструкции биографии Петрока Малого, в частности для определения времени его приезда в Россию.

Как сообщил в документе 1539 г. Петр Фрязин, его «к Великому Князю прислал Папа Римской послужити годы три или четыре», но служить пришлось 11 лет — «держал его Князь Великий силою» [Акты исторические...: 203]. С.С. Подьяпольский полагал, что эти одиннадцать лет нужно вычестить из 1539 г., «понимая под служением великому князю работу у московского государя вообще, а не только у Василия» [Подьяпольский 1983: 42]. Отсюда вытекало, что Петрок Малой приехал в Россию в 1528 году.

Как раз в 1528 г. (в январе) русские послы Е.М. Трусов и Т.С. Лодыгин были приняты Папой Римским Климентом VII. Причем в их задачи входил подбор архитекторов и других мастеров для работы в Москве [Глушакова: 130]. Русское посольство успело вернуться в том же 1528 году. Считается, что с ним прибыл и Петрок Малой [Бондаренко: 120].

Однако это распространенное допущение вызывает ряд возражений. Во-первых, в 1996 г. эстонский историк Ю. Кивимяэ впервые ввел в научный оборот письмо епископа Дерптского Иоганна Бея магистру Ливонского ордена Герману фон Брюггенюэ с изложением показаний беглеца из России [Kivimäe: 21—28]. Названный документ датирован ноябрем 1538 года. Значит, из этого, а не из 1539 года и следует теперь вычитать одиннадцать лет при вычислении времени появления Петрока Малого в России. Поэтому гипотетический приезд итальянского зодчего отодвигается на 1527 год. И его уже не получается совместить с посещением Рима посольством Трусова и Лодыгина.

Кроме того, точно известно, что в 1528 г. папа Климент VII не смог посодействовать русским послам в приглашении нужных специалистов. Причиной стало случившееся в мае 1527 г. страшное разорение Рима войсками Карла V. Тогда тысячи горожан были убиты, многие храмы разрушены. Лишь на обратном пути — в Венеции — Трусову была оказана помощь в поисках опытного литейщика пушек (но не зодчего!) [Глушакова: 130].

Правда, Ю. Кивимяэ считает, что указанным мастером всё-таки мог быть Петр Фрязин (Петрок Малой), поскольку, как отмечает эстонский историк, даже самый известный итальянский архитектор, работавший в России, Аристотель Фиорованти, тоже был известен как оружейник [Kivimäe: 24]. Дело, однако, в том, что в Вологодско-Пермской летописи Петрок Малой официально именуется «мастеръ городовои», «архитектон» [ПСРЛ 26: 323]. И надо думать именно с такой квалификацией («архитектон») он и был приглашён в Россию. Иначе на каком основании летописец стал бы употреблять этот иностранный термин?

Есть ещё один повод усомниться в тождестве литейщика пушек, привезенного в 1528 г. из Венеции посольством Трусова и Лодыгина, и Петрока Малого: согласно данным допроса в Дерпте в качестве места своего рождения Петр Фрязин назвал Флоренцию, а отнюдь не Венецию [Kivimäe: 23]. Да и вообще, мог ли артиллерист, прибывший с Трусовым из Венеции, подобно Петру Фрязину сказать, что его «прислал Папа Римской»?

Существует ещё одна важная причина отказаться от привязки выезда Петрока Малого из Италии к 1528 г.: из слов беглеца, сказанных на допросе в Дерпте, следует, что титул «великий князь» он относит только к Василию III, а Елену Глинскую и Ивана IV называет отдельно («как нынче Великого Князя Василья не стало и Великой Княгини, а Государь нынешний мал остался» [Акты исторические...: 203]). Значит, одиннадцать лет держал архитектора силой именно Василий III. И отсчет этих одиннадцати лет необходимо вести от года его кончины (1533). Тогда получается, что Петр Фрязин заключил соглашение о приезде в Россию в 1522 г., как ещё в XIX в. утверждал Н.П. Собко [Собко: 206], первый автор, написавший о том, что Петр Фрязин — это Петрок Малой.

Правда, никаких известий о том, что в 1522 г. от Папы Римского прибыл какой-то архитектор, у нас нет. Подобное имело место только в 1499—1504 гг., когда с послами Дмитрием Ралевым и Митрофаном Карачаровым на Русь приехал Пьетро Франческо, будущий строитель нижегородского кремля. Ранее автор поддался соблазну увидеть в нём и Петра Фрязина из документа 1539 г., и Петрока Малого [Селезнев]. Ведь, согласно господствующему сейчас убеждению, отразившемуся даже в Большой Российской Энциклопедии, Петрок Малой (Петр Фрязин 1539 года) — это тоже Пьетро Франческо (Петр Ганнибал, или Петр Франческо ди Аннибале) [Бондаренко: 120].

То, что Петрок Малой имел двойное имя (Петр Франческо), — давнее предположение Ю. Кивимяэ. 13 ноября 1985 г., выступая на научной конференции в Государственных музеях Московского Кремля, Кивимяэ сообщил, что имя мастера «Петр Ганнибал либо Петр Франческо ди Аннибале». Эти слова были записаны С.С. Подъяпольским, а затем включены им в рукопись «Итальянские строительные мастера в России в конце XV — начале XVI в. по данным письменных источников (опыт составления словаря)» [Подъяпольский 2006: 303]. Указанный текст в 2006 г., уже после кончины С.С. Подъяпольского, был опубликован и стал основанием для распространившегося утверждения, что итальянское имя Петрока Малого — Петр Франческо ди Аннибале. Между тем сам Ю. Кивимяэ в более поздних работах (1996 и 1997 гг.), посвященных Петроку Малому, даже в качестве предположения не называет итальянского архитектора Петром Франческо ди Аннибале, а именует его исключительно «Петр сын Ганибала» [Kivimäe: 23; Кивимяэ: 238]. Следовательно, никаких оснований для использования по отношению к Петроку Малому имени «Петр Франческо ди Аннибале» нет. Петрок Малой — это Петр сын Ганнибала или, в итальянском звучании, Пьетро Аннибале [Кром: 236—237].

Подчеркнем, что указанный зодчий не имел отношения к тому Петру Фрязину, который строил Нижегородский кремль. Таким образом, в России в первой половине XVI в. работали два итальянских архитектора по имени Пьетро и по прозвищу «Петр Фрязин». Первый приехал из Италии в 1504 г. и возводил кремль в Нижнем Новгороде. Второй (Петрок Малой) оказался в России в 1520-е годы.

Но когда именно?

Известно, что в 1518—1528 гг. Папский престол прикладывал значительные усилия по вовлечению России в антитурецкий союз христианских стран [Филюшкин: 217—221; Язькова: 203—205]. В этом же направлении действовали императоры Священной Римской империи. Василий III охотно шёл на соответствующие контакты, стремясь использовать их в своих целях. Так, 26 июня 1522 г., будучи в Коломне, Василий III написал письмо императору

Священной Римской империи Карлу V. Оно являлось ответом на послание Карла V, сообщавшего о своём избрании на имперский престол [Лобин: 136].

В пограничной Коломне Василий III с войском ждал повторного нашествия крымцев. В 1521 г. они через Коломну легко прошли к Москве и опустошили окрестности столицы, но каменный кремль штурмовать не решились. А Нижегородский кремль в том же 1521 г. успешно отразил натиск казанцев. Эффективность крепостей, созданных итальянцами, была доказана на деле. И в 1525 г. возведение каменного кремля в итальянском стиле будет начато и в Коломне. Логично предположить, что мысль построить каменную крепость в этом городе возникла у государя всея Руси во время пребывания в нём в 1522 г.

Петра Фрязина, строившего Нижегородский кремль, тогда, видимо, уже не было в живых. Скорее всего, он скончался во время работы над Тульским кремлем (1514—1520). Как убедительно показал К.С. Носов, строительством восточной и западной сторон Тульского кремля «руководили два разных мастера»: «в восточной половине угловые башни массивнее, прясла толще, выше белокаменная облицовка прясел и башен, выходящая к реке сторона имеет четыре башни, а не три, как другие; в западной же половине основным материалом служил кирпич, камнем стены облицованы на меньшую высоту, да и прясла немного тоньше» [Носов: 202].

Мог ли один из них быть итальянцем?

К.С. Носов отмечает, что Тульский кремль «имеет все черты итальянского влияния», но как оно сказалось — напрямую (участие в строительстве итальянского зодчего) или опосредовано (крепость возводил русские архитекторы, подражавшие итальянцам) — «вопрос совсем не такой простой» [Носов: 204]. Мы, однако, считаем вполне допустимым предположить, что мастером, наблюдавшим за возведением одной из половин Тульского кремля, мог быть Пьетро Франческо, строивший до этого Нижегородский кремль.

Основанием является тот факт, что работы в Нижнем Новгороде были завершены непосредственно перед их началом в Туле. Логично предположить, что из Нижнего Новгорода строители во главе с архитектором были перемещены в Тулу, где Фрязин, видимо, и закончил свой жизненный путь.

Таким образом, в 1522 г. в Московском государстве уже не было итальянского фортификатора, способного организовать возведение кремля в Коломне. Нужно было срочно пригласить профессионала соответствующего уровня в Россию. Вероятно, такое задание получил Яков Полушкин, который повёз Карлу V письмо Василия III, написанное 26 июня 1522 г. в Коломне.

Двор императора находился в Вальядолиде (Испания). Туда Полушкин ехал, естественно, не через Францию, враждебную Карлу V, а пересекая итальянские земли. По пути Полушкин наверняка побывал в Риме, поскольку контакты Василия III с Папским престолом в это время были весьма интенсивными. Приезд Якова Полушкина в Рим тем более вероятен, что папа Адриан VI, только что ставший понтификом, являлся бывшим наставником Карла V.

Полушкин оказался в Вальядолиде в начале 1523 года [Боровков: 25—26]. Поэтому пребывание русского дипломата в Риме имело место в 1522 г., иначе говоря, ровно за 11 лет до кончины Василия III. Это даёт нам основания предположить, что именно папа Адриан VI направил «второго» Петра Фрязина (Петрока Малого) в Россию «послужити годы три или четыре».

Сам Адриан в 1523 г. скончался и большинство официальных документов его кратковременного понтификата было утрачено, в том числе и те, где,

возможно, отразилось пребывание посольства Полушкина в Риме. В Москву оно вернулось в 1524 году [Алексеев: 49—57].

Согласно нашей гипотезе, с ним приехал и Петрок Малой. В следующем строительном сезоне (1525) он принял на себя руководство возведением Коломенского кремля, а по прошествии условленного срока захотел вернуться в Италию. Зодчего для более продолжительной службы должны были привезти Е.М. Трусов и Т.С. Лодыгин. Но им этого, по указанным выше причинам, сделать не удалось. Поэтому «второго» Петра Фрязина пришлось удерживать силой. После кончины Василия III (1533), когда по расчетам Пьетро Аннибале истекло одиннадцать лет его пребывания на службе у этого великого князя, итальянец, видимо, вновь поставил вопрос об отъезде. Можно полагать, что Елена Глинская, решив этот вопрос отрицательно, предложила Пьетро Аннибале принять православную веру и навсегда остаться в России. Иноземец согласился, и в 1535 г. Никоновская летопись называет его уже «Петроць Малой, новокрещеной Фрязинь» [ПСРЛ 13: 94].

После этого Петрок Малой в 1535—1538 гг. выполняет целый ряд важных государственных заказов, получает щедрые награды. Но события, следовавшие за кончиной Елены Глинской (самоуправство бояр), побудили архитектора покинуть Россию [Акты исторические...: 203].

Таково, на наш взгляд, может быть объяснение некоторых спорных вопросов биографии Петра Малого.

Список источников

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. I. СПб., 1841. 551 с.
- Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 13. Первая половина: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904. 308 с.
- ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись М.; Л., 1959. 414 с.

Список литературы / References

- Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Ленинград: Наука, 1983. 447 с. (Alekseev M.P. Comparative literature studies, Leningrad, 1983, 447 p. — In Russ.)
- Бондаренко И.А. Петрок Малый // Большая Российская Энциклопедия: в 35 т. Т. 26. М.: Большая Российская энциклопедия, 2016. С. 120. (Bondarenko I.A. Petrok Maly, *The Great Russian Encyclopedia*, vol. 26, Moscow, 2016, p. 120. — In Russ.)
- Боровков Д.А. Дипломатические контакты Московского государства с империей Габсбургов // Славянский альманах. 2018. № 1—2. С. 24—42. (Borovkov D.A. Diplomatic contacts of the Moscow State with the Habsburg Empire, *Slavic almanac*, 2018, no. 1—2, pp. 24—42. — In Russ.)
- Глушакова Ю.П. Неопубликованные русские грамоты из Ватиканского архива // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 128—132. (Glushakova Yu.P. Unpublished Russian letters from the Vatican Archive, *Questions of history*, 1974, no. 6, pp. 128—132. — In Russ.)
- Кивимяэ Ю.Ю. Петр Фрязин или Петр Ганнибал? Итальянский архитектор в средневековой Руси и Ливонии // Крепость Ивангород: Новые открытия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 236—245.

- (Kivimae Yu.Yu. Peter Fryazin or Peter Hannibal? Italian architect in Late Medieval Russia and Livonia, *Fortress Ivangorod: New discoveries*, St. Petersburg, 1997, pp. 236—245. — In Russ.)
- Кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 471—499.
- (Kirpichnikov A.N. Bastion-type fortresses in Medieval Russia, *Monuments of Culture. New discoveries. Writing. Art. Archaeology. Yearbook. 1978*, Moscow, 1979, pp. 471—499. — In Russ.)
- Лобин А.Н. Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 130—141.
- (Lobin A.N. Vasily III message to the Emperor Charles V dated from June 26, 1522: A text reconstruction approach, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013, no. 6, pp. 128—132. — In Russ.)
- Носов К.С. Тульский кремль в кругу русских кремлей в итальянском стиле (конец XV — первая треть XVI в.): общее и особенное в оборонительном зодчестве // Тульский кремль и южные рубежи России: материалы Всероссийской научной конференции. М.: Институт Российской истории РАН, 2020. С. 191—231.
- (Nosov K.S. Tula Kremlin in the circle of Russian Kremlins in the Italian style (late XV — first third of the XVI century): general and special in defensive architecture, *The Tula Kremlin and the southern borders of Russia, Materials of the All-Russian Scientific Conference*, Moscow, 2020, pp. 191—231. — In Russ.)
- Подъяпольский С.С. Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука, 1983. С. 34—50.
- (Podyapolsky S.S. Architect Petrok Maly, *Monuments of Russian architecture and monumental art: style, attribution, dating*, Moscow, 1983, pp. 34—50. — In Russ.)
- Подъяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы / сост. и подг. к публ. Е.Н. Подъяпольской. М.: Индрик, 2006. 320 с.
- (Podyapolsky S.S. Historical and architectural studies. Articles and materials, ed. by E.N. Podyapolskaya, Moscow, 2006, 320 p. — In Russ.)
- Селезнев Ф.А. Деятельность архитектора Петра Фрязина в российских регионах // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сборник научных статей. Вып. 5. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 168—173.
- (Seleznev F.A. Activity of architect Pyotr Fryazin in Russian regions, *Regions of the world: problems of history, culture and politics: Collection of scientific articles*, iss. 5, Nizhny Novgorod, 2021, pp. 168—173. — In Russ.)
- Собко Н.П. Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. с древнейших времен до наших дней (XI—XIX вв.). Т. III, вып. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 508 стб.
- (Sobko N.P. Dictionary of Russian artists, sculptors, painters, architects, draughtsmen, engravers, lithographers, medallists, mosaicists, icon painters, casters, coiners, scanners, etc. from ancient times to the present day (XI—XIX centuries), vol. III, iss. 1, St. Petersburg, 1899, 508 col. — In Russ.)
- Kivimae J. Petr Frjazin or Peter Hannibal? An Italian Architect in Late Medieval Russia and Livonia, *Forschungen zur osteuropaishen Geschichte*, Bd. 52, Berlin, 1996, S. 21—28.

PETROK MALY: CONTROVERSIAL ISSUES OF BIOGRAPHY***Fedor A. Seleznev***

Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University, Nizhniy Novgorod,
Russian Federation, fseleznev@mail.ru

Abstract. The architect Petrok Maly left a bright mark in the history of Russian culture of the XVI century. However, the scant information about Petrok Maly is interpreted ambiguously by historians. There are disputes about the time of his arrival in Russia, the Italian name, the buildings he built. To determine the time of arrival of this architect in Russia, an excerpt of a document about the escape to Livonia of Peter Fryazin, dated 1539, is used. The prevailing opinion is that Pyotr Fryazin and Petrok Maly are one and the same person. It is believed that Peter Fryazin (Petrok Maly) arrived in Russia in 1528. The author proves that this date is incorrect. Arguments are given in favor of the fact that Petrok Maly appeared in Russia in 1524. In the next construction season (1525), he took over the leadership of the construction of the Kolomna Kremlin. The author analyzes the question of the Italian name Petrok Maly. According to the author, there is no reason to use the name “Peter Francesco di Annibale” in relation to Petrok Maly. The author, following Y. Kivimae and M.M. Krom, claims that Petrok Maly is Peter the son of Hannibal or (in Italian) Pietro Annibale.

Keywords: Petrok Maly, Italian architects in the Moscow state, Basil III, Russian-Italian relations, architecture of Moscow Russia

For citation: Seleznev F.A. Petroc Maly: controversial issues of biography, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 127—133.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, fseleznev@mail.ru

Seleznev Fedor Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), professor of Department of Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University, Nizhniy Novgorod, Russian Federation, fseleznev@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 134—144.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 134—144.

Научная статья

УДК 614.2(091)(470.315)"19/20"

DOI: 10.46726/H.2024.3.16

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАБРИЧНЫХ БОЛЬНИЦ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Кирилл Евгеньевич Балдин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

Аннотация. В статье впервые рассматривается деятельность небольших медицинских учреждений, которые были созданы во второй половине XIX века практически на всех крупных и средних фабриках и заводах такого важного промышленного центра, как Иваново-Вознесенск. Статья основана на материалах государственных архивов Ивановской и Владимирской областей. Большинство из архивных материалов впервые вводятся в научный оборот (используются для научных исследований). В статье приводятся статистические данные о количестве коек в фабричных больницах города, о медицинском персонале, который в них работал. Автор анализирует комплекс различных заболеваний и травм, с которыми рабочие обращались в фабричные больницы. Как показало исследование, в этих медицинских учреждениях специалисты с высшим образованием работали не постоянно, а по совместительству. Они принимали заболевших рабочих не каждый день и всего по 2—3 часа. Постоянно в фабричных больницах работали только фельдшеры. Нередко их профессиональной квалификации не хватало, чтобы помочь рабочему, у которого возникли проблемы со здоровьем. Таким образом, уровень медицинского обслуживания в фабричных лечебницах был заметно ниже, чем в муниципальных больницах или других медицинских учреждениях.

Ключевые слова: фабричное законодательство, условия труда рабочих, медицинское обслуживание, производственный травматизм, инфекционные заболевания, медицинские работники

Для цитирования: Балдин К.Е. Создание и деятельность фабричных больниц в Иваново-Вознесенске во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 134—144.

Изучение развития медицины и профессиональной деятельности медиков на разных этапах истории России приобретает в современных условиях особую актуальность. Борьба за спасение жизней и сохранение здоровья миллионов людей во время недавно отступившей эпидемии COVID-19 делают эту тематику весьма актуальной. Главными предпосылками создания фабричных лечебных учреждений в дореволюционной России были рост численности пролетариата и усиление его концентрации на крупных предприятиях. Это было особенно характерно для такого крупного промышленного центра, как Иваново-Вознесенск, здесь абсолютно большая часть пролетариата была сосредоточена на предприятиях с численностью занятых более чем в 1 тыс. чел. Появление фабричных больниц было обусловлено также условиями труда рабочих, которые вряд ли можно назвать удовлетворительным. В 1870—80-х годах рабочий день продолжался

13—14 часов в сутки, в начале XX в. он был сокращен до 9—10 часов. Это порождало постоянную усталость, хроническое недосыпание, отрицательно сказывалось на организме человека. Уровень заработков у большей части текстильщиков был очень низким. Все это заставляло трудящихся покупать дешевые и некачественные продукты питания, довольствоваться жильем скверного качества, что в дальнейшем порождало различные недуги, сокращало продолжительность жизни. Санитарно-технические условия труда в цехах были ниже всякой критики: воздух в производственных помещениях был загрязнен мельчайшими частичками хлопка и парами химикатов, применявшихся в отделочном производстве. Самой распространенной профессиональной болезнью текстильщиков был туберкулез легких.

Более или менее масштабное и серьезное изучение истории здравоохранения в Иванове и области развернулось только в начале XXI века. Сначала вышла небольшая книга об этом, географические рамки которой были ограничены городом Иваново, а хронологические — дореволюционным периодом. Однако в ней шла речь далеко не обо всех лечебных учреждениях города, а, например, о борьбе с эпидемиями и фабричных приемных покоях почти ничего не говорилось [Развитие системы...]. В 2011 г. увидело свет комплексное издание, посвященное истории здравоохранения всего текстильного края с середины XIX в. по начало XXI в. включительно (через несколько лет оно выдержало еще одно издание). К сожалению, в этой книге дореволюционному периоду было посвящено лишь 60 страниц, на которых был изложен материал не только по Иваново-Вознесенску, но и по Кинешме, Шуе и другим значимым населенным пунктам ивановского края. Впрочем, здесь можно найти очень небольшой раздел объемом в одну страницу, в котором идет речь о создании и деятельности фабричных больниц [История здравоохранения]. Несколько лет назад была опубликована содержательная статья Е.М. Смирновой, в ней идет речь о фабрично-заводских медицинских учреждениях Верхневолжского региона в рассматриваемый нами период [Смирнова]. В краеведческих сборниках и альманахах были опубликованы статьи по истории различных дореволюционных лечебных учреждений, в том числе — больницы для мастеровых и рабочих. Авторами их являлись В.С. и Л.Б. Околотины, а также другие исследователи [Околотин]. Можно констатировать, что история лечебных учреждений, работавших непосредственно на фабриках, слабо изучена историками как во всероссийском масштабе, так и на региональном уровне.

Первые нормативные акты в сфере фабрично-заводской медицины появились в России в 1860-х годах. 26 августа 1866 года император Александр II утвердил своей подписью мнение Комитета Министров, в котором речь шла об организации медицинской помощи на промышленных предприятиях. Документ был принят в связи с приближавшейся эпидемией холеры. В связи с этим хозяевам крупных предприятий, где численность работников превышала 1 тыс. чел., предписывалось открывать больницы из расчета по одной койке на 100 человек. Документ явно принимался в срочном порядке, и первоначально его действие распространялось только на Московскую губернию [Об устройстве...: 212]. Никаких конкретных мер, которые понуждали бы фабрикантов и заводчиков к открытию больниц, здесь не предусматривалось. Согласно постановлению Государственного Совета этот законодательный акт в 1867 г. должен был вступить в действие на всей территории Российской Империи [Развитие фабрично-заводской...].

Нужно отдать должное предпринимателям текстильного центра: они начали задумываться над проблемой медицинского обслуживания рабочих

задолго до принятия вышеупомянутого законодательного акта 1866 г. Самые передовые из них, стараясь идти в ногу со временем, стали устлавать небольшие приемные покои.

Первым это сделал Никон Мефодьевич Гарелин, который в 1849 году при своей текстильной фабрике основал небольшую лечебницу. В региональном офицозе, называвшемся «Владимирскими губернскими ведомостями», было сказано, что в ней числился один врач и один фельдшер. Так как в то время врачей в Иванове и окружавших его слободах можно было пересчитать по пальцам одной руки, то ясно, что доктор только изредка появлялся на фабрике, т. к. в его службе было очень много иных поприщ. Реально больничкой заведовал, наверняка, фельдшер. В то же время, как говорилось в описании фабрики, в этом лечебном учреждении имелся большой запас медикаментов. В 1851 г. Н.М. Гарелин был награжден медалью на Владимирской ленте за ситцы, которые выпускала его фабрика, а заодно и за учреждение больницы [Владимирские губернские ведомости: 1865, № 43].

Примеру Никона Мефодьевича довольно быстро последовал его племянник, Яков Петрович, который просто по определению не мог надолго отстать от дяди, так как справедливо считался самым прогрессивным фабрикантом в Иванове. В 1850 г. больница на 20 коек с врачом и фельдшером была открыта при фабрике Я.П. Гарелина [Там же: 1855, № 53].

В 1861 году крупные ситцевики «Русского Манчестера» основали общую для всех фабрик лечебницу — больницу для мастеровых и рабочих, которую до революции называли также чернорабочей больницей.

Еще через десять лет после этого, в 1870-х гг., была организована медицинская помощь еще на одном крупном ивановском предприятии, оно принадлежало А.Ф. Зубкову. Но на этот раз был организован не стационар с койками, а ежедневный амбулаторный прием, который вел лекарский помощник Леонид Бенедиктович Соколовский. В это же время амбулаторный прием больных осуществлялся еще только при одной фабрике, которая принадлежала наследникам Никона Гарелина — его сыновьям Федору, Сергею и Мефодию. Но здесь больных и травмированных работников «пользовал» не врач, а фельдшер, причем не ежедневно [ГАИО: ф. 2, оп. 2, д. 646, л. 4].

С начала 1880-х годов врачи более или менее регулярно начали посещать крупные фабрики для амбулаторного приема, наверняка — по просьбам их владельцев. В частности, они поголовно осматривали рабочих. Делалось это в первую очередь для выявления среди них больных сифилисом. Последний в то время считался крайне опасной социальной болезнью, с ней общественность была настроена непримиримо бороться. При несчастных случаях на производстве на фабрику экстренно вызывали лекаря, чаще всего — городского врача, потом травмированного отправляли в больницу для чернорабочих, где со временем было открыто в числе других хирургическое отделение. От фабрикантов пока не требовали обязательного устройства фабричных больниц или амбулаторий. Отсутствие их не ставилось в упрек работодателям, т. к. в городе была специальная больница для мастеровых и рабочих [ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 38, л. 46; ф. 2, оп. 2, д. 646, л. 4].

Отсутствие хотя бы небольших лечебных учреждений при фабриках приводило к тому, что рабочие в случае серьезных травм, острых инфекционных и других заболеваний некоторое время оказывались без всякой медицинской помощи, которая порой требовалась очень срочно. Врачебный инспектор Владимирской губернии в 1875 г. посетил ряд фабрик в Вязниковском и Шуйском

уездах, в том числе в Иваново-Вознесенске. Особенно удручающее впечатление произвело на него положение на химическом заводе Лепешкина в «Русском Манчестере». Здесь не было ни приемного покоя, ни врача, который хотя бы изредка посещал предприятие. В тех случаях, когда травмированному рабочему требовалась скорая помощь, его без перевязки, истекающего кровью отправляли по булыжной мостовой на обычной тряской телеге в больницу чернорабочих, находившуюся в нескольких верстах от завода. Такая же ситуация наблюдалась на большинстве местных предприятий, их хозяева ссылались на то, что в городе есть хорошо устроенная общая чернорабочая больница для всех лиц наемного труда. В результате своей поездки по двум уездам врачевный инспектор пришел к заключению, что на крупных и средних предприятиях все же необходимо иметь хотя бы небольшие амбулатории и регулярно приходящих сюда врачей [Владимирские губернские ведомости: 1875, № 33].

Все перечисленные выше приемные покои на фабриках Никона Гарелина, Якова Гарелина и Зубкова были устроены по личной инициативе этих промышленников. Другие предприниматели не были настроены тратить на медицинскую помощь рабочим, если власти от них этого не требовали. Ситуация начала меняться, когда власти стали постепенно вводить в стране фабричную инспекцию. Сначала в 1882 г. должности фабричных инспекторов были учреждены в трех самых промышленных губерниях страны — Петербургской, Московской и Владимирской, т. е. в том числе на значительной части территории текстильного края. Задачи нового государственного института состояли в том, чтобы следить за техникой безопасности, регулировать отношения труда и капитала, по возможности предупреждать стачки рабочих. Фабричные инспекторы, являясь казенными чиновниками, регулярно посещали местные фабрики, понуждая предпринимателей организовывать хотя бы элементарную медпомощь рабочим непосредственно на месте. На рубеже 1880-х — 1890-х годов амбулатории открылись пока далеко не на всех фабриках, но в 1892 г. вышли обязательные постановления на этот счет Владимирского по фабричным делам присутствия, они обязывали фабрикантов создавать такие больнички [ГАИО: ф. 2, оп. 2, д. 646, л. 2, 4]. Хотя в них имелись в наличии койки, но они не являлись стационарами в полном смысле этого слова. Обратившегося за помощью рабочего здесь не лечили, а только на несколько часов клали на койку до прихода на фабрику врача, который ставил диагноз, оказывал первичную медицинскую помощь или же отправлял травмированного (вариант — заболевшего) в чернорабочую больницу, где было гораздо больше возможностей для лечения.

Медицинские нормы того времени утверждали, что в каждой фабричной больничке должно быть по одной койке на каждую сотню рабочих. На многих предприятиях эта норма не соблюдалась т. к. в приемном покое при десяти и более койках необходимо иметь постоянного штатного врача, а если коек было меньше, то врач мог работать «на четверть ставки», т. е. ненадолго приходить на предприятие два-три раза в неделю. Например, на фабрике Витовых по числу занятых должно быть 14 коек, а на самом деле имелись лишь девять. Таким образом, хозяева экономили довольно значительную сумму, т. к. вследствие дефицита квалифицированных специалистов их услуги в то время стоили очень дорого [Старый владимирец: 1910, 8 сентября].

В рукописном очерке истории местной медицины, который сохранился в делах Иваново-Вознесенской городской управы, неизвестный нам автор (вероятно, кто-то из местных врачей) жаловался на то, что в фабричных медпунктах

плохо поставлена статистика. На самом деле это было не совсем так, например, за 1894 год сохранились данные по 21 предприятию города. В ней учтены не только штатные и запасные койки в каждом фабричном медпункте, но и работавший здесь персонал — врачи, фельдшеры и прислуга. Иваново-вознесенская фабричная медицина, выраженная на языке цифр, выглядела так:

Сведения о фабричных больницах Иваново-Вознесенска в 1894 г.

[ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 327, л. 31]

Фабрики	Койки постоянные /запасные	Врачи	Фельдшера	Прислуга
Покровская мануфактура	3/2	1	1	1
Н. Гарелина	15	1	1	1
Куваевская мануфактура	20	1	2	1
Т.А. Щапова	1/1	1	1	—
Н.Н. Фокина	3/5	1	2	1
Ситцевая братьев Гандуриных	1	1	1	—
Их же	4/6	1	1	-
А.Н. Новикова	$\frac{3}{4}$	1	1	1
В.Е. Красковского	1	1	1	—
М.Ф. Ямановского	4	1	1	—
И. Гарелина	12, будет 24	1	1	1
Иваново-Вознесенская мануфактура	24	1	2	2
Н. Дербенева	9	1	2	1
Зубковых	10	1	1	1
Полушина	4	1	1	1
П. Дербенева	2	1	1	1
Н.В. Лепешкина	2	1	1	1
Кокушкина и Маракушева	10	1	2	1
Д.Г. Бурлыгина	4	1	1	1
И.Е. Пономарева	4	1	1	1
Н.Е. и А.С. Смоляковых	1	1	1	1

Самые большие лечебные заведения находились на фабриках Товарищества И. Гарелина, Куваевской мануфактуре и Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуре, что неудивительно, т. к. все три представляли собой крупнейшие в городе предприятия. Соответственно на небольших фабриках братьев Гандуриных или Красковского медпункты имели микроскопические размеры. Приведенные выше данные, собранные городским полицейским управлением, заслуживают доверия, т. к. они подтверждаются путем перекрестной проверки по другим источникам (сведениям городской управы).

Статистические данные, собранные полицейским управлением ровно через десять лет, в 1903 году, дают представление о расходах промышленников на свои больницы. Н. и Л. Гандуриным 10 фабричных коек за год обошлись в 1630 р., т. е. по 163 рубля за содержание каждой из них. На фабрике Н. Гарелина было потрачено 5 тыс. р. на 25 коек, на Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуре — 6365 р. на 24 койки, т. е. соответственно по 200 и 263 р. за каждую [ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 807, л. 7 — 8, 13 — 14].

У фабрики Торгового дома Н. Гарелина и Сыновой действовал филиал фабричной амбулатории, который находился ... на болоте. Значительную часть топлива, которое использовалось на этом предприятии, составлял торф, который разрабатывали на Жилинском болоте рядом с Иваново-Вознесенском. Здесь добывали и затем превращали в «кирпичи» очень большое количество этого энергоносителя — до 200 тысяч брикетов в неделю. На болоте трудились слесари, ведавшие машинами, а также чернорабочие, условия труда которых оставляли желать много лучшего. Травмы здесь были довольно частыми, поэтому здесь постоянно находился фельдшер, до 1891 г. эти обязанности исполнял Аким Логинов, а после этого Иван Анисимов [ГАИО: ф.103, оп. 1, д. 595, л. 3 — 4].

Известный иваново-вознесенский врач Л.Е. Правдин в своем содержательном докладе на 11-м съезде земских врачей Владимирской губернии (1905 г.) поведал о медицинском обслуживании рабочих и служащих Куваевской мануфактуры. Он констатировал большую популярность амбулатории у трудящихся: в 1901 г. сюда пришли 5400 первичных больных и 11 800 вторичных (наведавшихся сюда во второй, и даже в третий раз), в 1902 г. — соответственно 6300 и 15 700, в 1904 г. — 6270 и 14 460 чел. В 1904 г. на медобслуживание рабочих Товарищество потратило 7 тыс. р. Из этой суммы на жалование медперсоналу израсходовали 2,5 тыс. р., а на лечение, включая медикаменты, — 4,5 тыс. В статье содержатся очень любопытные подробности о методах и местах лечения иваново-вознесенских текстильщиков. Здесь говорится, что их «пользовали» кумысом, который помогал при туберкулезе и был очень популярен в начале XX века. Также деньги отпускали пациентам амбулатории на «поездки в Москву к специалистам». При этом нужно учесть, что консультации московских врачей стоили очень недешево [Труды одиннадцатого...: 179—180]. Даже если предположить, что лечили кумысом и отправляли в Москву не рядовых рабочих, а служащих фабрики, все равно это как-то по-иному заставляет взглянуть на отношения рабочих и работодателей в начале XX в., по крайней мере — на одном из ведущих предприятий города.

Уровень заболеваемости рабочих в текстильной промышленности был очень высоким. Среди фабричных недугов присутствовали прежде всего профессиональные и инфекционные заболевания. Иваново-вознесенские медики, работавшие с этим контингентом пациентов, время от времени проводили обследования, которые в дальнейшем превращались в статьи и доклады на рабочих собраниях разного уровня. Как нам представляется, наиболее основательно этим занимался городской врач Павел Алексеевич Алявдин. В 1899 г. в столичном журнале «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины» была опубликована его статья «К вопросу о питании и заболеваемости рабочих на ситцепечатных фабриках в г. Иваново-Вознесенске», в ней говорилось о тесной связи желудочно-кишечных заболеваний текстильщиков с типами их питания и рационом. В 1906 г. П.А. Алявдин на заседании Иваново-Вознесенского медицинского общества, объединявшего практически всех врачей города, сделал доклад «Заболеваемость фабричных рабочих и организация медицинской помощи на фабриках и заводах в г. Иваново-Вознесенске». В 1909 г. он стал одним из участников Всероссийского съезда фабричных врачей в Москве и сделал на нем доклад с таким же названием. Исследованием заболеваемости ивановских рабочих занимался также Л.Е. Правдин, выступивший в 1905 г. по этой теме на 11-м съезде земских врачей Владимирской губернии [ГАИО: ф. 2, оп. 2, д. 646, л. 5; Труды одиннадцатого съезда: 183].

Самой распространенной профессиональной болезнью среди текстильщиков был туберкулез легких. Накануне Первой мировой войны ежегодно от чахотки умирало в Иваново-Вознесенске около 1 тыс. человек. Особенно широко эта болезнь была распространена на ткацких фабриках. Здесь широко применялась для производственных нужд так называемая шлихта — смесь муки с различными химикалиями, употребляемая для проклейки нитей основы. Высыхая, шлихта превращалась в пыль, которая вместе с мельчайшими волокнами хлопковой пряжи постоянно висела в воздухе в производственных помещениях, т. к. вентиляции на большинстве предприятий не было. Немногим ниже был уровень заболеваемости туберкулезом на отделочных, т. е. ситцевых фабриках. Здесь на так называемых барабанах из каждой тысячи рабочих по статистике заболевали чахоткой 326 чел., а в стригальном цехе — даже 515 чел. Также к профессиональным болезням текстильщиков относились: пониженный уровень слуха из-за очень сильного шума в цехах, мышечный ревматизм и варикозное расширение вен [Старый владимирец: 1912, 17 апреля, 24 августа].

Регулярно Иваново-Вознесенск навещали незванные и страшные гости — сыпной тиф, холера, дизентерия и другие инфекционные заболевания. В значительной степени это было связано с тем, что реки и пруды в городе представляли собой рассадники инфекции. Кроме того, на фабриках из-за высокой температуры рабочие пили много воды. Причем в кубы и ведра, которые специально стояли для этого в цехах, наливали некипяченую воду, которая часто становилась источником инфекции. В 1910 г. санитарная комиссия городской управы обратилась к директорам местных фабрик с настоятельным призывом не давать рабочим сырой воды [ГАИО: ф. 2, оп. 1, д. 4620, л. 69, 78 — 79].

Техника безопасности на предприятиях была крайне примитивной. Следует признать, что серьезные аварии с человеческими жертвами происходили не очень часто. Так, на фабрике В.А. Гречина в Иваново-Вознесенске в 1880 г. в результате взрыва парового котла погибли шестеро рабочих. Чаще всего рабочие получали все же небольшие травмы. Им никто не объяснял, куда опасно совать руки, в результате неосторожности они лишались одного-двух пальцев и/или серьезно калечили их. После этого их трудоспособность после таких несчастных случаев резко снижалась, т. к. повседневная работа ткача или прядильщика требовала мелкой моторики всей кисти руки. Рабочие с такими травмами являлись довольно частыми пациентами сначала фабричных амбулаторий, а потом иваново-вознесенской больницы для мастеровых и рабочих. В фабричных медпунктах их только перевязывали, а лечили, в том числе оперировали, уже в чернорабочей больнице [Балдин: 8].

Лечение непосредственно в фабричных больничках было очень незатейливым, т. к. все серьезные медицинские случаи переадресовывались в больницу для мастеровых и рабочих. В прессе сообщалось, что дорогостоящих лекарств на фабриках не держали или, по крайней мере, старались не выдавать. Из амбулатории Покровской мануфактуры в 1911 г. сообщали, что то касторка здесь закончилась, то рыбьего жира нет, то йод забыли подвезти. По словам газетных репортеров, хуже всего медицинское обслуживание было поставлено на фабрике Д. Г. Бурылина и на предприятии Бакулина. Впрочем, от этих больничек была и определенная польза, например, фельдшеры в них прививали оспу детям рабочих [Труды одиннадцатого съезда: 180; Старый владимирец: 1910, 8 октября; 1911, 23 января].

Медперсонал, который работал непосредственно на фабриках, постепенно становился все более многочисленным. В начале 1892 г. один врач обслуживал

в среднем три-четыре крупных фабрики, если же эти предприятия были не очень большими, то еще больше. В это время П.А. Алявдин являлся фабричным врачом на Иваново-Вознесенской ткацкой, Куваевской и Покровской мануфактурах, а также на предприятии Н. Гарелина. Врач Д.П. Зеленский обслуживал фабрики Фокина, Витова, Новикова и Ямановского, а А.Н. Удин — Зубкова, И. Гарелина и А. Гандурина [ГАИО: ф. 2, оп. 1, д. 2534, л. 203].

Обратимся к таблице по фабричным медпунктам, приведенной выше. В ней указывается не только количество коек в каждом, но и численность медицинского персонала. Сведения здесь относятся уже к 1894 г., когда врачи и фельдшеры имелись на каждом крупном и даже на средних по размеру предприятиях, причем в крупных заведениях фельдшеров, как правило, было по два человека. Наличие врача на той или иной фабрике вовсе не означало, что он все свое рабочее время посвящал обслуживанию ее рабочих и служащих. Как правило, у него было другое основное место работы и порой не одно. Степан Александрович Чернобровцев трудился в Иваново-Вознесенской земской больнице и одновременно на фабрике Кокушкина и Маракушева. С.В. Архангельский в годы Первой мировой войны совмещал работу в больнице мастеровых и рабочих, на Покровской мануфактуре и в одном из госпиталей для раненых [ГАВО: ф. 40, оп. 1, д. 22685, л. 4; Старый владимирец: 1920, 25 сентября]. О том, сколько внимания мог уделить рабочим и служащим такой врач, трудившийся одновременно в нескольких местах, свидетельствует расписание приема Л.Е. Правдина, который посещал Куваевскую мануфактуру ежедневно, осматривая рабочих утренней смены с 12.00 до 14.00, а тех, кто работал в дневную смену — с 17.00 до 18.00 [Труды одиннадцатого съезда: 179]. При этом ситуация, когда на фабрике некоторое время не было врача, никого особенно не удивляла и не возмущала. Так, бывало, например, на фабрике Д.Г. Бурлыгина — в 1910 г. здесь около трех месяцев больных обслуживал только фельдшер. Что касается отношения врачей к пациентам, то местная общественность считала, что фабричные врачи всегда ближе не к рабочим, а к хозяину и отстаивали именно его интересы [Старый владимирец: 1910, 16 октября, 2 декабря].

Что касается среднего медицинского персонала, то фельдшеры, как правило, весь свой рабочий день находились на своей фабрике. Однако в Иваново-Вознесенске имелись предприятия, производственные цеха которых были разбросаны по городу. Так обстояло дело, например, на фабрике Антона Гандурина, старый корпус которой был расположен в центре на Негорелой ул., а новый — в Иконникове. Расстояние между ними достигало двух верст, таким образом, если фельдшер находился в одном из цехов, до сотни рабочих в другом фактически оказывались без медицинской помощи [Старый владимирец: 1910, 17 декабря].

К сожалению, квалификация среднего медперсонала не везде была удовлетворительной, на некоторых фабриках трудились специалисты, которые имели звание только «ротного фельдшера» (а не более высокую квалификацию «школьного фельдшера»). Яркий пример того, что фабричному фельдшеру порой просто не хватало знаний и навыков, мы встречаем на страницах все той же губернской газеты. Корреспондент сообщал о том, что работницу, трудившуюся в отделочном производстве, варвары-служащие заставили таскать тяжелые рулоны ткани весом в три пуда (!) с этажа на этаж. В результате у нее, находившейся на третьем месяце беременности, случился выкидыш. Она лежала, истекая кровью, но на фабрике не было акушерки, над женщиной хлопотал только фельдшер, который не знал, как ей помочь. Вызвали извозчика и доставили ее,

еле живую, в больницу. Такие случаи время от времени случались на фабриках, но не получали огласки. Тот факт, о котором написала газета, стал широко известен и обсуждался в городе [Старый владимирец: 1910, 16 сентября].

Однако среди фабричных фельдшеров встречались люди квалифицированные и преданные своему делу. Константин Кузьмин, работавший на фабрике И. Гарелина, окончил профессиональные курсы при Голицинской больнице в Москве, там же получил звание фельдшера, до поступления на фабрику работал в Дерптском пехотном полку. Правление Товарищества И. Гарелина просило губернское медицинское начальство предоставить К. Кузьмину права государственной службы, что существенно повышало его статус [ГАВО: ф. 40, оп. 1, д. 19440, л. 1, 5, 13, 35].

Подводя итоги, отметим, что история фабрично-заводской медицины в Иваново-Вознесенске началась, когда этого города на карте России еще не было. Первые небольшие приемные покои в середине XIX в. завели на своих текстильных фабриках Гарелины — представители наиболее богатого и разветвленного семейства местных ситцевиков. Они же являлись наиболее передовыми фабрикантами, как в отношении технического прогресса, так и в сфере социальной политики, осуществлявшейся в отношении своих рабочих и служащих.

Важный толчок открытию фабричных медицинских учреждений дало принятие в 1866 году законодательного акта о создании фабричных больниц. Но из-за того, что контроль за его выполнением этого нормативного документа долгое время отсутствовал, такого рода медицинские учреждения стали создаваться на промышленных предприятиях только в конце XIX столетия. В значительной степени это стало результатом издания властями новых циркулярных положений и создания фабричной инспекции, которая стала довольно часто наведываться на предприятия. Хотя размеры этих больничек были микроскопическими, но в большинстве их имелись самые элементарные медикаменты и перевязочные средства. Основные болезни, с которыми обращались сюда рабочие — это туберкулез, желудочно-кишечные заболевания, связанные с недостаточным и неправильным питанием, кожные и инфекционные недуги. Уровень травматизма на текстильных предприятиях был высоким, хотя летальных случаев было не так много.

Лечебный персонал таких фабричных «медпунктов» состоял из врачей, но они являлись на фабрики всего на 2—3 часа, порой не каждый день. Поэтому в большинстве случаев рабочим приходилось довольствоваться помощью фельдшеров, которые работали на фабриках и заводах постоянно. Вместе с тем, квалификации фельдшерского персонала здесь не всегда хватало, чтобы поставить точный диагноз, определить тактику и средства лечения. Владельцы предприятий на все упреки начальства и общественности ссылались на то, что в городе с 1861 года действует больница для мастеровых и рабочих, которую в значительной степени содержали на свои средства промышленники. В нее можно было переправить с фабрик серьезно заболевших или травмированных рабочих. В целом, создание фабричных больниц несколько улучшило условия труда рабочих, но качество медицинской помощи непосредственно на производстве оставляло желать много лучшего.

Список источников

Владимирская газета (Владимир).

Владимирские губернские ведомости (Владимир).

Государственный архив Владимирской области (ГАВО).

Государственный архив Ивановской области (ГАИО).

Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных помещений // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1887. Первое полугодие. СПб., 1887. С. 212.

Развитие фабрично-заводской медицины во второй половине XIX — начале XX в. URL: <http://rosmedlib.ru/ISBN9785970427316-0005/esf2k2z11-tabrel-mode-pgs> (дата обращения: 20.06.2023).

Старый Владимирец (Владимир).

Труды одиннадцатого съезда членов и представителей земских учреждений по врачебно-санитарной части во Владимирской губернии. Владимир, 1905.

Список литературы / References

Балдин К.Е. Ивановская областная клиническая больница. Очерки истории (1861—2021). Иваново, 2021. 328 с.

(Baldin K.E. Ivanovo Regional Clinical Hospital. Essays on History (1861—2021), Ivanovo, 2021, 328 p. — In Russ.)

История здравоохранения Ивановской области. Иваново, 2011. 208 с.

(History of Health Care in the Ivanovo Region, Ivanovo, 2011, 208 p. — In Russ.)

Околотин В.С., Околотина Л.Б. Возникновение и деятельность Иваново-Вознесенской больницы для мастеровых и рабочих в 1861—1914 годах // Бурьлинский альманах. 2018. № 2 (10). С. 19—28.

(Okolotin V.S., Okolotina L.B. Emergence and Activity of the Ivanovo-Voznesensk Hospital for Artisans and Workers in 1861—1914. *Burylin's almanac*, 2018, no. 2(10), pp. 19—28. — In Russ.)

Развитие системы здравоохранения в Иваново-Вознесенске во второй половине XIX — начале XX века. Иваново, 2003. 94 с.

(Development of the health care system in Ivanovo—Voznesensk in the second half of the 19th — early 20th centuries, Ivanovo, 2003, 94 p. — In Russ.)

Смирнова Е.М. Фабрично-заводская медицина России в XIX — начале XX в. // Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4, ч. 1. С. 165—170.

(Smirnova E. M. Factory Medicine of Russia in the XIX — early XX Centuries, *Gramota. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 4, pt. 1, pp. 165—170. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 13.05.2024.

CREATION AND ACTIVITY OF FACTORY HOSPITALS IN IVANOVO-VOZNESENSK IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

Kirill Ye. Baldin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kealdin@mail.ru

Abstract. The article is the first attempt to consider the activities of small medical institutions that were established in the second half of the 19th century at almost all large and medium-sized factories and plants of such an important industrial center as Ivanovo-Voznesensk.

The article is based on the materials of the state archives of Ivanovo and Vladimir regions. Most of the employed archival materials have never been used for scientific research before. The article provides statistical data on the number of beds in the factory hospitals as well as on the medical personnel who worked in them. The author analyses a complex of various diseases and injuries with which workers sought medical attention in factory hospitals. As the study showed, specialists with higher education worked only on a part-time basis in these medical institutions. They examined sick workers only for 2 to 3 hours a day. Only medical assistants worked permanently in factory hospitals. Often, their professional qualifications were not enough to help a worker who had health problems. Thus, medical care in factory hospitals was of lower quality than in municipal hospitals or other medical institutions.

Keywords: factory legislation, working conditions of workers, medical care, industrial injuries, infectious diseases, medical workers

For citation: Baldin K. Ye. Creation and activity of factory hospitals in Ivanovo-Voznesensk in the second half of the XIX — early XX century, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*. 2024, iss. 3, pp. 134—144.

Информация об авторе / Information about the author

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

Baldin Kirill Yevgenyevich — Doctor of Sciences (History), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kebaldin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 145—151.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 145—151.

Научная статья

УДК 351.74(091)(470.315)''1917''

DOI: 10.46726/И.2024.3.17

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска)

Юрий Александрович Ильин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail

Аннотация. На материалах архива Иваново-Вознесенского и Владимирского подразделений «охранки», опубликованных на страницах демократической печати периода Февральской революции, раскрывается суть технологии работы политического сыска в провинциальном фабричном центре: методы вербовки тайной агентуры, кураторство осведомителей, их градация по категориям в зависимости от ценности добываемой информации, денежное вознаграждение. Приводится фактический материал и о сбоях, ошибках в деятельности жандармов. Предпринята попытка показать корпоративность интересов и понятие чести представителей жандармского и полицейского ведомств, их взаимодействие по охране самодержавного строя. Делается вывод о достаточной эффективности работы жандармерии Шуйского уезда Владимирской губернии и, в частности, г. Иваново-Вознесенска (развитая сеть агентуры, тесная координация с полицией, особое внимание к профилактическому направлению в своей деятельности, широкий интеллектуальный кругозор и профессионализм высокопоставленных чинов данной службы на уровне губернии и крайне примитивный подход к выполнению своей миссии со стороны их подчиненных на местах) в условиях стабильной общественно-политической жизни страны и региона. Но слаженный аппарат политической полиции не устоял перед революционным напором Февраля, объединившим все слои населения в намерении построить гражданское общество, а Россию превратить в свободное демократическое государство.

Ключевые слова: охранка, полиция, технология политического сыска, успехи и ошибки, корпоративность интересов и понятие чести представителей силовых структур

Для цитирования: Ильин Ю.А. Иваново-Вознесенское жандармское управление: технология работы политического сыска накануне Февральской революции (на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 145—151.

Для рассмотрения данного вопроса обратимся к материалам Иваново-Вознесенского и Владимирского подразделений «охранки». Вопрос непростой, ибо недостаточно снабжен источниками. Приходится ограничиваться материалами, взятыми из периодической печати г. Иваново-Вознесенска. Итак, начнем с вербовки секретных агентов. Из данных архивов Иваново-Вознесенского жандармского управления имеем возможность проследить алгоритм данной процедуры. Кстати, последняя была тщательно обкатана многолетней практикой. Представитель охранного отделения местного жандармского управления (или соседнего

регионального подразделения — правда, по предварительной согласованности с местными жандармами), одетый в штатское, являлся к городскому полицейскому или жандармскому начальству (на свое усмотрение, исходя из поставленных задач и плана действий) с целью получить информацию о подходящей кандидатуре для агентурной работы. Получив нужные данные кандидата (возраст, образование, профессия, политические взгляды, слабости, компрометирующие биографию факты и т. д.), вербовщик мог действовать самостоятельно, напрямую встретившись с отобранным лицом или через посредство местной жандармской и полицейской служб. Как правило, встречи проходили в людных местах, но в уединенных комнатах (чайные, трактиры, рестораны и т. п.). Путем принуждения и обещания благ (в частности, солидного вознаграждения, смотря по статусу кандидата в агенты), порой с использованием шантажа или патриотических чувств проходила вербовка. Подписывались соответствующие бумаги, агенту давались гарантии тайны его сотрудничества с «охранкой». Перед вновь испеченным осведомителем ставились задачи. Передача информации от агента осуществлялась или напрямую завербованному его лицу, или куратору из местного жандармского управления.

Вербовка в секретные сотрудники довольно успешно шла в г. Иваново-Вознесенске. За неполные 5 месяцев (май—октябрь) 1917 г. в архиве Иваново-Вознесенского жандармского управления были выявлены анкетные данные и донесения 13 агентов «охранки». Даже такой далеко неполный список агентуры был весьма солидным для города численностью 100—150 тысяч человек. Для сравнения: по материалам Московского охранного отделения на 1 января 1914 г. за ними числилось 42 секретных сотрудников [Овченко].

Была четкая градация секретных агентов жандармского управления по таким критериям: а) за кем числился агент, кто был его куратор; б) ценность информации агента, его высокая результативность. В соответствии с этими критериями сотрудники делились на подчиняющихся либо местному жандармскому управлению (г. Иваново-Вознесенск), либо помощнику начальника Владимирского губернского жандармского управления по Шуйскому уезду. Разумеется, разным было и денежное вознаграждение тайных осведомителей. Был в практике жандармерии и куратор из соседнего (и даже столичного) региона. Но, по всей видимости, предпринятая помощником начальника московской «охранки» Л.Н. Эрнстом попытка завербовать почтово-телеграфного чиновника г. Иваново-Вознесенска Н.А. Новикова была единственной и к тому же неудачной.

Кстати, этот случай репрезентативно раскрывает взаимоотношения охранительной и полицейской структур власти. Напомним, что 18 июня 1910 г. в гостинице Быстрова (г. Иваново-Вознесенск) по инициативе вербуемого лица Н.А. Новикова был арестован городовой № 67 и двумя казаками помощник начальника московского охранного отделения Л.Н. Эрнст. По этому поводу начальник Владимирского жандармского управления Л.С. Быстров на имя Иваново-Вознесенского полицмейстера Н.Л. Червяковского прислал письмо, где, в частности, говорилось: «Милостивый государь, Николай Людвигович, <...> имею честь просить Вас в самом непродолжительном времени уведомить подробно, на каком основании и чьему распоряжению был арестован подполковник Эрнст...» [Известия Иваново-Вознесенского...]. Полицмейстер в сдержано-вежливой форме намеками дал понять, что виной этому был сам Л.Н. Эрнст, совершивший непростительные для столь высокопоставленного жандармского чина элементарные ошибки в деле вербовки. Читаем его объяснения: «По просьбе г. Эрнст мною в кабинет был приглашен городской пристав Добротворский, и г-н Эрнст просил

последнего назвать кого-либо из почтово-телеграфных чиновников с целью добыть нужные сведения и установить агентуру.

Добротворский с моего разрешения указал на чиновника Николая Андреевича Новикова, человека во всех отношениях благонадежного, с ярко правыми честными политическими убеждениями. Я при этом позволил себе посоветовать устроить свидание с Новиковым через посредство его хорошего знакомого, помощника пристава Шишко, которого при этом следует безусловно посвятить, хотя отчасти, в цель свидания и безусловно в отношении личности г. Эрнст, чтобы избежать возможных недоразумений. Подполковник Эрнст отвергнул вторую часть моего совета, определенно и категорически потребовав, чтобы Шишко лишь привел Новикова на свидание, но не был осведомлен о его, г. Эрнст, служебном положении, не говоря уже о цели предполагаемых переговоров с Новиковым. О последнем г. Эрнст советовал держать в тайне данные и от местного жандармского надзора <...> Все это было в точности и беспрекословно выполнено...» [Там же]. Добавим к этому из письма, когда арестованный городовой № 67 и двумя казаками подполковник Эрнст был доставлен на квартиру полицмейстера Н.Л. Червяковского, то он тут же заявил, что «никаких преследований на действия полиции не имеет и просил только предупредить разглашение инцидента и сохранить по возможности его инкогнито...».

Подспудно в тексте объяснений Н.Л. Червяковского была заложена главная причина провала — самостоятельные действия подполковника Эрнста, его попытка без участия местной жандармерии и полиции завести агентуру на «чужой территории». А возможно, и устроить провокацию, успех которой бы позволил ее режиссеру отличиться на фоне посрамления местного жандармского и полицейского управлений. Далее Н.Л. Червяковский объяснял действия Н.А. Новикова тем, что у Л.Н. Эрнста при переговорах не было удостоверения местной полиции. Можно предположить, что неосведомленность помощника Шишко о личности Л.Н. Эрнста и цели его свидания с Н.А. Новиковым могли подвести последнего к мысли о провокации со стороны местных жандармов или использовании его как жертвы в преступных намерениях злоумышленников. Одним словом, за всеми этими словами в письме скрывалось недовольство самочинными («в строжайшей конспирации») действиями столичного гостя, проявленным им недоверием, сомнении в профессионализме местных охранителей общественного порядка. Думаю, что отправитель письма (Л.С. Байков) и ответчик на него (Н.Л. Червяковский) хорошо поняли друг друга, обменявшись в конце посланий шаблонными фразами: «Просим принять уверение в совершенном уважении и преданности».

Теперь поговорим о корпоративном духе отношений (иммунитет защиты интересов, понимание чести и долга) внутри жандармского и полицейского ведомств. Описанный нами выше казус, случившийся с подполковником Л.Н. Эрнстом, проливает свет и на этот аспект проблемы. Начнем с жандармского ведомства. Знакомые нам по делу 18 июня 1910 г. (Л.С. Байков и Л.Н. Эрнст) были выпускниками одного военного заведения — Тверское кавалерийское юнкерское училище. Первый — в 1878 г., второй — в 1883 г. [Генералитет российской...]

Л.Н. Эрнст именно к Л.С. Байкову обратился за содействием в организации агентуры на подведомственной тому территории, вместе с ним прибыл в г. Иваново-Вознесенск. Провалив свою миссию, подполковник Л.Н. Эрнст, будучи арестован и препровожден на квартиру полицмейстера Н.Л. Червяковского, в присутствии Л.С. Байкова заявил, что «никаких претензий на действия полиции не имеет и просил только предупредить разглашение инцидента и сохранить

по возможности его инкогнито...» [Известия Иваново-Вознесенского...]. То есть, по сути, Л.Н. Эрнст просил прощения у присутствовавшего Л.С. Байкова, что «наследил», проявил невольно неуважение к жандармскому подразделению вверенной Л.С. Байкову территории. Более того, недвусмысленно просил у него скрыть этот провал от своего начальства, руководства московской «охранки». Эта просьба в полной мере относилась и к полицмейстеру Н.Л. Червяковскому.

Возникает в связи с этим вопрос — почему Л.С. Байков, бывший свидетелем провала Л.Н. Эрнста, обратился в письменной форме к Н.Л. Червяковскому 23 июня 1910 г. с запросом, на каком основании Л.Н. Эрнст был арестован полицией г. Иваново-Вознесенска? Есть два предположения из обстоятельств, которые с полной вероятностью имели место на практике и в переписке Л.С. Байкова и Н.Л. Червяковского. Первое — выиграло у жандарма чувство «чести мундира», в его понимании нарушение корпоративности интересов вверенной им структуры. Вероятно, приходили и мысли, применительно к событию 18 июня, о явном соперничестве губернской и местной структур не только внутри ведомства, но и между жандармским и полицейским подразделениями внутри Владимирской губернии.

Второе предположение — Л.Н. Эрнст тяжело переживал этот провал, боялся, что этот инцидент может негативно отразиться на его карьерном росте. В связи с этим и попросил своего однокашника по учебе использовать свой авторитет для напоминания полицмейстеру Н.Л. Червяковскому о сохранении данного случая инкогнито. Надо признать, что тот из письма Л.С. Байкова это понял и сделал все, чтобы событие 18 июня осталось в тайне. По крайней мере, это не сказалось на дальнейшей карьере Л.Н. Эрнста: с 17 октября 1910 г. (до 17 января 1912 г.) он становится начальником Ломжинского губернского жандармского управления. 6 декабря 1910 г. получает чин полковника за отличие. С 17 января по 3 декабря 1912 г. занимает должность начальника Владимирского губернского жандармского управления, с 3 декабря 1910 г. по 11 июня 1913 г. становится начальником Костромского губернского жандармского управления, с 11 июня 1913 г. был прикомандирован к Московскому губернному жандармскому управлению, с 24 июля 1913 г. находился при нем в резерве [Русская армия...].

Вполне вероятно предположить, что дружеские связи продолжались между Л.С. Байковым и Л.Н. Эрнстом: в 1911—1912 гг. первый занимал должность начальника Ковельского губернского жандармского управления, а второй — должность руководителя Ломжинского губернского жандармского управления. Возможно, по рекомендации Л.С. Байкова с 17 января 1912 г. Л.Н. Эрнст стал начальником Владимирского губернского жандармского управления, правда, занимал эту должность недолго [Там же].

А теперь о корпоративности интересов и понимании чести в полицейском ведомстве. Обратимся еще раз к ответному письму Н.Л. Червяковского на обращение начальника Владимирского губернского жандармского управления Л.С. Байкова от 23 июня 1910 г. в той его части, где эта корпоративность ярко проявляется: «Никаких сознательных грубостей в отношении подполковника Эрнст со стороны нижних чинов полиции и стражи не было, а произошло лишь одно сплошное недоразумение, которое ни в коем случае не может быть поставлено в вину ни Новикову, ни тем менее городовому и стражникам, людям малограмотным и малоразвитым.

Об изложении, вследствие письма от 23 июня с. г. за № 4402, и уведомляю Вас...» [Известия Иваново-Вознесенского...]. Что скрывалось за этими словами? Предупредительно-уважительное отношение к Л.С. Байкову, ведомству,

которое он представляет; готовность сотрудничать в целях укрепления государственной безопасности, но каждая сторона на своей территории — причем не отказываясь от совместных акций ради общей пользы дела.

Говоря о достаточно высоком уровне профессионализма штата жандармских структур, надо иметь в виду в первую очередь кадры губернского масштаба. Они обладали умением выявлять причинно-следственные связи из динамики событий в относительно спокойной и бурной общественно-политической жизни страны и регионов. Что касается подчинявшихся им жандармам на местах, то последним явно не хватало такого полета мыслей, они были умелыми и дисциплинированными исполнителями задачи поддержания текущей политической ситуации.

В качестве свидетельства приведенного суждения используем материалы Иваново-Вознесенского жандармского управления, раскрывающего взаимоотношения местных жандармов и губернского жандармского управления в ходе грандиозной по своим масштабам экономической стачки текстильщиков Иваново-Кинешемского промышленного района на рубеже 1916/1917 гг. Из донесения начальника Владимирского губернского жандармского управления ротмистру Лызлову (г. Иваново-Вознесенск): «Секретно. От 12 января за № 45. Я удивляюсь Вашей манере: донести тревожные сведения и затем молчать и не осведомлять меня о дальнейшем течении положения дел.

Вы сообщили о забастовках, вызванных действиями Витова (известный иваново-вознесенский фабрикант. — Ю. И.) и не сообщили, продолжают ли фабрики бастовать или уже стали на работу, а если стали, то что именно повлияло на это. То же самое в Кохме. Кольчугино бастует, я ничего не знаю. Склады на товарной станции в Иванове горят, — я узнаю из столичных газет, но не от Вас.

Глядите на вещи поглубже, не думайте, что экономическая забастовка дело для Вас постороннее, ведь где кончается экономический и начинается политический характер Вы не знаете, и никто не знает; поэтому Вы должны взвешивать и учитывать каждый даже мелкий факт, каждый симптом, искать в своем уме разрешение вопроса об общих, а не частных причинах забастовки, сопоставлять их с поведением.

Нужно составить общие выводы положения дел, выводить общее обоснование заключения, которым со мною делиться.

Известно ли Вам, что у Полушина на фабрике подан печатный перечень требований рабочих? Читали ли Вы его? Нет ли в нем указаний на то, откуда оно идет и т. д. Ведь ничего, кроме сухих донесений, мне не представляется, да и те, как указано выше, не развиваются у Вас, а гаснут. Где разработки событий, где вникание в суть дела? Выступление Витова освещено Вами слабо и вряд ли правильно. Известно ли Вам его прошлое, его взгляды, его деятельность? Вам нужно быть в постоянном контакте с фабричной инспекцией. Ведь все Ваше дело — это рабочее дело, ведь, кроме фабрик и заводов, у Вас нет ничего.

Хотелось бы, при настоящих исключительных обстоятельствах, видеть Вашу работу более живою. Ожидаю донесений...» [Рабочий край: 1921, 13 июля].

Приведенный выше документ говорит о вдумчивом, пронизательном и дальновидном подходе главы владимирской жандармерии к оценке событий в Иваново-Кинешемском промышленном районе в те дни, с другой стороны — показывает трафаретность мышления и поведения местного жандармского управления.

Наиболее способные к аналитическому восприятию действительности жандармские офицеры быстро продвигались по служебной лестнице, примером

чему служат Л.С. Байков и Л.Н. Эрнст. Добавим к этому интенсивную ротацию кадров, цель которой выдвижение наиболее одаренных сотрудников на высокие посты, как правило, на должности начальников губернских жандармских управлений. Был и прагматический подход к явлению высокой сменяемости кадров: а) избегание явления «прирастания» сотрудников к местной элите (прикармливания их со стороны последних). Обычно кадры на губернском уровне перетасовывались через каждые 2—3 года, в годы первой мировой войны этот срок удлинялся до 5—6 лет; б) знакомство со спецификой места назначения; в) давние дружеские связи и поддержка внутри элиты силовых структур. Интересная деталь: в годы войны 1914—1917 гг. высокопоставленные жандармские чины с нерусской фамилией (чаще немецкой) переводились в резерв Московского губернского жандармского управления или Отдельного корпуса жандармов.

Подытоживаем: «охранка» как подразделение политического сыска начала XX в. по структуре, кадрам и результатам деятельности представляла собой слаженный механизм защиты самодержавного строя, хотя порой и наблюдались сбои в его деятельности. В условиях стабильной политической обстановки он вполне эффективно выполнял свои функции (пример г. Иваново-Вознесенска). Но внезапный революционный шквал Февраля, объединивший в едином порыве все слои населения, привел к блокировке данной структуры и тем самым разрушил ее.

Список источников

Известия Иваново-Вознесенского Революционного Комитета Общественной Безопасности. 1917. № 19, 8 апреля.
Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1921.

Список литературы / References

Байков Леонид Семенович // Генералитет российской императорской армии и флота. URL: http://www.rusgeneral.ru/gen/b/gen_b080.html (дата обращения: 22.03.2024).
(Bajkov Leonid Semenovich, *Generals of the Russian Imperial Army and Navy*. — In Russ.)

Овченко Ю.Ф. Московская «охранка» на рубеже веков // ХРОНОС. URL: <https://www.hrono.ru/statii/2006/ovchenko.html> (дата обращения: 22.03.2024).
(Ovchenko Ju.F. Moscow “security” at the turn of the century, *HRONOS*. — In Russ.)

Эрнст Леонид Николаевич // Офицеры русской императорской армии. URL: https://ria1914.info/index.php/Эрнст_Леонид_Николаевич (дата обращения: 22.03.2024).
(Ernst Leonid Nikolayevich, *Officers of the Russian Imperial Army*. — In Russ.)

IVANOVO-VOZNESENSK GENDARMERIE DEPARTMENT: THE TECHNOLOGY OF POLITICAL INVESTIGATION ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION (based on the materials of the democratic press of Ivanovo-Voznesensk)

Yuri A. Ilyin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail

Abstract. Based on the materials of the archive of Ivanovo-Voznesensk and Vladimir divisions of the tsarist secret police, published on the pages of the democratic press of the period of the February Revolution, the essence of the technology of political investigation in the provincial factory center is revealed: methods of recruiting secret agents, the supervision of informants, their gradation by category depending on the value of the information obtained, monetary

remuneration. Provided also is some information on failures and errors in the activities of the gendarmes. An attempt has also been made to show the corporatism of interests and the concept of honor of representatives of the gendarmerie and police departments, their interaction in protecting the autocratic system. The author comes to the conclusion concerning the sufficient effectiveness of the work of the gendarmerie of the Shuisky district of the Vladimir province. It is particularly true of the city of Ivanovo-Voznesensk: a developed network of agents, close coordination with the police, special attention to the preventive direction in their activities, broad intellectual horizons and professionalism of high-ranking officials of this service at the provincial level and an extremely primitive approach to fulfilling their mission by their local subordinates. It all worked quite well in conditions of stable socio-political life of the country and the region. However, the well-coordinated apparatus of the political police could not resist the revolutionary pressure of February, which united all segments of the population in the intention to build a civil society, and turn Russia into a free democratic state.

Keywords: okhrana, police, technology of political investigation, successes and mistakes, corporatism of interests and the concept of honor of representatives of law enforcement agencies

For citation: Ilyin Yu.A. Ivanovo-Voznesensk Gendarmerie Department: Technology of Political Investigation on the Eve of the February Revolution (based on the materials of the Democratic Press of Ivanovo-Voznesensk), *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 145—151.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.02.2024; approved after review 27.03.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Ilyin Yuri Alexandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 152—161.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 152—161.

Научная статья

УДК 13:165

DOI: 10.46726/И.2024.3.18

СОЗНАНИЕ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ И КОГНИТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. Философы Древней Греции не знали слова «сознание». Однако они много рассуждали о человеке и познании. Причем процесс познания связывали непосредственно со способностью созерцать порядок вещей, придавая этой способности особый смысл, соизмеримый с интеллектуальной добродетелью, мудростью философа. Аристотель побуждает к изучению философии, приглашает к созерцанию и высшим благом провозглашает мышление. Впоследствии мышление стало означать житейскую мудрость, сохраняя значение идей. Само понятие «идея» становится выражением духовного образа, который можно охватить мыслью, «схватить» в понимании, т. е. осознать. Появление философии сознания связано с фундаментальностью самой проблематики, междисциплинарной направленностью исследований, что порождает разнообразие подходов к сознанию и формулирование хорошо обоснованных концепций сознания. В качестве объекта научной теории сознание рассматривается исключительно как объект, согласующийся с многообразием фактов эмпирического характера. Конкретные дисциплины, изучающие различные когнитивные проявления человеческого сознания, выдвигают собственные, часто сугубо дисциплинарные подходы, которые тем не менее нуждаются в адекватной философской интерпретации. Современные исследователи учитывают факт зависимости между конкретным состоянием сознания и всей когнитивной системой человека. Отсюда в отношении сознания у нас может быть как минимум два подхода — конкретно-научный, требующий ознакомления с многообразием эмпирических данных психических процессов, и философский. По-видимому, именно сочетание этих двух подходов в понимании сущности сознания — и как феномена, и как специального понятия в междисциплинарных поисках — представляется уместным и эффективным.

Ключевые слова: познание, стиль мышления, сознание, философские основания, критерии рациональности

Для цитирования: Шульга Е.Н. Сознание в историко-философском и когнитивном дискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 152—161.

Введение. Рассматривая историю зарождения дисциплин, изучающих различные аспекты проблемы соотношения языка и мышления, познания и понимания, следует начать с того, что одна из древних дисциплин — это филология, «любовь к слову». Она возникла из практических запросов, связанных

с переводческой деятельностью, где понимание значения каждого слова, отдельного высказывания, речи или текста было непосредственно связано с правильной интерпретацией. Эта же традиция отношения к смыслу слова формируется и в недрах античной герменевтики, ориентированной на соотношение понимания и интерпретации. Обе указанные дисциплины имеют длительную историю формирования собственной предметной области, однако именно античная герменевтика оказывается ближе к философии по характеру решения своей основной задачи — выдвигению принципов интерпретации в соответствии со спецификой изучаемых ею текстов. Другими словами, герменевтика опирается на понимание смысла каждого слова изучаемого текста, извлекая и реконструируя смысл из его содержания и придавая тексту то целостное смысловое значение, которое соответствует его предметному и культурно-историческому значению.

Однако понимание смысла каждого слова неминуемо приводит к необходимости понимания «вечных» смыслов, формирующих мировоззренческий фундамент каждого текста, отражающий как позицию его автора, так и картину мира его современников. И здесь ключ к этим смыслам дает еще одна дисциплина — философия, существующая уже более 2,5 тыс. лет. Она постоянно расширяет предметную сферу своего исследовательского интереса и проблематику, совершенствует методы исследования, использует понятийный язык других наук и при этом формирует собственный философский лексикон.

Само слово «философия» первым стал употреблять Пифагор. Об этом свидетельствуют исторические источники, повествуя, что в то время, когда Пифагор был в Пелопоннесе, некий человек по имени Леонтий спросил его, какова его профессия. Пифагор ответил: «я — философ», что в буквальном смысле означало «друг мудрости». Так впервые Пифагор обозначил сущность той деятельности, которой он сообща занимался с учениками, поясняя, что философия — это еще и «любовь к мудрости», поэтому философ — «друг мудрости». Таким образом, философия как реализация любви к мудрости посредством совместного постижения знания получила название «дружба». Тем самым слово «дружба» становится вторым (скрытым от непосвященных) определением значения слова «философия». Отсюда можно сделать вывод, что мудрость философа, о которой говорит Пифагор и к которой обращаются представители других философских школ и мыслители последующих эпох, выражает не только определенную склонность ума, наряду с обладанием неким объемом знаний, но и мудрость философа, которая проявляется как способ реализации высшей человеческой способности — способности постижения истины. Развитие этой способности Пифагор связывал с размышлением, поэтому «размышлять для него означало развивать в себе высшие свойства человека» [Льюис: 42].

В настоящее время, определяя предмет философии как совместное (с предшественниками и учениками) постижение и объяснение организации мира, явлений природы и самого человека, мы выделяем главные функции современной философии по отношению к различным наукам и типам знания. Это эвристическая функция, основанная на методологии философского и научного познания, которая реализовывается в процессе исследования. Она способна привести исследователя к новаторскому результату и актуальным идеям при условии, что этот ученый умело использует багаж философской методологии. Например, действуя в определенной парадигме, сочетает философские, общенаучные и специальные методы для решения проблемы и конкретной исследовательской задачи. Культурно-историческое значение философии состоит в ее мировоззренческой функции. Именно мировоззрение позволяет раскрыть истинную

сущность вещей и процессов, происходящих в окружающей действительности, исходя из обобщения смысла результатов, полученных в различных областях научного познания, поскольку мировоззрение создает научную картину мира. Таково в общих чертах значение философии для науки. При этом изначальная направленность философской мысли на познание человека, призыв античных философов познать «самого себя», оптимистическая вера в способность рационального человека познать себя и собственное «Я» сохраняет свою актуальность на протяжении многих веков.

Философия как образ жизни. Важным эпистемологическим моментом в развитии философского знания является поиск ответа на вопрос: существует ли зависимость между стилем мышления отдельного ученого (философа), его образом жизни и тем, чему он учит, передавая свои знания другим? Иными словами, является ли актуальной для жизнедеятельности философа та концепция или идея, которую он формулирует и обосновывает, отстаивая принципы той философской школы, к которой он принадлежит? Отвечая на эти вопросы, обратимся к истории философии.

Напомню, что в античности наибольшую известность получили шесть школ: платонизм, аристотелизм, стоицизм, кинизм, эпикуреизм и скептицизм.

Для образа жизни стоиков важны были скромность и моральная строгость, которые представители этой философской школы проявляли в обычной жизни. Рассуждая о справедливости в контексте человеческой деятельности и самооценки поступков, стоики учили, что только правильное поведение доставляет человеку единственное подлинное удовлетворение. Поскольку добродетель человека проявляется в качествах души, сообразных разуму, то и правильный взгляд на происходящее выражается в том, что следует делать надлежащим и что допускать. Например, римский стоик, губернатор провинции Азии Квинт Муций Сцевола, а вслед за ним и все члены его семьи, применяли к себе законы, изданные против роскоши. Сцевола даже «сделал вопросом чести, в отличие от своих предшественников, оплачивать свое пребывание в Азии из своих собственных средств, принудив к этому и собственное окружение поступать так же и положить конец злоупотреблениям римских сборщиков налогов» [Адо: 155].

Интересно и то, как представителей различных философских школ воспринимали обычные люди. Пьер Адо указывает, например, что платоники считались гордецами, эпикурейцы имели репутацию людей неприхотливых в еде и в быту и считались людьми, которые ведут очень простой образ жизни. Направление их философской мысли было связано с умением находить удовольствие в повседневности и наслаждаться радостью простого существования, поддерживать душевное равновесие и сохранять спокойствие при любых жизненных ситуациях. Для этого эпикурейцы стремились ограничивать свои желания уже на том только основании, что для счастья и ощущения полноты жизни философу-эпикурейцу совершенно не требуется желать богатства или славы. Поэтому и в обычной жизни следует придерживаться только необходимых желаний, например, быть сдержанным в еде, но не в дружбе. Дружбе эпикурейцы придавали очень важное значение.

Образ жизни киников, которые отвергали условности повседневной жизни своих сограждан и их менталитет, известен нам из истории Диогена, который жил в бочке, отличался остроумием и непреклонной волей. Киники разделяли людей на мудрецов и глупцов, презирали изнеженность своего времени и находили излишней для мудреца участие в государственной жизни, поскольку, согласно их философии, мудрец — тот тот, кто полностью свободен и сам

является прирожденным повелителем и гражданином мира. Свое подчеркнуто демонстративное равнодушие к жизни они доказывали добровольным уходом от нее, но при этом свое особое призвание киники видели в проповеди нравственности и врачевании душ тех людей-маргиналов, которые остро нуждались в их непосредственном участии или нравственном исправлении.

Жизненная установка платоников полностью соответствовала учению Платона и проявлялась в нескольких аспектах: в заботе об осуществлении политического влияния, в поддержании сократической традиции рассуждать и дискутировать в соответствии с сократовским методом, который состоял в искусстве задавать вопросы и находить на них правильные ответы; наконец, в поддержании идеи о том, что «жизнь должна быть жизнью мысли, жизнью согласно разуму, духу» [Там же: 157].

В аристотелевской традиции жизнь философа и специфика его творческой мыслительной деятельности наиболее близки тому образу ученого, который актуален и в наши дни. Стиль мышления философа Аристотель описывает как теоретический, то есть тот, в котором философ созерцает вещи, рассуждая в последовательности, соответствующей представлению о конечной цели своего рассуждения. Такой подход к исследовательской деятельности обусловлен тем, что Аристотель ясно сознавал относительную независимость разных наук. При этом он придерживался того мнения, что так называемое полное знание может быть только результатом всестороннего опыта, что соответствовало представлению о фундаментальном характере самой философии и поддерживало известную традицию, связанную с приоритетом опытного знания: опыт, наблюдение, анализ и обобщение составляли ядро традиционного для греческих мыслителей подхода к познанию, оцениваемому с точки зрения его обоснованности.

Аристотель обращал внимание на тот факт, что логики, физики и математики, проводя свои исследования и приходя к обоснованным выводам, опираются на принципы тех наук, в предметной области которых осуществляется рассуждение. Аристотель различает три основные области знания: практические науки, созидательные и теоретические [Аристотель: 175—177]. Теоретические, или умозрительные, науки отличаются от практических по цели и предмету. Их цель непосредственно связана с познанием, в то время как практическое знание нацелено на то, чтобы определять средства воздействия людей на ход событий. Специфические черты практического знания наиболее отчетливо представлены в этических трудах Аристотеля, связанных с системой воспитания, а также в политических трудах, посвященных государственному правлению. Так, в труде «Политика» (книга VII и VIII) представлена теория государства, каким его хотел видеть Аристотель. Важно при этом отметить тот факт, что, согласно Аристотелю, этика подчинена политике. Отсюда и поиск условий соединения личной свободы и государственного порядка.

Отразилась ли эта философия Аристотеля на его личности и судьбе? Ответ можно найти в его сочинениях и в биографических сведениях. Например, Диоген Лаэртский приводит множество афоризмов, которые характеризуют личность Аристотеля. Он пишет: «Об учении он говорил так: “Корни его горьки, но плоды сладки”. <...> Воспитание, говорил он, нуждается в трех вещах: в даровании, науке, упражнении. Когда ему сказали, что кто-то бранит его заочно, он сказал: “Заочно пусть он хоть бьет меня!” <...> На вопрос, какую он получил пользу от философии, он ответил: “Стал делать добровольно то, что другие делают в страхе перед законом”. На вопрос, как ученикам преуспеть, он ответил: “Догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто позади”» [Диоген Лаэртский: 210—211].

В философской литературе часто сравнивают Платона и Аристотеля. Например, если Платон признавал, что наука должна иметь дело только с общностями, то Аристотель рассматривал общности как результат индукции или вывода из частных фактов; он побуждал человека наблюдать и вопрошать природу, а в частных фактах отыскивать общие идеи. Платон же основой науки считал разум и учил созерцать идеи. Он полагал, что одни только ощущения еще не создают науку, поскольку наука должна быть основана на общих истинах. Признавая это положение своего учителя, Аристотель поставил перед философией новую задачу — показать, как можно получить научное знание.

Надо заметить, что философы Древней Греции не знали слова «сознание». Однако они много рассуждали о человеке в контексте познания. Причем процесс познания связывали непосредственно со способностью созерцать порядок вещей, придавая этой способности — “*Sophia*” — особый смысл, соизмеримый с интеллектуальной добродетелью, мудростью философа. Аристотель сравнивает способность к созерцанию со способностью быть счастливым, утверждая, что в ком в большей степени присутствует способность к созерцанию, в том — и способность быть счастливым, и поскольку созерцание ценно само по себе, то и счастье является видом созерцания.

Согласно Аристотелю, стремление (*orexis*) является единственным источником мотивации всех действий — как разумных, продиктованных желанием и рациональным стремлением, так и осуществляемых под воздействием аффектов или влечений. Любые действия имеют один источник мотивации — разум, поскольку только разум дает человеку решения. Наряду с разумом и представлением, греческие философы признают в человеке такую способность, как воображение. Однако только ум и стремление движут человеком; стремление — это всегда стремление к цели, а цель полагает практический разум (Аристотель, «*О душе*»). В трактате «Протрептик» (или «Увещание» — жанр философских произведений, получивший в дальнейшем широкое распространение) Аристотель побуждает к изучению философии, приглашает к созерцанию и высшим благом провозглашает мышление. Впоследствии мышление стало означать житейскую мудрость, сохраняя значение идей. И если у Платона цель философии — созерцание запредельного мира идей, то для Аристотеля — это наблюдение и исследование, которое ведет к высшей цели. Поэтому само понятие «идея» становится выражением духовного образа, который можно охватить мыслью, «схватить» в понимании, т. е. осознать.

Трудные вопросы сознания. Для современной философии описание становления идей, связанных с проявлением когнитивных способностей человека, имеет отношение к различным направлениям исследовательского поиска, в том числе к проблеме сознания и к тому, как этот феномен предстает в понимании ученых и философов.

На первый взгляд, проблематика сознания представляет интерес исключительно для представителей естественных наук, где сознание рассматривается как важнейший фактор жизнедеятельности человеческого организма, например, в медицине или психологии. Появление философии сознания связано с фундаментальностью самой проблематики, междисциплинарной направленностью исследований, что порождает разнообразие подходов к сознанию и формулирование хорошо обоснованных концепций сознания. Сложность самого объекта исследования не вызывает сомнения. При этом можно предположить, что при рассмотрении проблематики сознания согласование усилий философов науки и эпистемологов может быть вполне продуктивным.

Прежде всего, в силу того, что философы науки, обозначая границы участия различных научных дисциплин в познании феноменов сознания, фокусируют внимание на содержательной стороне любых концептуальных построений, дают им оценку.

В качестве идеализированного объекта научной теории сознание рассматривается исключительно как объект, согласующийся с многообразием фактов эмпирического характера. Конкретные дисциплины и научные направления, изучающие различные когнитивные проявления человеческого сознания, факторы его функционирования, выдвигают собственные, часто сугубо дисциплинарные подходы, которые тем не менее нуждаются в адекватной философской интерпретации. Так, оценивая имеющиеся знания о сознании, современные эпистемологи настаивают на поиске методологических оснований концепций сознания. Философы выдвигают новые подходы, оцениваемые с позиции их адекватности в рассмотрении внутренней природы сознания и характеризуемые согласно тем философско-методологическим установкам, которые представляются наиболее эффективными в понимании организации знания вокруг данного объекта.

Обоснование философии сознания связано с эпистемологической оценкой той теоретической сферы, которую современные исследователи стали характеризовать не иначе как «трудные вопросы сознания», подразумевая при этом описание, анализ и даже критику имеющихся моделей сознания. Например, когнитивная модель сознания Дэниела Деннета основывается на представлении о влиянии на человека различных видов информации, поступающей в мозг. Это информация перцептивного и речевого характера, относящаяся к кратковременной или долговременной памяти. В самом общем виде данную когнитивную модель сознания можно характеризовать как рассматривающую влияние различных видов информации на контроль за поведением. В дальнейшем Деннет дополняет свою концепцию, обращаясь к эволюционной биологии, к данным нейронауки и к работам по искусственному интеллекту. Оценивая когнитивную модель сознания с точки зрения ее полноты, Дэвид Чалмерс подчеркивает: «Она провокативно трактует некоторые из наших когнитивных способностей, но, как и предшествующая модель, ничего не говорит о том, почему эти способности должны сопровождаться сознательным опытом» [Чалмерс:150].

Не лишена недостатков и нейрофизиологическая концепция сознания, поскольку вопрос о том, почему психологические критерии сознания (внимание, контроль, вербальная оценка) должны сопровождаться сознательным опытом, остается без ответа. Такая оценка известных концепций сознания дает шанс для изучения в дальнейшем зависимостей между психологическими свойствами человека и его сознательным опытом.

Для уточнения участия эпистемологии в преодолении трудностей постижения знания о сознании, обратимся к имеющимся результатам общеметодологического характера, связанным с теорией рациональности.

Эпистемология рациональности. Современная эпистемология, описывая условия рациональности, выдвигает хорошо аргументированные положения, которые отвечают критерию рациональной деятельности в науке, и эти критерии могут быть использованы с целью выдвижения концептуальных положений философии сознания. Эти критерии можно представить в виде последовательности исследовательских шагов, которые являются универсальными, поскольку их можно применять как в отношении научного, так и философского знания, а следовательно, и в области проблематики сознания.

Рациональный путь научного исследования должен соответствовать следующим критериям, и он предполагает:

во-первых, упорядоченность знания в области исследования сознания. Целостность такого знания поддерживается благодаря согласованию различных сведений о специфике функционирования сознания. В теоретическом смысле это означает, что ученый должен согласовывать между собой используемые понятия с целью упорядочивания используемой аргументации, направленной на обоснование выдвигаемых концептуальных положений;

во-вторых, ученый должен строго соблюдать последовательность этапов решения общей проблемы. Это отвечает одному из основных методологических требований: движения мысли от простых задач к более сложным, что, в свою очередь, порождает новые вопросы или приводит к новым аспектам рассматриваемой проблемы.

Безусловно, концептуальное обоснование первоначально может ориентироваться исключительно на эмпирическое подтверждение знания (такое знание, как мы знаем из истории философии, называется практическим знанием). Неслучайно концептуальное обоснование начинается с рассмотрения «истории вопроса», истории проявления интереса к изучаемому объекту. Этот этап исследования отвечает главному методологическому требованию — соблюдению преемственности знания. В случае ориентации только на эмпирические сведения или использования эмпирического опыта в качестве основополагающего принципа исследователи не ставят перед собой задачу построения теории, но могут ограничить исследование рамками «исследовательской программы». Этот подход уместен и в отношении философии сознания, поскольку поиск теоретических оснований философии сознания может осуществляться в рамках такой программы. На этапе выбора исследовательской программы определяются границы исследования, что в конечном итоге позволяет уточнить конкретные аспекты проблематики. С философской точки зрения уточнение границ познания феномена сознания становится важнейшей эпистемологической установкой для тех исследователей, кто выдвигает и стремится обосновать собственную концепцию. Во всех случаях анализ должен быть всесторонним, и он связан с выходом исследования на фундаментальный уровень, благодаря которому как раз и происходит проникновение в сущностные характеристики сознания.

Итак, выдвижение философской концепции сознания должно отвечать следующим критериям рациональности:

- 1) концепция должна быть непротиворечивой в своей аргументации;
- 2) должна обладать философским смыслом;
- 3) она должна быть открытой для критики.

Следует подчеркнуть важность именно этих методологических требований в обосновании концепции и ее перспектив, связанных с «критикой». Дело в том, что «открытость для критики» соответствует открытости знания, но не в смысле «открытого» доступа к знанию всех, кто в нем заинтересован, а в направленности процесса познания к получению новых результатов или иных аспектов знания о сознании, которые еще не были до конца прояснены. Фактор «открытости к критике» не должен смущать исследователей. Напротив, исследователь должен ясно осознавать, что этот принцип творчества в науке уместен и отвечает основной направленности развития знания в его движении «от проблемы к проблеме».

В описании сознания обычно используют такие понятия, как феноменальность, интенциональность, самоактивность, саморефлексивность; рассматривают

сознание в связи с моралью, выражением творческой интенции, проявлением целеустремленности, ответственности или свободы воли и т. д. Все это дает исследователям огромный материал для выдвижения собственных концепций сознания на основе сопоставления различных аспектов исследования осознанной деятельности человека или в зависимости от той категории, которая рассматривается в качестве центральной в таком сопоставлении.

Обращаясь к истокам наших представлений о том, как формировалось знание: философское, преднаучное, конкретно-научное, следует напомнить, что классическая европейская традиция, восходящая к античности, была нацелена на выявление единых начал и сверхчувственных принципов бытия, обнаруживая их как на уровне макрокосма (природы как универсума), так и на уровне микрокосма (универсумы познания человеческой сущности). Для древнегреческих мыслителей таким единым «началом» являлся *логос* (слово, закон, сущность всех вещей). Философы всегда признавали ценность человеческого разума и его способность познавать и выражать в слове (в понятии) сущность вещей. Любые познавательные усилия человека греки определяли степень его приобщенности к пониманию смысла этого единого организующего принципа, причем степень «приобщенности», т. е. способностью постигать основные начала миропорядка, определялась ценностью самого знания о нем.

Итак, философский взгляд на мир способствует расширению сферы умопостижимого. Если первые опыты философского осмысления человеческого мышления и познания были связаны с признанием дуальности души и тела, физического и психического, чувства и разума, то появление представлений о сверхчувственном опыте развивается вместе с разделением мира на умопостижимое, т. е. то, что можно постичь собственным умом, и то, что зримо (наблюдаемо, очевидно).

Концептуальный поворот в философии сознания, в познании сверхчувственных проявлений разума связан с распространением христианства. Согласно христианскому миропониманию, любые выражения человеческой мысли, в особенности наиболее яркие проявления разума и сознания — это проявления искры божественного разума. Признается спонтанность душевных выражений человека (его страстей) и активность его интеллектуальных устремлений, проявляющаяся как в *самопознании*, так и в опыте самоуглубленных размышлений (о самом себе, о Боге, о способах общения с высшим разумом и т. п.).

Одна из самых интересных и радикальных концепций сознания реконструируется на основе теории познания, развиваемой Декартом, для которого сознание — это субстанция особого рода. Лейбниц, которые учил, что монады — это неделимые первоэлементы бытия, вводит в научный оборот понятие апперцепции как акта перехода восприятий и бессознательных психических переживаний в четко осознаваемые представления, которые исходят от самого человека, т. е. принадлежат его сознанию. Тем самым впервые осознаваемые субъективные состояния человека становятся объектом научного и философского исследования. Со временем, наряду с распространением знания о специфике функционирования сознания, появляются и новые концепции сознания. Так, физиологическое учение о сознании, которое характеризуется как функция мозга, способствовало распространению множества принципиально новых взглядов на сознание как продукт деятельности мозга. Эта позиция стала отправной точкой в появлении более широких концепций. В них сознание рассматривалось в связи с самопознанием и проявлением воли, высших психических потребностей и представлений о ценности и т. д. Все эти концепции исходили из общего,

объединяющего их утверждения, что только благодаря деятельности головного мозга человек получает способность мыслить и получать знания о самом себе. Таким образом, *мыслить о самом себе* как раз и есть результат деятельности сознания, и такова его дефиниция.

Современные исследователи сознания не ограничиваются этой дефиницией, но рассматривают феномены сознания, учитывают факт зависимости между конкретным состоянием сознания и всей когнитивной системой человека. Это позволяет сделать вывод, что в отношении сознания у нас может быть как минимум два подхода — конкретно-научный, требующий ознакомления с многообразием эмпирических данных относительно психических процессов и деятельности головного мозга, и философский. По-видимому, именно сочетание этих двух подходов в понимании сущности сознания — и как феномена, и как специального понятия в междисциплинарных поисках — представляется уместным и эффективным. И такой вывод вполне правомерен. Дело в том, что существует специальный метод рассуждения, который позволяет отличить важное от несущественного. В философии такой способ размышления, восходит к античной философии, и он называется *философским анализом*. Но его применяют и вне философии — всюду, где актуальна задача посредством анализа проникнуть в сущность исследуемой проблемы.

Заключение. Мыслить, рассуждать на сущностном уровне — это значит изучить явления, открыть глубинные стороны организации окружающей действительности, постичь ее структуру, например, структуру сознания, его фундаментальные основания, решать загадки человеческого *Я* или познавать закономерности организации многообразных форм живого и т. д. Все это порождает новый вопрос: *что* открывает нам эту глубинную сторону организации миропорядка? Для мыслителей Древней Греции это был вопрос о том, что является основой (*arche*) действительности? Сегодня философы ставят вопрос иначе, но в отношении сознания направление их поиска продолжает традицию — они рассматривают сознание как специфическую деятельность мышления на его фундаментальном, сущностном уровне.

Список литературы / References

- Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанной Карлис и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с фр. В.А. Воробьева. Челябинск: Социум, 2010. 288 с.
(Ado P. Philosophy as the way of life, Chelyabinsk, 2010, 288 p. — In Russ.)
- Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
(Aristotle. Metaphysics, Moscow, 448 p. — In Russ.)
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступ. ст. Ф.М. Лосева. М.: Мысль. 1979. 620 с.
(Diogenes Laertius. The lives, opinions and remarkable sayings of the most famous ancient philosophers, Moscow, 1979. 620 p. — In Russ.)
- Льюис Дж.Г. История философии. Перевод с последнего английского издания. СПб: Издание В.Д. Вольфсона, 1892. 684 с.
(Lewis J.G. History of philosophy, St. Petersburg, 1892, 684 p. — In Russ.)
- Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРРС: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
(Chalmers D. The conscious mind: in search of a fundamental theory, Moscow, 2013. 512 p. — In Russ.)

CONSCIOUSNESS IN HISTORICAL-PHILOSOPHICAL AND COGNITIVE DISCOURSE

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Abstract. The philosophers of ancient Greece did not know the word “consciousness”. However, they talked a lot about man and knowledge. Moreover, the process of cognition was directly associated with the ability to contemplate the order of things, giving this ability a special meaning, commensurate with the intellectual virtue and wisdom of the philosopher. Aristotle encourages the study of philosophy, invites contemplation, and proclaims thought to be the highest good. Afterwards thinking began to mean worldly wisdom, while preserving the meaning of ideas. The very concept of “idea” becomes an expression of a spiritual image, which can be embraced by thought, “grasped” in understanding, i. e. realized. The emergence of the philosophy of mind is associated with the fundamental nature of the problems themselves, the interdisciplinary orientation of research, which generates a variety of approaches to consciousness and the formulation of well-grounded concepts of consciousness. As an object of scientific theory, consciousness is considered exclusively as an object consistent with a variety of facts of an empirical nature. Specific disciplines that study various cognitive manifestations of human consciousness put forward their own, often purely disciplinary approaches, which, nevertheless, need adequate philosophical interpretation. Modern researchers take into account the fact of the dependence between a specific state of consciousness and the entire cognitive system of a person. Hence, in relation to consciousness, we can have at least two approaches: concrete-scientific, which requires familiarization with the variety of empirical data of mental processes, and philosophical. Apparently, it is the combination of these two approaches in understanding the essence of consciousness — both as a phenomenon and as a special concept in interdisciplinary research — that seems appropriate and effective.

Keywords: cognition, style of thinking, consciousness, philosophical foundations, criteria of rationality

For citation: Shulga E.N. Consciousness in historical-philosophical and cognitive discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 152—161.

Статья поступила в редакцию 24.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.05.2024; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Shulga Elena Nikolaevna — Doctor of Sciences (Philosophy), leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 162—168.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 162—168.

Научная статья

УДК 111:14

DOI: 10.46726/И.2024.3.19

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕД-СТРУКТУРЫ И СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВ СОЗНАНИЯ

Николай Николаевич Кожевников

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Вера Софроновна Данилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Россия, vs.danilova@s-vfu.ru

Аннотация. Структуры бессознательного, пред-сознания, сознания могут быть эмоциональными, знаковыми, мысленными, вербальными и т. п. Эволюция этого процесса шла от животных, к человекообразной обезьяне и далее к человеку, индивидууму, личности. Структуры сознания наглядны, обладают устойчивостью, иерархией, особым кодом, набором опорных ритмов, способностью к самоорганизации. В развиваемом подходе рассматриваются не сами пред-структуры и структуры сознания, а то, что стоит над ними — границы равновесных частей особи (человека, индивида, личности) с одной стороны и окружающей среды (уровня мира) с другой стороны. Взаимодействие с уровнем структурного равновесия можно рассмотреть через одинаковость алгоритмов взаимодействий разнородных субстанций мира (особи, человека, личности) и ритмических взаимодействий, что широко распространено в мире, обществе, духовной сфере, а также в динамических аспектах религий. Это внутренний взгляд на эти структуры. Взаимодействие между равновесными частями человека (индивидуума, личности) и окружающей его средой можно рассматривать с точки зрения равновесных границ различных видов искусства, а также статических аспектов религий. Это взгляд, ориентированный на эти структуры «извне». Особенно наглядна роль, которую играют в этих границах молитвы и их заместители. Онтологические и метафизические структуры молитв устремлены к Богу, Высшим силам мироздания. Развиваемый подход позволяет перекидывать мост от структур пред-сознания и сознания к областям существования человека, индивида, личности через их равновесные части. Главным критерием при этом является ориентация на фундаментальные границы между равновесиями мира вещей мира и равновесными частями окружающих сред и уровней мира.

Ключевые слова: структура, равновесие, человек, личность, равновесная часть, окружающая среда, уровень мира

Для цитирования: Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Онтологические пред-структуры и структуры языков сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 162—168.

Введение. На всех уровнях мира: органически-живом, души, исторически-духовном — сознание всегда стремится опереться на устойчивые, равновесные структуры хаоса и порядка. На трех этих уровнях саморазвивающейся вещью являются соответственно особь, индивидуум, личность. Возможно, подобные пред-структуры формируются и на материально-физическом уровне.

Структуры бессознательного, пред-сознания (термин психоанализа), сознания разнообразны, они могут быть эмоциональными, знаковыми, мысленными, вербальными и т. п. Генезис этого процесса относится к временам существования на планете одних животных, находя свое развитие у десятка «умных животных» с объемом мозга в пересчете на семьдесят килограммов веса до 500 см³. Затем он продолжился у человека, индивидуума, личности. Бессознательное — это преимущественно область хаоса, структуры здесь только намечаются, они, если появляются, то остаются недолговечными, зато границы их равновесных частей устойчивы и доступны для взаимодействий. Структуры пред-сознания обеспечиваются связанными психическими процессами. Структуры сознания наглядны, обладают устойчивостью, иерархией, особым кодом, набором опорных ритмов, способностью к самоорганизации.

Устойчивые взаимодействия индивидуума, личности с окружающей средой и уровнем равновесия мира. Пред-сознание и сознание в своем развитии может опираться на структуры следующих областей существования человека: знаков, познавательного процесса, деятельности, взаимодействия с окружающей средой, взаимодействия с уровнем структурного равновесия. В реальных условиях эти структуры тесно переплетены.

Состояния бессознательного, пред-сознания, сознания могут быть нескольких основных типов: 1) ориентированными на порядок, способными к эволюции развития, самоорганизации; 2) ориентированными на состояния хаоса, деградацию, саморазрушение; 3) нейтральные состояния, исследования которых началось еще в Древней Греции («эпохе»). Особый интерес представляют состояния развития сознания и границы между их равновесными частями и равновесными частями окружающей среды, а также уровнями организации мира, к которым принадлежат особь, индивид, личность. Возникновение этих структур обусловлено воздействием извне и само-организационными процессами внутри особей животного мира, человека, индивидуума. Извне поступают ритмы устойчивых природных образований, изнутри — стремление связать найденное внутреннее равновесие с внешним.

Пред-структуры языков сознания животных ориентированы на поиск устойчивого равновесия особи с окружающей средой. Индивид и личность также стремятся обрести устойчивое равновесие с окружающей средой посредством фундаментальных произведений литературы, живописи, музыки — искусства в целом. Великие произведения искусства опираются прежде всего на взаимодействия индивида, личности с их равновесными частями. Например, в поэзии это сочетание внешней рифмы с рифмой внутренней. В живописи сюжет дополняется стилем, манерой изложения, техникой письма. В музыке — это ритмы основной темы и ритмы вариаций, аранжировки. Их общее состояние обеспечивает гармонию в контексте опорного ритма. Следует отметить, что ритмы поэтических и музыкальных произведений связаны не только со средой, но и с самим уровнем структурной организации мира.

Следует выделить две области, с которыми взаимодействует особь (человек, индивидуум, личность) — окружающую среду и уровень структурного равновесия мира. К последнему принадлежат и особь, и окружающая среда. Границы равновесных частей особи и окружающей среды наиболее наглядны, а пред-структуры языков бессознательного, сознания животных и т. д. ориентированы на поиск устойчивых взаимодействий. Взаимодействие с уровнем равновесия мира связано с тем, что человек всегда искал защиты у неких «высших сил»: Бога, Абсолюта, фундаментального равновесия, опирался на их присутствие, ощущал ритмы взаимосвязи с ними. Наиболее ярким способом такого взаимодействия во все времена была молитва, вербальная часть которых — «вершина айсберга»

синергичного взаимодействия человека и устойчивой окружающей среды или устойчивого уровня духовного равновесия. Непосредственные молитвы могут быть: 1) обыденными (обыденно-религиозными); 2) магическими, включающими в себя различного рода заклинания; 3) религиозными (конфессиональными); 4) экзистенциальными. Кроме того, в качестве условных молитв или их заменителей предстают отдельные притчи, стихи, формулы эпоса, корпоративные или личные обращения в «высшим силам» по поводу защиты, помощи в исполнении долга, обретения доступа к истинным творению или делу. Типология молитв (включая квази-псевдо-пара молитвы и различные их варианты) исключительно разнообразна. Молитвы, квази-молитвы, псевдо-пара-молитвы — наиболее распространённые рационализированные формы, обеспечивающие мониторинг жизни, деятельности, бытия. С их помощью выстраиваются структуры взаимодействий самых различных конфигураций.

Характерные черты традиционных молитв. *Обыденная молитва*, как правило, сводится к простейшим просьбам, обращенным к Богу, Высшей силе — о здоровье, благополучии для себя, своих близких и т. п. Любая искренняя молитва обладает синергичным эффектом, где Бог и человек устремляются навстречу друг другу. Задолго до возникновения науки синергетики именно в религиозных практиках синергия была осознана как совместное действие, а также взаимодействие различных потенциалов, энергий, имеющих общую направленность к идеалу. Следует отметить, что синергизм (от греч., лат. сотрудничество, согласованное действие) — концепция в христианском богословии, согласно которой спасение достигается при помощи сотрудничества между божественной благодатью и свободой человека. Синергизм — это совместное действие (взаимодействие) Бога и человека в деле спасения последнего. Человеку невозможно спастись без Бога, и Богу невозможно спасти человека без воли самого человека [Synergism].

Религиозная молитва — «обращение человека к Богу, богам, святым, ангелам, духам, персонифицированным природным силам, вообще Высшему Существо или его посредникам... в теистических религиях, исповедующих личного Бога-Творца, любящего свое творение, молитва является способом установить контакт с Богом...» [Кырлежев II: 603]. Трудно провести грань между ней и медитацией — духовным размышлением философского характера на религиозные темы, которую лучше отнести к религиозным практикам. В мировых религиях (христианстве, исламе, буддизме) молитва имеет классическое молитвословие, но может быть свободной и произносится «своими словами». Она может принимать формы или иметь сопровождения посредством речитатива, песни, плача, танца, особых жестов — поклоны, коленопреклонение, воздевание рук и т. п. или определенных поз — стоя, сидя, на коленях, распростершись ниц. В христианстве наиболее важными являются две литургических молитвы: Символ Веры и ехаристическая («благодарственная»). (В исламе символом веры является сто двенадцатая сура Корана). Индивидуальных молитв больше, например, «Иисусова» — «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного». Огромное значение имеет непрерывная безмолвная молитва христианских монахов восточно-православной традиции, во время которой ум и сердце «сливаются вместе». В индуистской и ведийской традиции аналогичную роль играет Ом или Аум, представляющий собой сакральный звук не явленного ещё Абсолюта, давшего начало Вселенной и произошедшей от вибрации, вызванной этим звуком. Это изначальная мантра, «слово силы», символ божественного триединства (тримурти) Брахмы, Вишну и Шивы. Ом (Аум) широко используется также в буддизме и сикхизме.

Различного рода медитации широко распространены в культурах различных стран, прежде всего восточных, а также в духовных практиках всех религий. При этом многие из них опираются на символ и звук «Ом» как изначальный звук Вселенной, что создаёт плавную со-настройку с изначальным ритмом мира, с базовой вибрацией, которая никогда не прекращается и звучит постоянно. Практика аскезы при концентрации на символе «Ом» позволяет обрести спокойный и осознанный ум. Аскетические медитации детально освоены во многих других религиях и культурах: дзен-буддизме, в безмолвных молитвах христианских монахов. Они проникли в литературу, искусство и другие сферы человеческой деятельности. В настоящее время развивается светский аскетизм как фундаментальное основание всех культур, которое может способствовать их интеграции.

В экзистенциальной молитве человек просит у Бога «дело», которое захватило бы его целиком, стало важнее его жизни, которое бы постоянно стучалось в его душу. «Дело» определит его судьбу, которая есть далеко не у всех. Судьба — это совокупность всех событий и их предопределенность: рок, фатум, фортуна, доля. Судьба одна из ключевых и универсальных категорий человеческой культуры, в которой выражены многовековой опыт «всемирного осмысления свободы и необходимости», попытка назвать те «силы, которые управляют мировым порядком и человеческим поведением» [Пустовалова: 207—208]. Её часто очень глубокая интерпретация имеется во всех религиях и культурах.

Разновидности условных молитв или их заменителей. Отметим, что разбиение условных молитв на выделенные ниже группы достаточно произвольно, однако оно дает представление о проблеме и возможностях её решения. Выделим квази-, псевдо-, пара-молитвы в качестве возможных пограничных меток структур сознания.

Квази-молитва (от греч. почти) как метка структур сознания есть определенный кодекс воина, работника, члена корпорации, ордена и т. д. Эта «молитва» принимается кругом «посвященных», передается из поколения в поколение, становится «паролем» для членов определенного сообщества. На уровне пред-сознания сюда можно отнести магические заклинания, типология которых имеет свои «формулы» и их «системы». Б. Малиновский рассматривает записанные им формулы для пятнадцати видов магии (военная, погоды, медицина, торговля, любовная, красоты, детская; конкретные виды — кокосовая, изготовление каноэ, сбор орехов арка, ловля ядовитого ската, резьба по дереву и т. п.). Формулы, входящие в систему, направлены к единой цели, а их системы — для погоды, медицины, торговли [Малиновский].

В качестве примера может быть приведена гештальт-молитва психотерапевта Фрица Перлза: «Я делаю свое дело, а ты делаешь свое. / Я живу в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям, / И ты живешь в этом мире не для того, чтобы соответствовать моим. / Ты — это ты, а я — это я, / и если вдруг мы встретимся, это будет прекрасно. / Если нет, то ничего не поделаешь». Ключевая идея этого высказывания заключается в том, чтобы сосредоточиться на жизни в соответствии со своими собственными потребностями, не проецируя их на других и не заимствуя их интроекты. В нем также выражена идея о том, что, удовлетворяя свои собственные потребности, люди могут помочь другим делать то же самое и создавать пространство для подлинного общения; иными словами, когда они «находят друг друга, это прекрасно» [Перлз]¹.

¹ Схожий пафос имеет известная многим молитва, приписываемая А. Сент-Экзюпери. «Господи, я прошу не о чудесах и не о миражах, а о силе каждого дня. Научи меня искусству маленьких шагов... / Научи меня правильно распоряжаться временем моей жизни. Подари мне тонкое чутье, чтобы отличать первостепенное от второстепенного... / Убереги

Псевдо-молитва (от греч. вместо) может быть, на наш взгляд, достаточно произвольна и содержать в себе рациональную структуру, служащую опорой при сложных жизненных обстоятельствах: в ожидании операции, при сверхдлительном авиаперелете, когда можно думать только о чем-то простом и в то же время фундаментальном. Согласно Эрику Берну человек, имеет три жизненных опоры: «детство, родители, дело» [Берн]. В этих ситуациях удобно опереться на книги детской поры. Можно, например, сформировать структуры на основе «Библиотеки приключений» первого выпуска (1956—1959) или её переиздания (1981—1985). Здесь просматриваются четкие структуры: три подсистемы и восемь групп. Подсистемами являются: 1) десять книг англоязычных авторов, 2) четверо французских и 3) шестеро российских. Подсистема англоязычных авторов делится на три группы: а) двое XVIII века; б) трое авторов первой половины и середины XIX; в) трое — конца XIX — начала XX века (плюс двое американцев). Подсистему французских авторов можно разбить на две группы: а) всемирно известные писатели, б) менее известные, но не менее хорошие. Шестерых российских авторов также можно разделить на две группы: а) писатели-ученые, литературные фантасты; б) приключенческая литература. Всего двадцать восемь книг, поскольку в восьми томах по два произведения. Мысленное прикосновение к этим текстам, перебирание их в памяти — книга за книгой — самая настоящая молитва. Настроит, успокоит, принесёт заряд бодрости, только не через Бога, а благодаря творениям человеческого духа. Подобные псевдо-молитвы легко формируются и в других сферах литературы и искусства.

Пара-молитва (от греч. нахождение рядом, либо за пределами). Здесь можно упомянуть о «формулах» эпоса, которые характеризуют его в первую очередь. Их много у Гомера, в Махабхарате и Рамаяне, в русском эпосе, якутском героическом эпосе Олонхо. Для формул Гомера различают три их вида: 1) краткие словосочетания, в особенности комбинации прилагательного и существительного, составляющие знаменитые гомеровские эпитеты; 2) отдельные фразы, используемые для движения повествования и повторяющиеся в сходных ситуациях; 3) группы строк, описывающие стандартные события [Bowra]. К гомеровским формулам-эпитетам, которые можно назвать и пара-молитвами следует отнести: «шлемоблещущий Гектор», «долгопечальная смерть», «меднобронные ахейцы». К повествовательным гомеровским формулам относят: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос», «Солнце тем временем село и все потемнели дороги» [Рагу]. Именно они делают поэмы Гомера великими; если убрать эти формулы, то останутся сухие пересказы мифов и исторических хроник, в которых нет восхождения к Абсолюту. Эти формулы запоминаются прежде всего. Аналогичные не менее яркие примеры можно привести из русского, якутского и других героических эпосов.

Подобных молитв и их заменителей существуют многие десятки и даже сотни. Это позволяет каждому человеку подобрать то, что наиболее соответствует его психическому и духовному складам. Однако не все из этих молитв связаны с фундаментальными равновесиями мира и границами их равновесных частей.

Онтологический и метафизический аспекты предструктур и структур сознания. В развиваемом подходе рассматриваются не сами пред-структуры и структуры сознания, а то, что стоит над ними — границы равновесных

меня от наивной веры, что все в жизни должно быть гладко... / Я знаю, что многие проблемы решаются, если ничего не предпринимать, так научи меня терпению... / Убереги меня от страха пропустить что-то в жизни. / Дай мне не то, чего я себе желаю, а то, что мне действительно необходимо. / Научи меня искусству маленьких шагов». В ней нет краткости фундаментальных молитв, но она также соответствует смыслу квази-молитв.

частей особи (человека, индивида, личности — с одной стороны, и окружающей среды (уровня мира) — с другой стороны). Особенно наглядна роль, которую играют молитвы и их заместители. Онтологические и метафизические структуры молитв устремлены к Богу, Высшим силам мироздания. С одной стороны, человек сам стремится к Богу, ищет способ вступить с ним во взаимодействие. С другой стороны, Бог стучится в душу каждого человека, только стук этот (как пишется в священных книгах) тихий и далеко не все его слышат. Когда встречаются две эти тенденции, тогда метафизическая тайна бытия мира приоткрывается для человека.

Взаимодействие с уровнем структурного равновесия можно рассмотреть через одинаковость алгоритмов взаимодействий разнородных субстанций мира (особи, человека, личности) и ритмических взаимодействий, что широко распространено в мире, обществе, духовной сфере. Например, предназначение всех разновидностей молитв — обеспечить стыковочные узлы между человеком, личностью и уровнем духовности; причем границы таких взаимодействий тождественны границам на других уровнях мира. Это «внутренний» взгляд на все эти структуры и процессы.

Взаимодействие между равновесными частями человека (индивидуума, личности) и окружающей его средой можно также рассматривать с точки зрения соответствующих границ различных видов искусства, а также статических аспектов религий. Это «внешний» взгляд, на все эти процессы и структуры.

Развиваемый подход позволяет перекидывать мост от структур предсознания и сознания к областям существования человека, индивида, личности через их равновесные части. Главным критерием при этом является ориентация на фундаментальные границы между равновесиями мира вещей мира и равновесными частями окружающих сред и уровней мира.

Список литературы / References

- Кырлежев А.И. Молитва // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т II. М.: Мысль, 2001. С. 603—604.
(Kirlezhev A.I. Prayer, New philosophical encyclopedia: in 4 vols., vol. II, Moscow, 2001, pp. 603—604. — In Russ.)
- Постовалова В.И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А.Ф. Лосевым (фрагмент типологии миропониманий) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 207—214.
(Postovalova V.I. Destiny as a key word of culture and its interpretation by A.F. Losev (fragment of typology of worldviews), *The concept of fate in the context of different cultures*, Moscow, 1994, pp. 207—214. — In Russ.)
- Малиновский Б. Магия, Наука и религия // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1992. С. 84—127.
(Malinovsky B. Magic, science and religion, *Magic crystal: magic through the eyes of scientists and sorcerers*, Moscow, pp. 84—127. — In Russ.)
- Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 352 с.
(Perls F. Inside and outside the garbage can, Moscow, 2007, 352 p. — In Russ.)
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Минск: Харвест, 2003, 224 с.
(Bern E. Games that people play, Minsk, 2003, 224 p. — In Russ.)
- Bowra C.M. Heroic Poetry, London: Macmillan, 1952. 590 p.
- Parry M. Studies in the epic technique of oral verse. Homer and Homeric style, Harvard Studies in Classical Philology, 1930, vol. 41, pp. 73—148.
- Synergism, The Concise Oxford Dictionary of the Christian Church, Oxford: Oxford University Press, 2014, 631 p.

ONTOLOGICAL PRE-STRUCTURES AND STRUCTURES OF CONSCIOUS LANGUAGES

Nikolay N. Kozhevnikov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk,
Russian Federation, nnkozhev@mail.ru

Vera S. Danilova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk,
Russian Federation, vs.danilova@s-vfu.ru

Abstract. The structures of the unconscious, preconscious, consciousness can be emotional, symbolic, mental, verbal, etc. The evolution of this process went from animals, to the apes and further to man, the individual, the personality. The structures of consciousness are visual, have stability, hierarchy, a special code, a set of supporting rhythms, and the ability to self-organize. In the approach being developed, we consider not the pre-structures and structures of consciousness themselves, but what stands above them — the boundaries of the equilibrium parts of an individual (man, individual, personality) on the one hand and the environment (level of the world) on the other hand. Interaction with the level of structural balance can be considered through the similarity of algorithms for the interactions of heterogeneous substances of the world (individuals, humans, personalities) and rhythmic interactions, which is widespread in the world, society, the spiritual sphere, as well as in the dynamic aspects of religions. This is an internal view of these structures. The interaction between the equilibrium parts of a person (individual, personality) and his environment can be considered from the point of view of the equilibrium boundaries of various types of art, as well as the static aspects of religions. This is a view focused on these structures “from the outside.” The role that prayers and their substitutes play within these boundaries is especially clear. The ontological and metaphysical structures of prayers are directed towards God, the Higher powers of the universe. The developed approach allows us to build a bridge from the structures of pre-consciousness and consciousness to the areas of existence of a person, an individual, a personality through their equilibrium parts. The main criterion in this case is the orientation towards the fundamental boundaries between the equilibria of the world of things of the world and the equilibrium parts of the surrounding environments and levels of the world.

Keywords: structure, balance, person, personality, equilibrium part, environment, level of the world

For citation: Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. Ontological pre-structures of conscious languages, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 162—168.

Статья поступила в редакцию 26.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 26.05.2024; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Северо-Восточный Федеральный университет, г. Якутск, Россия, nikkoz@gmail.com

Kozhevnikov Nikolai Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nikkoz@gmail.com

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Северо-Восточный Федеральный университет, г. Якутск, Россия, nikkoz@gmail.com

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Sciences (Philosophy), professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nikkoz@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 169—178.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 169—178.

Научная статья

УДК 81:1

DOI: 10.46726/И.2024.3.20

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛИНГВООРИЕНТИРОВАННЫЙ ДИСКУРС Ж. ЛАКАНА

Дмитрий Леонидович Шукуров

Ивановский государственный химико-технологический университет,
г. Иваново, Россия, shoudmitry@yandex.ru

Аннотация. Актуализируется лингвокультурологическая, философская, богословская и психоаналитическая проблематика, связанная с историей русской религиозной философии языка. Проблематика именованности (номинации), известная в библейской экзегетике, и религиозно-философская доктрина имяславия, развиваемая русскими мыслителями (П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков) в рамках специфической философии имени, оказываются созвучны проблематике имени в психоанализе Ж. Лакана. Выдвигается гипотеза о том, что французский психоаналитик мыслит конструкт «Имя Отца» как трансцендентную проекцию неведомой сущности — *Другого/Абсолюта*, а взаимоотношения между ними — проекцией и *Абсолютом* — выстраиваются по типу тавтологического повторения единого начала сущности. Это соответствует, на наш взгляд, имяславской доктрине имени Бога как энергии *Сущности*, а также связанным с этой доктриной религиозно-философскими описаниями особенностей тождества имени Бога и Его *Сущности*. В статье представлен анализ указанной проблематики в интерференции дискурсов лакановского психоанализа и русской оноματοдоксии (имяславия). Искусственное сближение этих дискурсов может быть теоретически проблематичным. Однако парадоксальным образом проблематика имени становится связующим звеном между методологически (и даже мировоззренчески) различными парадигмами психоаналитической, философской, лингвистической и богословской мысли.

Ключевые слова: философия языка, онтологизм, оноματοдоксия (имяславие), лакановский психоанализ, «Имя Отца»

Для цитирования: Шукуров Д.Л. Русская религиозная философия языка и лингвоориентированный дискурс Ж. Лакана // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 169—178.

Тема статьи обусловлена опытом поиска гипотетических связей между предельно дистанцированными друг от друга эпистемологическими парадигмами XX века — дискурсом лакановского психоанализа и *религиозной оноματοлогией*. Искусственное сближение этих дискурсов может быть теоретически проблематичным. Однако парадоксальным образом проблематика имени становится связующим звеном между методологически (и даже мировоззренчески) различными парадигмами психоаналитической, философской, лингвистической и богословской мысли.

Ж. Лакана и русских религиозных мыслителей (П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова) ничто не объединяет и не связывает, помимо эвристически заряженного исследовательского интереса к проблеме имени и процессам именованности (номинации) в теории и философии языка. Этот единственный,

© Шукуров Д.Л., 2024

ономатологический, момент, сближающий во всём остальном несопоставимые парадигмы, имеет гораздо больше исследовательских перспектив и продуктивных аспектов, нежели прочие очевидные и привычно навязанные схемы и модели анализа лакановской концепции языка и речи.

Идеи русских мыслителей-имяславцев, создателей оригинальной религиозной философии языка, формулировались на фоне достижений позитивистской лингвистики и позитивистской философии языка начала XX века (Ф. де Сюзюр, рождение лингвистического структурализма, концепции конвенциональности языкового знака и пр.). Одновременно с этим обстоятельством следует подчеркнуть, что представители русского имяславия принадлежали так называемой *гумбольдтовской* парадигме философии языка, которая в отечественной лингвистике была представлена именем выдающегося учёного А.А. Потебни (1835—1891).

Современные исследователи указывали на связь некоторых потебнианских идей с психоаналитической проблематикой. Так, например, Г.К. Косиков сопоставлял один из важных аспектов учения А.А. Потебни об онтогенезе речи в его работе «Мысль и язык» (1862) и описание Ж. Лаканом сферы «недифференцированных потребностей» в регистре *реального*: «На первых порах для ребёнка, — писал в этой работе Потебня, — еще всё — своё, ещё всё — его я, хотя именно потому, что он не знает ещё внутреннего и внешнего, можно сказать и наоборот, что для него вовсе нет своего я... исходное состояние сознания есть полное безразличие я и не-я» [Потебня: 170].

Отметим, что, действительно, именно на этой психологически точно описанной А.А. Потебней симбиотической фазе формируются психические механизмы примитивных защит, которые в современном психоанализе трактуются как «всемогущий контроль» [Мак-Вильямс]. И, конечно, здесь находятся психологические ключи к пониманию специфики *мифологического слова* и *магического сознания* в контексте примитивных и архаических культур.

Лингвистическая теория А.А. Потебни уже в самом начале XX века оказалась в забвении, но тем не менее подспудно оказала влияние на весь интеллектуальный контекст философии языка в России.

А.Ф. Лосев, остро критиковавший позитивистски ориентированные лингвистические теории, подчёркивал: «Теории языка и имени вообще не повезло в России. Прекрасные концепции языка, вроде тех, каковы, например, К. Аксакова и А. Потебни, прошли малозаметно и почти не повлияли на академическую традицию. Современное русское языкознание влачит жалкое существование в цепях допотопного психологизма и сенсуализма; и мимо наших языковедов проходит, совершенно их не задевая, вся современная логика, психология и феноменология» [Лосев 1993: 615]. Поднятая в теории языка А.А. Потебни проблема соотношения языка и сознания постепенно приобретала философский характер, например, у русского феноменолога Г.Г. Шпета: «Без-чувственная мысль — нормально; это мысль, возвысившаяся над бестияльным переживанием. Без-словесная мысль — патология; это мысль, которая не может родиться, она застряла в воспалённой утробе и там разлагается в гное. <...> Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало — мысль зачинается в слове. Оттого-то и нет мертворождённых мыслей. А только — пустые слова; нет позорных мыслей, а только — позорные слова; нет потрясающих мир мыслей, а только — слова. <...> Строго и серьёзно, без романтических затей, — бессловесное мышление есть бессмысленное слово. И на земле, и на воде, и на небе всем правит слово» [Шпет: 397—398].

Религиозная философия языка, представленная в трудах П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и С.Н. Булгакова была также продолжением потебнианского

лингвистического учения — с углублением в богословскую проблематику *имени*. Позитивистскому представлению о рационалистически объективированных и конвенционально обусловленных единицах языка русские православные мыслители противопоставили категорию слова как «органического семени», произрастающего из дословесного мёна и достигающего в своём становлении и росте масштабов Божественного Логоса. Религиозно-философские идеи русских мыслителей сформировали в отечественной гуманитарной науке оригинальную концепцию ономатодоксии, восходящую к богословской традиции святых отцов Церкви.

Этот интеллектуальный опыт не может быть не учтён при осмыслении концепции Ж. Лакана, который, как и русские мыслители (однако уже в психоаналитическом ракурсе), апеллировал в своих размышлениях именно к церковно-богословскому контексту осмысления *Имени Отца*.

В известной работе «Магичность слова» П.А. Флоренский развивает так называемую «органическую» концепцию речи, следуя в своих размышлениях традиции мысли, идущей от античности. В истории культуры существовали различные её варианты, однако основное значение состоит в понимании слова как особого телесного организма¹. Тенденция *соматизации* слова получила оригинальное разрешение именно в концепции П.А. Флоренского. Философ понимает слово как организм и даже, более того, как физическое тело и живое существо. Известная теория органопроекции отца Павла начинается именно с возможности «...видеть в слове организм, скажем точнее — живое существо, отделяющееся от наших голосовых органов, рождающееся в голосовых ложеснах» [Там же: 260]. П.А. Флоренский сравнивает *имя* непосредственно с человеческим телом; *имя* представляет «...тончайшую плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [Флоренский 2000. 3(2): 182]. И одновременно *имя* соотносится им с личностью: «Имя — лицо, личность, а то или другое имя — личность того или другого типического склада» [Там же: 187].

Этот словесный организм обладает определённой самодостаточной энергией, накапливаемой в процессе духовного роста и культурно-исторического развития народа. Символический энергетизм слова является источником концентрации человеческой воли и означенной в слове реальности: «Слово синэргетично... <...> Слово есть метод, метод концентрации. Собранную в один фокус историческую волю целого народа — в слове я имею в своём распоряжении, и дело не в силе, а лишь в умении её направить в нужную мне сторону. И вместе со словом, мною произнесённым, продвигается и вонзается в пространство моя сконцентрированная воля, сила моего сосредоточенного внимания» [Флоренский 1990: 263].

Таким образом, находит объяснение феномен *магизма*, так как становится понятным процесс подчинения объективной реальности человеческому слову. Древние магические формулы и заклинания складываются в семантике слова как концентрированные наслоения оккультно-демонических сил и значений. В интерпретации П.А. Флоренского магия уподобляется особому рода духовной технике (как бы мы сейчас сказали — психотехнике) использования словесных формульных правил, и в этом плане она онтологически и исторически опережает появление производственной техники и всей материально-технической сферы [Флоренский 1969].

¹ Эта линия философствования была достаточно хорошо известна в русской культуре и особенно в отечественном литературоведческом дискурсе XIX — начала XX века [Раков: 25–60].

Христианские молитвословия Церкви, включающие в орбиту сакрализованного слова энергии Божественного Откровения и духовный опыт святых, телеологически направлены к Богу и исключают осуществление какой-либо иной воли, кроме божественной. Их отличие от демонического шаманизма и магии, в которых формульная техника и магический обряд с необходимостью обуславливают желаемый магом результат, состоит в том, что религиозная вера молящегося ожидает помощи в самой непредсказуемой форме: «В общении человека с запредельным магическая и религиозная установки существенным образом разнятся. В религии человек переживает божество как свободную личность, с которой возможен диалог — которую можно просить, умиловать, от которой можно требовать и т. д. Как область свободы, религия непременно предполагает момент неопределённости и риска: результат диалога с Богом принципиально непредсказуем, религиозная вера — не уверенность, но доверие, основанное на любви» (С.С. Аверинцев) [Флоренский 1990: 419].

Итак, имяславская доктрина и в учении афонских монахов, и в трудах русских философов основывалась на идее органического единства *имени* и *именуемого*, а точнее — *энергии именуемого*. В классическом психоанализе и позитивистской лингвистике, как мы знаем, идея такого единства ставилась под сомнение — выдвигалась теория *конвенциональной* связи между *означающим* и *означаемым*.

Магистральный тезис имяславской доктрины — «Имя Божие есть Сам Бог» — основывался на идее органического единства и антиномического тождества *имени* и *именуемого*. Этот тезис вызывал и философскую, и церковно-догматическую критику; в последнем случае постольку, поскольку противоречил в определённом отношении догматам апофатического богословия о неопределимости Божественной Сущности, её бессловесно-меоническом истоке: «αὐτό δέ μὴ ὄν» [Мистическое богословие...: 9].

Однако сами представители и защитники имяславского учения настоятельно подчёркивали, что не обожествляют внешнюю форму выражения имени Бога — Его букв и звуков, не поклоняются им и не отождествляют имя Бога с Его Сущностью. Хотя, конечно, буквенно-иероглифическая сторона имени Бога — Его графемы и фонемы рассматривались в качестве носителей благодатных божественных энергий: «...на эти тварные звуки и буквы мы смотрим лишь как на условную, так сказать, оболочку самого имени Божия, Богом же называем саму идею о Боге, — отмечал главный идеолог имяславцев, иеросхимонах Антоний (Булатович). — <...> Тем не менее мы веруем, что и этим звукам и буквам присуща благодать Божия ради Божественного имени, ими произносимого» [Антоний (Булатович): 92, 159].

В этой связи необходимо вспомнить лакановский подход к букве как особой инстанции в *бессознательном* [Лакан 1997]. Звуки и буквы *имени* пронизываются, по Ж. Лакану, энергиями и импульсами бессознательного, сфера которого структурирована как язык.

Философско-лингвистическая проблема органического единства *имени* и *именуемого* имела непосредственное отношение к сугубо богословскому вопросу, обсуждавшемуся в рамках имяславских споров, — вопросу о *тварной* или *нетварной* (божественной) природе имени Бога *Иисус*: «Хотя и несознательно призовёшь Имя Господа Иисуса, — писал о. Антоний (Булатович), — то всё будешь иметь Его в имени Своём» [Антоний (Булатович): 83].

Имяславцы отстаивали в этом вопросе истинность учения афонских монахов о так называемой *Иисусовой молитве*, согласно которому имя *Иисус*

пронизано божественными энергиями и в рамках аскетической практики умносердечного молитвенного делания способно призывать Самого Христа и Его именем творить чудеса. П.А. Флоренский полагал, что доктрина имяславцев, по существу, является частным случаем общецерковного учения о Божественности всякой энергии Божией: «Христианство есть проповедь Имени Иисуса Христа и Евангелия, призыв исповедать Имя Христа. А мы подменяем это исповедание Имени исповеданием Самого Иисуса Христа. Мы не понимаем важности, значимости, массивности Имени Божия, которое в Библии, особенно в Ветхом Завете, выступает с необычайной ясностью» [Флоренский 2000. 3(1): 359]. Имя, в интерпретации П.А. Флоренского, «есть неустанно играющая энергия духа» [Там же: 226], причём эта энергия «выражает существо имени Бога» [Там же: 358]: «Так и имя — оно уступчиво, даже предупредительно к требованиям различных факторов формы; оно находит в себе энергию жизни и перерабатывается приспособительно к условиям страны, народности, духа времени, наследственности, даже применяется к своеобразным оттенкам личных отношений. Ведь имя есть слово, даже сгущенное слово; и потому, как всякое слово, но в большей степени, оно есть неустанная играющая энергия духа» [Флоренский 2000. 3(2): 226]. Именно поэтому органическое единство и тождество *имени* и *именуемого* применительно к учению имяславцев П.А. Флоренский определял антиномически построенной формулой: «Имя Божие есть Бог; но Бог не есть Имя» [Флоренский 2000. 3(1): 358].

Значение концепции русской оноματοдоксии для всей интеллектуальной парадигмы культуры начала XX века заключается в том, что в ней произошёл лингвоориентированный поворот: во-первых, язык стал рассматриваться в качестве формы познания мира и человека в контексте культуры, и, во-вторых, язык получил актуализацию как онтологическая форма, включающая опыт богообщения и богопознания.

А.Ф. Лосев в ранний период философского творчества, в 1920-е годы, являясь последователем и учеником П.А. Флоренского, продолжал идеи своего учителя, опираясь на феноменолого-диалектическую стратегию философствования. В знаменитой «Философии имени» (1927) мыслитель, диалектически осмысляя умозрительные моменты становления *имени*, выделял «энергию его предметной сущности, или энергийный момент», а затем энергия сущности отождествлялась им с самим именем: «**Природа имени, стало быть, магична.** Именем мы и называем энергию сущности вещи, действующую и выражающуюся в какой-нибудь материи, хотя и не нуждающуюся в этой материи при своём самовыражении. Знать имя вещи — значит быть в состоянии в разуме приближаться к ней или удаляться от неё. Знать имя — значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи — значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью. Ибо имя и есть сама вещь в аспекте своей понятости для других, в аспекте своей общительности со всем прочим» [Лосев 1993: 763].

А.Ф. Лосев категорически отвергал конвенциональную теорию *имени*, усматривая её истоки в номинализме. Для лосевского подхода характерна предельная онтологизация *имени*, которая охватывала психофизическую структуру *имени* и *слова*. Философская концепция А.Ф. Лосева обосновывала онтологический реализм *имени*. Однако семантические степени такого онтологического реализма в понимании *имени* были различны.

Так, А.Ф. Лосев, подобно П.А. Флоренскому, указывал на личностный аспект в диалектической природе *имени*; *имя* трактуется как личностное

выражение энергии: «Имя есть осмысленно выраженная и символически ставшая определённым ликом энергия сущности. В имени сущности, стало быть, явлена 1) *сущность*, 2) через свой *эйдос* 3) ставшая *мифом* и 4) *символически* выразившая 5) свою *личность* 6) в завершённом *лике* своей *предельной явленности*» [Лосев 1995: 37].

Однако следует помнить, что, как и П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев настаивает именно на антиномическом единстве *имени* и *именуемого*, используя для этого богословскую терминологию «неслиянности — нераздельности» божественной и человеческой природы во Христе². (П.А. Флоренский, например, критиковал радикальность ряда формул представителей афонского имяславия следующим образом: «Синод разделяет то, что нераздельно, а вы хотите слить неслиянное» [Флоренский 2000. 3(1): 363]).

Наконец, другой русский религиозный мыслитель — С.Н. Булгаков — также возражал против абсолютизации тождества *имени* и *энергии* сущности, хотя антиномическое тождество между ними признавал и считал его ключом к пониманию всей имяславской проблематики: «Как Имя Божественное, оно содержит силу Божию, есть энергия Божества, но она есть вместе с тем и энергия человеческого естества, принадлежит Богочеловеку» [Булгаков: 318]. С его точки зрения, *Имя Божие* категориально по своему богословскому содержанию может быть приравнено *Фаворскому свету*, хотя, конечно, это разные категории и между ними нельзя ставить знак равенства. В «Философии Имени» С.Н. Булгаков выдвинул несколько положений, которые выражают отношение имени Бога к Самому Богу и к Божественной энергии: «Имя Божие есть онтологическая основа молитвы, субстанция её, сила, оправдание. Потому в существе своём молитва и есть призываемое Имя Божие. Но как Имя Божие содержит в себе божественную энергию, даёт присутствие Божие, то практически, энергетически, и можно сказать, хотя и с большой неточностью, что Имя Божие есть Бог» [Там же: 322].

В контексте нашей темы принципиально важно отметить следующую дефиницию, которую формулирует С.Н. Булгаков: «Словоупотребление Библии при этом сопоставлении выражений — Бог и имя Божие — выражает соотношение между трансцендентным, непостижимым и неименуемым Существом Божиим, Божеством в Себе и для Себя, и Богом религии и культа, коим практически и является имя Божие» [Там же: 303—304]. Это как нельзя близко, с нашей точки зрения, лакановскому определению *Имени Отца* как *отцовской функции*, имеющей трансцендентный характер. Имя как функциональная проекция трансцендентной сущности, находящейся в перспективе вечности, у С.Н. Булгакова, как и у Ж. Лакана, предстаёт как воплощение *сказуемости бытия* Бога. Имя Бога и *Имя Отца* являют собой *место-имения* и *сказуемые* Личности — Бога-Слова, Логоса-Христа — в церковной и библейско-богословской традиции.

Причём сходными, с нашей точки зрения, у С.Н. Булгакова и Ж. Лакана оказываются не только концептуальные трактовки *имени*, но и в целом лингвоориентированные парадигмы осмысления человека и космоса. Так, С.Н. Булгаков, опережая постструктуралистский слом классической субъект-объектной организации дискурса, начатый Ж. Лаканом, подчёркивал: «не мы говорим

² В.Н. Лосский: «“Неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно” — так соединены две природы в Лице Христа, причем первые два определения направлены против монофизитов, два последние — против несториан. По существу, все четыре определения негативны: *ασυυδωτος*, *ατρεττος*, *αδιαρετος*, *αχωριςτος*; они апофатически очерчивают тайну воплощения, но запрещают нам представить себе “как” этой тайны» [Лосский: 268].

слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной, ибо всё может быть выражено в слове, причём в это слово одинаково входит и творение мира, и наша психика... <...> В нас говорит мир, вся вселенная, а не мы, звучит её голос. <...> Слово есть мир, ибо это он себя мыслит и говорит, однако мир не есть слово, точнее не есть только слово, ибо имеет бытие ещё и металогическое, бессловесное. Слово космично в своём естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нём и через него звучит мир, потому слово антропокосмично или, скажем точнее, антропологично» [Булгаков: 34—35].

Позицию Ж. Лакана мы уже охарактеризовали: «субъект не столько говорит, сколько сказывается» [Лакан 1995: 50]. Богословская проблематика *именования*, известная в библейской экзегетике, и концепция русской оноματοдоксии, развиваемая отечественными мыслителями в рамках специфической философии имени, оказываются созвучны проблематике *имени* в лакановском психоанализе.

Ж. Лакан мыслит психоаналитический конструкт *Имя Отца* как трансцендентную проекцию неведомой сущности — Абсолюта, и взаимоотношения между ними — проекцией и Абсолютом — выстраиваются Ж. Лаканом по типу *анафоры* — тавтологического повторения единого начала *сущности*. Это соответствует, на наш взгляд, имяславской доктрине имени Бога как *энергии* сущности, а также связанными с этой доктриной религиозно-философскими описаниями особенностей этого антиномичного тождества, имеющего *инвокативный* характер.

Представляется, что Ж. Лакану удалось найти принципиально новый подход в осмыслении номинативных функций языка в психогенезе клинических расстройств, который вывел дискурс психоанализа вначале к так называемой *ономатологической* проблематике, а затем непосредственно к библейско-богословской теме именованного Бога.

Ни современная Ж. Лакану позитивистская лингвистика, ни западноевропейская философия языка его времени не могли дать исчерпывающего ответа на вопрос о природе связи языка и описываемого языком образа мира. Принципы лингвистической *номинации* необходимо было осмыслить в контексте экзегетики библейского имени Бога, поскольку именно здесь, с точки зрения Ж. Лакана, находятся истоки творческого становления человеческого сознания — в модусе фигуры *Другого*. Причём идея *Имени Отца*, как психоаналитического конструкта, сформировала в лакановской психологии двоякую — смысловую и сугубо функциональную — нагрузку: во-первых, это *отцовская метафора*, выражающая не столько проекцию трансцендентности, сколько апофазис регистра *реального*, и, во-вторых, это категория клиники, с помощью которой диагностически точно воспроизводятся механизмы образования неврозов и психозов.

Наконец, попытка психоаналитического толкования семантики библейского имени Бога привела Ж. Лакана к исследовательским находкам, связанным с опытом осмысления предельности психических содержаний, их инвокативных, а также «зеркальных», или *анафорических* характеристик, обусловленных неустранимостью трансцендентного начала (*божественного присутствия*), что позволяет говорить о ряде концептуальных совпадений лакановских идей и религиозно-философского учения об *имени*, сформировавшегося в рамках имяславской доктрины.

Человеческая речь, утверждают современные интерпретаторы идей Ж. Лакана, возможна лишь благодаря трансцендентному означающему, лежащему за её

пределами³. Трудно не согласиться с такой интерпретацией, однако необходимо усилить её экзистенциальное напряжение. Если, согласно Ж. Лакану, высказывание невротика, всегда предполагает адресацию к *Большому Другому*, то инстанция этого *Большого Другого* является искомой процесса апофазы: именно эта инстанция и будет воспроизведением *отцовской метафоры*, а чаемый диалогический ответ становится именем Бога. Ответом — достаточным или нет, переизбытком или нехваткой — это уже вопрос, связанный с психотическим или невротическим сценарием личности. Однако именно *имя* и у Ж. Лакана и у русских философов находится у истоков личности и объясняет генезис языка и речи.

Список литературы / References

- Антоний (Булатович), иеросхимонах. Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус // Имяславие. Антология. М.: Факториал Пресс, 2002. С. 9—160.
(Antonii (Bulatovich), ieroskhimonakh. Apology of faith in the Name of God and in the Name of Jesus, *Imyaslavie. Anthology*, Moscow, 2002, pp. 9—160. — In Russ.)
- Булгаков С.Н. Философия Имени. СПб.: Наука, 1999. 445 с.
(Bulgakov S.N. *Philosophy of the Name*, St. Petersburg, 1999, 445 p. — In Russ.)
- Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой. М.: Логос, 1997. 183 с.
(Lacan Zh. The authority of the letter in the unconscious or the fate of the mind after Freud, Moscow, 1997, 183 p. — In Russ.)
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском Конгрессе, читанный в Институте психологии Римского Университета 26 и 27 сентября 1953 года / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995. 100 с.
(Lacan Zh. Function and field of speech and language in psychoanalysis. Report at the Rome Congress, read at the Institute of Psychology of the University of Rome on September 26 and 27, 1953, Moscow, 1995, 100 p. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 10—296.
(Losev A.F. Dialectics of artistic form, *Losev A.F. Form. Style. Expression*, Moscow, 1995, pp. 10—296. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993. С. 613—801.
(Losev A.F. Philosophy of the name, *Losev A.F. Being — name — cosmos*, Moscow, 1993, pp. 613—801. — In Russ.)
- Лосский В.Н. Догматическое богословие // Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр СЭИ, 1991. С. 200—288.
(Losskii V. N. Dogmatic theology, *Losskii V.N. Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology*, Moscow, 1991, pp. 200—288. — In Russ.)
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / пер. с англ. М.: Класс, 2007. 480 с.

³ «Если означающее тождественно себе, то субъект расщеплён и способен производить различия. Именно поэтому Бог является исходной точкой разворачивания любого дискурса и творения вообще. Следовательно, всякий из нас имеет возможность говорить лишь благодаря тому, что дискурс поддерживается Богом. Бог — это трансцендентная инстанция, гарантирующая непрерывность и тождественность символического порядка» [Ольшанский].

(Mak-Vil'iams N. Psychoanalytic diagnostics: Understanding personality structure in the clinical process, Moscow, 2007, 480 p. — In Russ.)

Мистическое богословие. Послание к Тимофею святого Дионисия Ареопагита // Мистическое богословие. Киев: Путь к истине, 1991. С. 3—93.

(Mystical theology. Epistle to Timothy of Saint Dionysius the Areopagite, *Mystical theology*, Kyiv, 1991, pp. 3—93. — In Russ.)

Ольшанский Д.А. Почему любой невротик верит в Бога? Доклад в Феодоровском соборе 2 октября 2015 года. URL: http://olshansky.sitcity.ru/ltext_1509015110.phtml?p_ident=ltext_1509015110.p_0410235505(дата обращения: 13.05.2024).

(Ol'shanskii D. A. Why does any neurotic believe in God? Report at the Feodorovsky Cathedral on October 2, 2015. — In Russ.)

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.

(Potebnia A.A. Aesthetics and poetics, Moscow, 1976. 614 p. — In Russ.)

Раков В.П. Новая «органическая» поэтика. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 350 с.

(Rakov V. P. New “organic” poetics, Ivanovo, 2002, 350 p. — In Russ.)

Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. / ред. иг. Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 2000.

(Florenskii P.A. Works: in 4 vols., Moscow, 2000. — In Russ.)

Флоренский П.А. Магичность слова // Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т.: прил. к журн. «Вопросы философии». М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 252—273.

(Florenskii P.A. The magic of the word, *Florenskii P.A. Works: in 2 vols.*, Moscow, 1990, vol. 2, pp. 252—273. — In Russ.)

Флоренский П.А. Органопроекция // Декоративное искусство. 1969. № 12. С. 149—162.

(Florenskii P.A. Organ projection, *Decorative art*, 1969, № 12, pp. 149—162. — In Russ.)

Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 345—472.

(Shpet G.G. Aesthetic fragments, *Shpet G.G. Essays*, Moscow, 1989, pp. 345—472. — In Russ.)

RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND LINGUISTIC ORIENTED DISCOURSE OF J. LACAN

Dmitrii L. Shukurov

Ivanovo State University of Chemistry and Technology,
Ivanovo, Russian Federation, shoudmitry@yandex.ru

Abstract. Linguoculturological, philosophical, theological and psychoanalytical issues related to the history of Russian religious philosophy of language are updated. The problem of naming (nomination), known in biblical exegesis, and the religious and philosophical doctrine of name-glorification (*imyaslavie*), developed by Russian thinkers (P.A. Florensky, A.F. Losev, S.N. Bulgakov) within the framework of the specific philosophy of name, turn out to be consonant with the problem of name in the psychoanalysis of J. Lacan. The hypothesis is put forward that the French psychoanalyst thinks of the construct “Name of the Father” as a transcendental projection of an unknown entity — the *Other/Absolute*, and the relationship between them — the projection and the *Absolute* — is built according to the type of tautological repetition of a single principle of essence. This corresponds, in our opinion, to the *imyaslav doctrine* of the name of God as the energy of the Essence, as well as the religious and philosophical descriptions associated with this doctrine of the features of the identity of the *name of God* and *His Essence*. The report presents an analysis of this issue in the interference of the discourses of Lacanian psychoanalysis and Russian onomatodoxy (*imyaslavie*). The artificial convergence of these discourses can be theoretically problematic. However, paradoxically, the problem of the *name* becomes a connecting link between methodologically (and even ideologically) different paradigms of psychoanalytic, philosophical, linguistic and theological thought.

Keywords: philosophy of language, ontologism, onomatodoxy (imyaslavie), Lacanian psychoanalysis, “The Name of the Father”

For citation: Shukurov D.L. Russian religious philosophy of language and linguistic oriented discourse of J. Lacan, Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2024, iss. 3, pp. 169—178.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 25.05.2024; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Шукуров Дмитрий Леонидович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, shoudmitry@yandex.ru

Shukurov Dmitrii Leonidovich — Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation, shoudmitry@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 179—187.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 179—187.

Научная статья

УДК 114

DOI: 10.46726/И.2024.3.21

ОБ ОДНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ БЛЕЗА ПАСКАЛЯ

Валерий Николаевич Финогентов

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
г. Орёл, Россия, v_fin@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются различные аспекты высказывания Б. Паскаля: «Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств». Особое внимание при этом уделяется рассмотрению трех тесно связанных друг с другом составляющих содержания этого высказывания: научной, философской и теологической. Проведенное в статье обсуждение позволило сделать несколько выводов. Во-первых, было показано, что рассматриваемое высказывание фиксирует эмоции и чувства (подавленности, бессилия, страха) Паскаля в связи с его признанием мира бесконечным. Во-вторых, было подчеркнуто, что обоснование предположения о бесконечности мира является многоплановой и сложной задачей. В частности, было указано, что его специально-научное обоснование, по сути, невозможно. В-третьих, было продемонстрировано, что обсуждаемое высказывание отражает весьма спорное убеждение Паскаля о ничтожестве человека в бесконечном мире. В-четвертых, было обосновано, что указанные негативные эмоции, чувства и убеждения способствовали совершению Паскалем судьбоносного для него мировоззренческого выбора: выбора христианского мировоззрения в достаточно суровой для человека его интерпретации. В-пятых, было высказано и аргументировано предположение, согласно которому признание многообразной бесконечности (неисчерпаемости) мира делает, по сути, беспредметным пари Паскаля.

Ключевые слова: Паскаль, бесконечность мира, конечность мира, обоснование бесконечности мира, мировоззренческий выбор, пари Паскаля

Для цитирования: Финогентов В.Н. Об одном высказывании Блеза Паскаля // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 179—187.

Хорошо известно, что многие философские проблемы, так сказать, «на глубине» разнообразно переплетены друг с другом. Поэтому, серьезно обсуждая одну из них, мы непременно сталкиваемся с другими. Так, например, сколько-нибудь глубокое рассмотрение проблемы творчества требует соответствующего анализа проблемы свободы, проблемы времени и т. д. Значительный интерес в этом плане представляет рассмотрение известного эмоционального высказывания Б. Паскаля: «Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств» [Паскаль: 47].

Действительно, как понять это высказывание? Очевидно, что оно «задевает» немало значимых методологических и мировоззренческих вопросов. Поэтому его в достаточной мере глубокое истолкование непременно должно быть многоплановым и многослойным. Учитывая широту и разнообразие интересов Б. Паскаля (см. об этом [Стрельцова 1979], [Стрельцова 1994]), можно предположить, что в содержании этого высказывания присутствуют, по меньшей мере,

три тесно связанных друг с другом составляющих: научная, философская и теологическая. Именно эти три составляющих содержания интересующего нас высказывания будут обсуждаться ниже.

Но, прежде всего, для более или менее адекватной интерпретации этого высказывания, сформулированного Б. Паскалем в конце 1650-х — начале 1660-х годов, необходимо вспомнить об особенностях ситуации, которая имела место в духовной жизни западноевропейского общества.

К этому времени в представлениях ученых, философов и теологов о мире произошли серьезные, можно сказать, революционные изменения: на смену длительному времени господствовавшим в науке, в философии и в теологии представлениям о пространственной конечности мира приходит и все более укореняется убеждение в его пространственной бесконечности. Напомню, в связи с только что сказанным, что и в геоцентрической системе мира Аристотеля-Птолемея, и в пришедшей ей на смену гелиоцентрической системе мира Коперника мир предполагается конечным. Однако в годы творчества Б. Паскаля представление о бесконечности мира, можно сказать, уже доминировало и в философии, и в теологии, и в науке. Это революционное для того времени представление в разной степени последовательно и с разными акцентами развивалось, в частности, в соответствующих работах Николая Кузанского, Томаса Диггса, Джордано Бруно, Рене Декарта (см. об этом подробнее [Койре: 1—108].) Так что, утверждая и глубоко переживая бесконечность мира, Паскаль отнюдь «не открывает Америку». Иначе говоря, интересующим нас утверждением он фиксирует уже достаточно распространенное и устоявшееся среди мыслителей его времени убеждение.

Любопытно, что аргументация в пользу предположения о пространственной бесконечности мира у только что перечисленных авторов была по большей части теологической. Таким образом, уже здесь мы встречаемся с теологической составляющей содержания рассматриваемого высказывания Б. Паскаля. Речь идет о том, что главным аргументом, обосновывающим бесконечность мира, было у указанных авторов убеждение в том, что всемогущему Богу более подобает сотворение именно бесконечного, нежели создание конечного мира. Следует согласиться с тем, что в такой аргументации есть своя логика: бесконечный мир, разумеется, понимаемый в рамках такого подхода как творение Божие, в несравненно большей степени, чем конечный мир, прославляет величие Бога. В то же время такая аргументация не бесспорна. Действительно, все-таки бесконечность в рамках теистического миропонимания, несомненно, свойственна именно Творцу как всесовершенному существу. Соответственно, бесконечность сотворенного Им мира в рамках теизма всегда была и остается под вопросом, то есть была и остается только смелым предположением, поскольку теизм вполне совместим и с предположением о конечности мира.

Паскаль же принимает убеждение в бесконечности мира как несомненное. И в своих «Мыслях» он красочно и вдохновенно описывает основные формы бесконечности мира: бесконечность «вширь» (бесконечность в большом) и бесконечность «вглубь» (бесконечность в малом). Причем, беспредельно раздвигая своим воображением пределы Вселенной и неудержимо углубляясь в мир малого, Паскаль представляет себе и «мир большого», и «мир малого» по аналогии с миром, привычных для человека масштабов. Иными словами, «мир большого» и «мир малого» для него отличаются от привычного для людей мира только количественно, только пространственными размерами. Так, описывая «безграничность природы в пределах одного атома», он указывает, что в этом атоме есть свои неисчислимы вселенные. А у каждой из этих вселенных — «свои планеты,

и своя Земля, и те же соотношения, что в нашем видимом мире...» [Паскаль: 38]. Таким образом, бесконечность мира мыслится Паскалем как сугубо количественная бесконечность. Это — очень существенный момент, в том числе и для понимания интересующего нас высказывания. К обсуждению этого момента мы еще вернемся.

При этом Б. Паскаль упоминает некоторые онтологические и гносеологические следствия, вытекающие из признания бесконечности мира. В частности, в свете бесконечности мира он высказывает не лишние оснований сомнения в том, что человек может познать такой мир. «Мыслимо ли, — пишет он в связи с этим, — чтобы часть познала целое» [Паскаль: 43]. Однако гораздо больше места здесь у него занимает выражение переживаний и эмоций, возникших у него при столкновении с бесконечностью мира. Именно эти его эмоции и переживания в первую очередь и зафиксированы в высказывании, интересующем нас.

Конечно, эмоции и переживания играют немаловажную роль в философствовании. Но, может быть, Паскалю стоило чуть больше внимания уделить рассмотрению следствий его признания мира бесконечным. Тем более, что эти следствия во многих отношениях значимы, интересны и, надо признать, противоречивы. Кстати, еще Аристотель подчеркивал, что к трудностям приводит как признание бесконечности, так и его отрицание (см. его «Физику» [Аристотель: 111]). Легко убедиться в том, что эта мысль Аристотеля справедлива и по отношению к утверждению (или) отрицанию бесконечности мира. Иначе говоря, к противоречивым, парадоксальным следствиям приводит и гипотеза о конечности мира, и предположение о его бесконечности.

Так, например, в упомянутых выше системах мира Аристотеля-Птолемея и Коперника мир заключен в сферу неподвижных звезд. И эта сфера имеет огромный, но конечный по своим размерам радиус. Понятно, что сторонники обеих этих систем мира неизбежно сталкивались с очень трудным для них вопросом: а что находится за этой сферой неподвижных звезд? И их ответы на этот вопрос были по большей части фантастическими и малоубедительными. Следует сказать также, что вообще конечный мир в некотором глубинном смысле примитивен и малоинтересен. В частности, в нем невозможны свобода и творчество человека. В таком мире невозможно появление нового. Очевидно, что в таком мире невозможно также порождение ценностей и смыслов. Существенной в мировоззренческом плане характеристикой такого мира является также то, что он не является самодостаточным. То есть, он нуждается в Творце (см. об этом подробнее [Финогентов 2012; 2020]). В этом выводе, конечно, нет ничего недопустимого. Но авторам, постулирующим ту или иную форму конечности мира, необходимо иметь в виду, что признание конечности мира, по сути, тождественно признанию его сотворенности и, следовательно, принятию теистического мировоззрения.

В свою очередь авторы, предполагавшие бесконечность мира, тоже должны были справиться с очень нелегкими для них вопросами. Например, как осуществляется в таком мире согласование тех его частей, которые бесконечно удалены друг от друга; не распадается ли такой мир на изолированные друг от друга фрагменты; как достигается упорядоченность такого мира?

Впрочем, у Паскаля по поводу положения человека в бесконечном мире мы находим не только эмоции и переживания. Как известно, Б. Паскаль — выдающийся математик, один из творцов науки Нового времени — в конечном итоге пришел к признанию того, что сама по себе наука не несет человеку утешения и спасения. На это обстоятельство справедливо указывает В.П. Визгин.

Он пишет: «Ужас Паскаля перед лицом разверзшейся в результате триумфа новой механики и космологии картины мира вызван не столько ощущением физической немощи человека перед этой громадностью сил и пространств, безразличных к человеку, сколько бессмыслицей всей этой ситуации, если считать ее последним словом мудрости, искомой правдой о бытии» [Визгин: 549]. Нет никакого сомнения в том, что анализируемое нами высказывание Паскаля в образной форме выражает только что указанное признание. От этого признания, то есть признания того, что сама по себе наука не несет человеку утешения и спасения, уже совсем близко до главного мировоззренческого вывода, обоснованию которого в первую очередь и посвящены «Мысли» Паскаля. Действительно, если рисуемая формирующейся наукой Нового времени картина мира — бесконечное пространство, в котором вечно и бессмысленно движутся по своим неотвратимым законам звезды, планеты и другие космические тела, — не может дать человеку надежды на спасение, надежды на вечную и осмысленную жизнь, тогда человеку следует отдать себя в руки всемогущего и всеблагого Бога. И, как известно, Паскаль совершает именно такой мировоззренческий выбор: он выбирает не «Бога философов и ученых, а Бога Авраама, Бога Исаака, Бога Иакова, Бога Иисуса Христа» [Паскаль: 452].

Самое любопытное здесь заключается в том, что, несмотря на великие достижения послепаскалевской науки, каждый нынешний автор, размышляющий о бесконечности мира, так же, как и Паскаль, находится в ситуации мировоззренческого выбора: отдать ли себя в руки всемогущего и всеблагого Бога или остаться в бесконечной и бесконечно молчащей Вселенной. Другими словами, анализируемое в данной статье высказывание Б. Паскаля по-прежнему весьма актуально. Оно актуально и в плане обоснования предположения бесконечности мира. Оно актуально также в плане необходимости совершения ценностно-смыслового выбора, инициированного признанием бесконечности мира.

Так, в частности, нетрудно убедиться в том, что невозможно сколько-нибудь убедительное специально-научное обоснование обсуждаемого предположения. Таким образом, здесь мы касаемся «научной составляющей» интересующего нас высказывания Б. Паскаля.

Кстати, здесь следует сделать одно существенное терминологическое замечание. Внимательный читатель заметит, что когда я говорю о попытках специально-научного обоснования рассматриваемого предположения, то я употребляю словосочетание «предположение (гипотеза) бесконечности Вселенной». А когда я говорю о его теологическом и (или) философском обосновании, то использую словосочетание «предположение бесконечности мира (универсума)». Дело тут в том, что в рассматриваемом плане предметом научного (предметом научной космологии в первую очередь) познания является именно Вселенная, а предметом теологического и философского познания в этом плане является мир (универсум). Таким образом, различия между понятиями «Вселенная» и «мир (универсум)» здесь не сугубо стилистические, но содержательные, категориальные.

Итак, невозможность эмпирического обоснования гипотезы бесконечности Вселенной, можно сказать, очевидна, поскольку знания, полученные на основе любых научных наблюдений, измерений и экспериментов, всегда относятся только к конечной области действительности. И дальнейший прогресс науки в этом отношении в принципиальном плане, разумеется, ничего не изменит. Поскольку в результате этого прогресса лишь возрастут размеры этой — всегда конечной — области, охваченной научными наблюдениями, измерениями и экспериментами. Так что дальнейшее развитие науки будет в этом плане

свидетельствовать только о том, что Вселенная имеет еще большие масштабы, чем представлялось на предшествующей стадии научного познания. Но никогда наука не засвидетельствует эмпирически, что Вселенная бесконечна. Так, размеры ныне наблюдаемой Вселенной составляют величину порядка десяти в одиннадцатой степени световых лет. Мы можем предположить, что будущее развитие космологии увеличит размеры наблюдаемой Вселенной, в какой угодно степени. Все равно эти размеры будут конечными.

В свою очередь, невозможность теоретического обоснования рассматриваемого предположения, как говорится, бросается в глаза. Дело в том, что такое обоснование предполагает возможность беспредельной экстраполяции некоторой уже построенной («обосновывающей») научной теории на всю бесконечную Вселенную. В наши дни на роль такого рода «обосновывающей» теории претендуют современные физические теории, в частности общая теория относительности и квантовая теория (см. об этом, например, [Грин]). Но такое обоснование сталкивается, как минимум, с двумя непреодолимыми преградами. Во-первых, опыт развития науки убедительно показывает некорректность беспредельной экстраполяции любой из уже имеющихся научных теорий. Иными словами, этот опыт убеждает, что каждая из научных теорий всегда имеет ограниченную область применимости. Во-вторых, несложно заметить, что такая — беспредельная — экстраполяция этой «обосновывающей» научной теории уже предполагает, что Вселенная в некотором смысле бесконечна. Иначе, как же (и где) мы будем ее беспредельно экстраполировать? Следовательно, это — теоретическое — обоснование гипотезы о бесконечности Вселенной содержит в себе логический круг (см. об этом подробнее [Финогентов 2023: 174—199]).

Итак, специально-научное обоснование гипотезы о бесконечности Вселенной, по всей видимости, невозможно.

Конечно, можно пытаться обосновывать предположение о бесконечности мира не только научным образом. Как было уже упомянуто, существуют интересные попытки теологического обоснования этого предположения. Правомерны также попытки философского обоснования бесконечности мира. Кратко говоря, эти попытки состоят в указании, что только бесконечный (точнее, неисчерпаемый) мир имеет свои собственные бытийственные основания таких фундаментальных феноменов, какими являются случайность, свобода, инновации и творчество. И, как уже отмечено, только многообразно бесконечный (неисчерпаемый) мир является субстанциональным, самодостаточным (см. [Там же: 245—260]). По всей видимости, именно философское обоснование является в данном случае наиболее адекватным и убедительным.

Обратимся теперь к обсуждению необходимости совершения ценностно-смыслового выбора, инициированного признанием бесконечности мира. Как мы знаем, признание Паскалем бесконечности мира, зафиксированное в его высказывании, обсуждаемом здесь, привело его ко многим, поистине судьбоносным для него мировоззренческим выводам. Это, в частности, вывод о ничтожестве человека. Это также вывод о том, что мир, по большому счету, непознаваем для человека. Это, наконец, вывод о том, что спасти человека может только всемогущий Бог. Насколько обоснованы эти фундаментальные для человека выводы? И действительно ли они вытекают из признания бесконечности мира?

Присмотримся чуть внимательнее к выводу о ничтожестве человека в бесконечном мире. Действительно, если признать конечность человека и поместить его в бесконечный (в сугубо количественном отношении) мир, то трудно будет не согласиться с таким выводом. В этом случае конечный человек просто

затеряется в бесконечном мире. И мы должны будем вслед за Паскалем воскликнуть: «Нас ужасает молчание этих бесконечных пространств!» Но, с другой стороны! Во-первых, ведь и сам Паскаль видел достоинство человека в том, что человек способен мыслить, что он в некотором смысле может своей мыслью охватить этот бесконечный мир. И в этом французский мыслитель, безусловно, прав! И в свете этого его тезис о ничтожестве человека представляется спорным. Во-вторых, бесконечный мир, в отличие от мира конечного, представляет человеку неограниченные возможности для развития, в том числе возможности для всё новых достижений в области познания (и преобразования) этого мира. В-третьих, только самодостаточный бесконечный (неисчерпаемый) мир отдает судьбу человека и человечества в их собственные руки. В то время как конечный мир, как уже было сказано, нуждается в Творце, и, следовательно, в конечном мире судьба человека и человечества по большому счету определяется именно Творцом. В-четвертых, неубедительным представляется предположение Паскаля, согласно которому человек должен пониматься как сугубо конечное существо. Можно выдвинуть предположение (и достаточно серьезно обосновать его!), в соответствии с которым человек не только конечен, но и бесконечен. И в таком случае можно говорить о некоей форме соизмеримости бесконечного (неисчерпаемого) человека и бесконечного (неисчерпаемого) мира. А такая соизмеримость может рассматриваться в качестве основания, по сути, беспредельных возможностей человека в деле познания бесконечного мира. Напомню, что ведь и сам Паскаль писал не только о бесконечности мира «в большом», но и о бесконечности мира «в малом».

Таким образом, вывод о ничтожестве человека не вытекает однозначно из предположения о бесконечности мира. По большей части такой вывод, на мой взгляд, обусловлен мировоззренческим выбором Б. Паскаля, а именно принятием им определенного варианта теистического мировоззрения. Кстати, и в рамках теистического мировоззрения утверждение о ничтожестве человека является спорным. Все-таки в теизме, в частности в христианском теизме, статус человека изначально очень высок. Ведь здесь, как хорошо известно, провозглашается, что человек сотворен по образу и подобию Божьему...

Разумеется, его мировоззренческий выбор определен многими причинами. И, конечно, здесь не место для детального их обсуждения. Я остановлюсь только на одной из них. Несколько упрощая, об этой причине можно сказать так: Паскаль поверил, что человека, помещенного в бесконечный мир, может спасти только всемогущий Бог. В общем-то, в такой позиции содержится своя экзистенциальная правда. Дело в том, что, как бы мы ни понимали бесконечность мира — сугубо количественно вслед за Паскалем, или как его многообразную количественную и качественную неисчерпаемость — человека и человечество в бесконечном мире рано или поздно ждет неизбежное небытие. Это — неизбежная судьба человека и человечества в таком мире (см. об этом подробнее [Финогентов 2020]). Поэтому человек и человечество в таком мире лишены Надежды: надежды на бессмертие, на вечную жизнь и т. п. Очевидно, что выдержать столь суровый приговор человеку и человечеству со стороны разума нелегко. Не выдерживает его и Паскаль. Не это ли обстоятельство в первую очередь и выражает анализируемое нами высказывание: «Меня ужасает вечное молчание этих бесконечных пространств!» И вот уже великий мыслитель, забыв о своем же утверждении, согласно которому достоинство человека состоит в том, что он мыслит (его широко известная метафора «мыслящего тростника»), приносит свой разум в жертву и обращается к «аргументам сердца». А сердце человека — это так

понятно и естественно — страстно желает полного и окончательного спасения и верит в такое спасение. Очевидно, что такое спасение человеку может дать только всемогущий и всеблагий Бог. Может быть, кто-то, не соглашаясь с верующим человеком, образно говоря, станет «бросать камни» в него, пытаясь лишить его Надежды. Но я так поступать, конечно, не буду. Я полагаю, что свобода мировоззренческого выбора является неотъемлемым и фундаментальным правом человека. И поэтому Б. Паскаль (и всякий другой человек) имеет право прислушаться к «аргументам своего сердца», поверить им и выбрать Надежду.

Понятно, что те, кто отдал приоритет «аргументам сердца», также не вправе навязывать свой мировоззренческий выбор тем, кто прислушивается к этим аргументам, но тем не менее отдает приоритет аргументам разума, тем, кто отказывается от надежды на бессмертие и вечную жизнь, тем, кто выбирает позицию «мужества быть смертным». Такую мировоззренческую позицию в своих предшествующих работах я назвал «трагическим гуманизмом» и полагаю, что она позволяет человеку и в многообразно бесконечном мире сохранить свое достоинство.

Кстати, есть некоторые основания полагать, что «аргументы сердца» так и не убедили до конца даже самого Б. Паскаля, что суровые аргументы разума по-прежнему не давали ему покоя. Я говорю об этом, имея в виду его знаменитое пари. Дело в том, что с помощью этого пари он пытается убедить колеблющегося человека, в том числе, видимо, самого себя, в том, что «ставка» на веру в Бога более рациональна, нежели «ставка» на безверие. Рассуждает при этом Паскаль примерно так. «Ставка» на безверие может привести человека к потере бесконечно ценной награды — спасения этого человека Богом. Как пишет в связи с этим сам Паскаль: «А ведь на кону вечная жизнь и вечное блаженство!» [Паскаль: 207]. Соответственно, «ставка» на Бога, полагает Паскаль, может обеспечить человеку это спасение. Следовательно, утверждает наш мыслитель, «ставка» на Бога более рациональна.

Очевидно, что это рассуждение Б. Паскаля справедливо только в том случае, если вероятность бытия Бога не равна нулю. Сам Паскаль в этом уверен и убежден, что разум по поводу бытия или небытия Бога ничего определенного сказать не может [Там же: 204, 205]. Однако, так ли это? На мой взгляд, можно достаточно убедительно, конечно, в рамках рационального подхода, показать, что бытие Бога, наделенного обычными для теизма качествами (всемогущество, всеведение и т. п.), несовместимо с признанием неисчерпаемости мира. Иными словами, здесь мы имеем дело с антиподом уже рассмотренного варианта конечного мира. Напомню, что такой мир не самодостаточен, что признание мира конечным предполагает его сотворенность, предполагает бытие Творца. Соответственно, признание мира многообразно бесконечным (неисчерпаемым) несовместимо с признанием бытия теистически понимаемого Бога. Такой — неисчерпаемый — мир самодостаточен, «обречен на существование», он принципиально плюралистичен, ему не свойственны единство и целостности и т. п. (см. об этом [Финогентов 2020]). А Бог теизма един, Он всегда держит под контролем мир, Им сотворенный. Для этого мир непременно должен обладать какими-то формами единства и целостности. Но неисчерпаемый мир, как уже было подчеркнуто, лишен этих качеств.

Только что сказанное показывает, что с этой — рациональной — точки зрения вероятность бытия Бога в неисчерпаемом мире (универсуме) равна нулю. Поэтому пари Паскаля в таком мире, по сути, беспредметно (см. об этом [Финогентов 2023: 67—84]). Любопытные критические суждения о пари Паскаля

содержатся также у Вольтера [Вольтер: 104—105] и А. Конта-Спонвиля [Конт-Спонвиль: 393—394]. В частности, эти мыслители указывают, что «биться об заклад» в вопросе веры во всемогущего Бога или неверия в Него просто неуместно. Вольтер, например, вполне справедливо пишет: соответствующее рассуждение Б. Паскаля «кажется немного неприличным и ребяческим; эта идея игры, выигрыша и проигрыша не подобает серьезности предмета» [Вольтер: 105].

Итак, обсуждая заинтересовавшее нас высказывание Б. Паскаля («Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств»), мы пришли к следующим выводам. Во-первых, нами показано, что это высказывание фиксирует эмоции и чувства (подавленности, бессилия, страха) Паскаля в связи с его признанием мира бесконечным. Во-вторых, нами подчеркнута, что обоснование предположения о бесконечности мира является многоплановой и сложной задачей. В-третьих, нами продемонстрировано, что это высказывание отражает весьма спорное убеждение Паскаля в ничтожестве человека в бесконечном мире. В-четвертых, нами обосновано, что указанные негативные эмоции, чувства и убеждения способствовали совершению Паскалем судьбоносного для него мировоззренческого выбора: выбора христианского мировоззрения в достаточно суровой для человека его интерпретации. В-пятых, нами было высказано и аргументировано предположение, согласно которому признание многообразной бесконечности (неисчерпаемости) мира делает, по сути, беспредметным пари Паскаля.

Список литературы / References

- Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
(Aristotle. Essays: in 4 vols, vol. 3. Moscow, 1981, 613 p. — In Russ.)
- Визгин В.П. Наука в ее истории: взгляд философа. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 696 с.
(Vizgin V.P. Science in its history: a philosopher's view, Moscow, 2020, 696 p. — In Russ.)
- Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1996. 560 с.
(Voltaire. Philosophical works, Moscow, 1996, 560 p. — In Russ.)
- Грин Б. До конца времен: Сознание, материя и поиск смысла в меняющейся Вселенной. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 548 с.
(Green B. Until the end of time: consciousness, matter and the search for meaning in a changing Universe, Moscow, 2021, 548 p. — In Russ.)
- Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М.: Логос. 2001. 288 с.
(Coire A. From a closed world to an infinite universe, Moscow, 2001, 288 p. — In Russ.)
- Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 с.
(Kont-Sponville A. Philosophical dictionary, Moscow, 2012, 752 p. — In Russ.)
- Паскаль Б. Мысли. СПб.: Северо-Запад, 1994. 574 с.
(Pascal B. Thoughts, St. Petersburg, 1994, 574 p. — In Russ.)
- Стрельцова Г.Я. Блез Паскаль. М.: Мысль, 1979. 237 с.
(Streltsova G.Ya. Blaise Pascal, Moscow, 1979, 237 p. — In Russ.)
- Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. 495 с.
(Streltsova G.Ya. Pascal and European culture, Moscow, 1994, 495 p. — In Russ.)
- Финогентов В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орёл: Каргуш, 2012. 334 с.
(Finogentov V.N. Tragic humanism: ontological, anthropological and axiological essays, Orel, 2012, 334 p. — In Russ.)
- Финогентов В.Н. К онтологии неисчерпаемого универсума. Орёл: Каргуш, 2020. 264 с.
(Finogentov V.N. On the ontology of the inexhaustible universe, Orel, 2020, 264 p. — In Russ.)

Финогентов В.Н. Будущее: наше и не наше: Философская мозаика. Орёл: Картуш, 2023. 300 с.
(Finogentov V.N. The future: ours and not ours: A philosophical mosaic, Orel, 2023, 300 p. — In Russ.)

ABOUT ONE STATEMENT BY BLAISE PASCAL

Valery N. Finogentov

Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin,
Orel, Russian Federation; v_fin@mail.ru

Abstract. The article discusses various aspects of B. Pascal's statement: "I am horrified by the eternal silence of these endless spaces". Special attention is paid to the consideration of three closely related components of the content of this statement: scientific, philosophical and theological. The discussion in the article allowed us to draw several conclusions. Firstly, it was shown that the statement in question captures Pascal's emotions and feelings (depression, powerlessness, fear) in connection with his recognition of the infinite world. Secondly, it was emphasized that substantiating the assumption of the infinity of the world is a multifaceted and difficult task. In particular, it was pointed out that its special scientific justification is, in fact, impossible. Thirdly, it was demonstrated that the statement under discussion reflects Pascal's highly controversial belief in the insignificance of man in the infinite world. Fourthly, it was proved that these negative emotions, feelings and beliefs contributed to Pascal making a fateful worldview choice for him: choosing a Christian worldview in a rather harsh interpretation for a person. Fifthly, it was suggested and argued that the recognition of the manifold infinity (inexhaustibility) of the world makes, in fact, Pascal's wager pointless.

Keywords: Pascal, infinity of the world, finiteness of the world, justification of the infinity of the world, ideological choice, Pascal's bet

For citation: Finogentov V.N. About one statement by Blaise Pascal, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 179—187.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 10.05.2024; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Финогентов Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, г. Орёл, Российская Федерация, v_fin@mail.ru

Finogentov Valery Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), professor of the Department of History, Philosophy and Russian language, Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russian Federation; v_fin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 188—196.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 188—196.

Научная статья

УДК 37.033/.036

DOI: 10.46726/И.2024.3.22

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Ксения Леонидовна Ерофеева

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина,
г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема экологического воспитания в аспекте эстетического восприятия природных и искусственных объектов. Отмечается, что формирование и воспитание экологического сознания, адекватного потребностям современного общества — одна из важнейших и сложнейших задач. Анализируются два подхода к пониманию предметного поля эстетики, вытекающих из концепций А. Баумгартена и Г. Гегеля. В свете глобальных экологических угроз констатируется актуальность концепции А. Баумгартена. Обосновываются выводы о том, что критерии эстетической оценки природных и технических объектов в условиях глобального экологического кризиса вытекают из принципов экологической целесообразности и оптимальности. В этой ситуации субъектами эстетической экспертизы и эстетического воспитания в сфере экологии могут быть лишь компетентные личности и группы из числа ученых, политиков, общественных активистов. В качестве цели и объекта воспитательного воздействия, направленного на эстетические аспекты экологического сознания, выступают как дети, так и взрослые, проявляющие незрелое экологическое сознание и поведение. Методы подобного воздействия могут быть эффективными только если они соответствуют индивидуальным особенностям воспитуемых. На макросоциальном уровне эти методы должны сочетать в себе принуждение и поощрение, включать механизмы общественного мнения, социального престижа, моды.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, экологическое сознание, культура, постиндустриальная цивилизация, природа, критерии эстетической оценки экологически значимых объектов, субъект эстетической экспертизы

Для цитирования: Ерофеева К.Л. Эстетические аспекты экологического воспитания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 188—196.

Формирование и воспитание экологического сознания, адекватного потребностям современного общества — одна из важнейших и, как показал опыт, сложнейших задач для педагогов всех уровней. Эта форма индивидуального и массового сознания не может базироваться лишь на рациональных и утилитарных основаниях. Для того, чтобы экологическое сознание заняло в структуре мотиваций субъекта ведущее место, необходима интериоризация его императивов на уровне эмоций и чувств. Воспитание же чувств (особенно у становящейся индивидуальности — ребенка, подростка) наиболее плодотворно и органично реализуется через эстетическое восприятие. Поэтому отдельной проблемой, имеющей как теоретическое, так и безусловное практическое значение стала проблема эстетических аспектов экологического сознания и воспитания.

Наиболее очевидны в этой области следующие вопросы: каковы критерии эстетической оценки природных и технических объектов в условиях глобального экологического кризиса; какие индивидуальные и коллективные субъекты эстетической экспертизы и эстетического воспитания в сфере экологии могут рассматриваться как общезначимые; кто выступает в качестве объекта воспитательного воздействия, и какие методы подобного воздействия могут считаться эффективными и морально-допустимыми?

Как известно, в философской традиции существует два подхода к пониманию предметной области эстетики как науки. Первый из них восходит к точке зрения самого автора термина «эстетика» Александра Баумгартена. Немецкий просветитель понимал эстетическое отношение как специфическую форму познания, по сути, отождествляя его с познанием чувственным. В духе своего времени он рассматривал этот вид как первичный и низший в сравнении с рациональным познанием. При таком видении проблемы в качестве объекта эстетического отношения может выступать весь мир или любой фрагмент реальности.

Второй подход связан с именем Георга Гегеля. Именно он стал на долгое время ведущим, возможно, благодаря авторитету этого мыслителя в XIX столетии, а скорее всего — из-за созвучности идеалам романтизма. Суть этого подхода — в сведении предмета эстетики лишь к области искусства, художественного творчества. В XX веке эта гегелевская традиция в целом сохраняется. Работы по эстетике Г. Гадамера, Х. Ортега-и-Гасета, Т. Адорно — почти исключительно работы об искусстве. При этом, в рамках марксистской философской традиции наблюдается и тенденция к преодолению гегелевского «узкого» подхода. Так, Д. Лукач, один из наиболее авторитетных представителей европейского марксизма, большое место в своей «Эстетике» отводит анализу становления искусства [Лукач]. При этом он подчёркивает, что начальные этапы культурного развития человечества синкретичны, и «общим материнским лоном» познавательной деятельности, религии, этики и эстетики (то есть всех форм человеческой духовности) служит обыденная жизнь, повседневность [Крутоус: 89]. Из подобного видения логически следует вывод о том, что эстетическим чувствам и оценкам подлежит вся повседневная жизнь, и шире — вся реальность. Именно такую трактовку находим, например, у Ю. Борева, который значительное место отводит эстетическому осмыслению иных сторон действительности и видов человеческой деятельности [Борев].

Представляется, что в XXI веке такое видение предметного поля «науки о прекрасном» стало еще более актуальным. По мере того, как усложняется социальная реальность, размываются границы собственно художественной деятельности и эстетической деятельности в утилитарных, игровых и иных ее формах. Поэтому интерес к позиции А. Баумгартена в эстетике вполне оправдан. Не случайно современный американский исследователь Р. Шустерман сетует, «почему рамки пост-баумгартеновской эстетики были сведены от широкого поля чувственного познания к узким границам изучения прекрасного и изящного искусства» [Шустерман: 384—385]. Среди российских философов, пытающихся расширить проблемное поле эстетики, следует отметить представителей Петербургской школы. Эти авторы направляют внимание на сенсорнику и кинетику в эстетическом восприятии. Они полагают, что «удельный вес» рационального в трактовке эстетических явлений и переживаний слишком велик. В.В. Савчук отмечает, что эстетика как дисциплина явилась реакцией на господство картезианского рационализма в европейской культуре [Савчук: 345]. Другой петербургский автор, В.В. Прозерский полагает, что «в европейской

философии Нового времени господствовал оптикоцентризм, в рамках которого мыслил и Баумгартен». Он утверждает, что в итоге эстетика была ограничена «сферой дистантных когнитивных чувств — зрением и слухом», и утверждает, что «теперь на долю эстетики выпадает задача проникнуть в *телесную чувствительность*», где были бы подключены все прочие чувства — осязание, обоняние, вкус [Прозерский: 95—97].

Подобный подход представляется исключительно плодотворным для эстетического воспитания субъекта экологического сознания и поведения. Любовь к природе, ее эстетическое восприятие как прекрасного и возвышенного формируется с детскими впечатлениями. Но эти впечатления отнюдь не исчерпываются усвоенными сентенциями, заученными утверждениями наставников. Они оказываются действенными только если подкреплены всем чувственным опытом, памятью тела. Подобно тому, как любовь и привязанность ребенка к матери вырастает из вкусовых, тактильных ощущений и лишь позднее превращается в духовное чувство, любовь к родной природе вырастает из запахов, вкусов, образов и звуков, дающих с раннего детства самые устойчивые воспоминания. Непосредственное общение с природными объектами, причем общение не только созерцательное, но и действенное, активное, является необходимым элементом воспитания ребенка вообще и экологического воспитания в особенности. Это хорошо понимали лучшие педагоги прошлого, такие как, например, В. Сухомлинский. В эпоху глобальных экологических проблем, которые за последние годы еще более обострились, вопрос о критериях эстетической оценки природных и технических объектов можно решить только в связи с вопросом об экологической целесообразности

Мысль о том, что красота, хотя и косвенно, связана с пользой, высказывали многие мыслители от Сократа до Ивана Ефремова. Но в свете экологического кризиса она актуальна как никогда. Решить же, что в конкретной ситуации является полезным для человека и природной среды, способны только специалисты. Из этого следует, что экспертом в ситуации эстетической оценки экологически значимых объектов (как природных, так и искусственных) может являться только сообщество ученых-специалистов. Такую точку зрения разделяют представители канадской экологической школы. Наиболее известный среди них — А. Карлсон — утверждает, что без элементарных знаний естественных наук: геологии, зоологии, ботаники, почвоведения невозможно понимание того, что прекрасно, а что безобразно в природе [Carlson]. Он приводит ссылки на биографии выдающихся естествоиспытателей, которые были не только исследователями, но одновременно ценителями красоты природных объектов и явлений, которые они изучали.

Важно подчеркнуть, что каждый индивид как субъект экологического сознания располагает собственным потенциалом эстетических реакций на экологически значимые явления и объекты. Эстетическое измерение человеческого бытия предполагает несравненно большую долю субъективного, нежели два других измерения — этическое и когнитивное. Объективность представлений о добре как идеале в этической сфере обусловлена тем, что мораль выражает социальную природу человека. Познавательные способности и потребности также реализуются у различных индивидов сходным образом. Ведь истина как идеал в сфере познания — это именно знание общезначимое. Но эстетическая составляющая нашей духовной жизни выражает нашу индивидуальность, уникальность каждой конкретной человеческой субъективности со всеми ее рациональными и иррациональными особенными свойствами. Поэтому и формы

педагогического воздействия в процессе экологического воспитания необходимо искать исходя из индивидуальных особенностей воспитуемого. Однако субъективность эстетических вкусов, оценок, идеалов не следует абсолютизировать. В данной сфере человек обнаруживает и свою родовую, общечеловеческую сущность. Более того, в общественных эстетических вкусах наблюдается следующая тенденция: *чем менее развит индивид в эстетическом отношении, тем легче он следует за модой, проявляя эстетический конформизм. И напротив, субъект эстетического отношения тем более самостоятелен в оценках и предпочтениях, чем разнообразней его эстетический опыт.* Но в настоящее время, в условиях массовой культуры, люди с развитым и самостоятельным эстетическим вкусом представляют собой незначительное меньшинство. Поэтому, вырабатывая стратегию воспитания массового экологического сознания и его эстетических компонентов, необходимо активно использовать феномены подражания и моды.

Объективные потребности общества в сохранении природы требуют рассматривать в качестве цели и объекта экологического воспитания не только детей и подростков. Взрослые люди, в том числе — те, от кого зависит экологическая политика, нуждаются в просвещении и воспитании со стороны ученых — климатологов, биологов, медиков, социологов, психологов, философов. С другой стороны, сами политики, в том числе высшего уровня власти, могут представлять собой силу, определяющую общественное сознание в сфере отношения к природе. Белорусский автор П.С. Карако приводит интересные примеры экологических инициатив политиков, включая президента США Л. Джонсона. В 1965 году он направил в конгресс США особое послание, в котором отмечается значение красоты природы в жизни народа: «Веками американцы черпали силу и вдохновение в красоте своей страны». Далее в документе констатировалось, что существование природной красоты поставлено под угрозу. Автор статьи отмечает, что этот документ и ряд последующих политических инициатив «стали теоретической основой общественного движения за сохранение красоты природы в США» [Карако: 13]. Воспитательное воздействие на детей и взрослых людей с незрелым экологическим сознанием требует сходных, часто даже тождественных методов. Но чем раньше индивид узнает и почувствует природу как единый организм, как живое существо, нуждающееся в нашей защите, тем с большей вероятностью такое воздействие принесет свои плоды.

Экология имеет дело преимущественно с живыми объектами — отдельными организмами (растениями, животными), либо с целыми их сообществами (биоценозами, популяциями и т. п.). Поэтому эстетическое отношение к ним должно прививаться в неразрывном единстве с моральным отношением. Моральные принципы и убеждения формируются как результат воспитания и всего жизненного опыта индивида. Но задатки его моральных качеств являются врожденными. В частности, от рождения не одинаковы способности к эмпатии, состраданию, жалости. От того, насколько выражены эти способности у индивида, зависит и его способность эстетически воспринимать растение, животное, либо целостную природную систему. Не случайно И. Кант отмечал, что чуткость к красоте пейзажа проявляют именно добрые люди [Кант: 315]. В одном случае восприятие такого объекта как красивого/прекрасного будет лишено моральной окраски, аналогично восприятию живописного полотна или статуи. В другом — индивид может восхищаться красотой этого живого объекта по аналогии с эстетическим восприятием человека — его внешности, пластики движений и т. п.

И это восхищение будет сопровождаться вниманием, заботой, бережным отношением, сочувствием.

Если же врожденной способности к состраданию не наблюдается, то зачастую даже воспитательные усилия оказываются неэффективными. Нередко приходится наблюдать, что красивый/прекрасный предмет вызывает в ком-то стремление разрушить, испортить его. Это касается и произведений искусства, и природных объектов, и, к сожалению, людей. Очевидно, в основе этих проявлений вандализма и садизма лежат как биологические, так и социальные причины. О них в свете данной темы нет оснований говорить подробно. Но важно помнить, что увещания и порицания не всегда эффективны. Природный, экологически значимый объект беззащитен перед современным человеком, вооруженным всем арсеналом искусственных средств. Беззащитность, как убедительно показывает психология, провоцирует агрессию и деструкцию. Поэтому деструктивное стремление одних представителей человеческого сообщества должно компенсироваться охранительным поведением, действенной, активной защитой со стороны других. Амбивалентность человека как вида, его моральных качеств и эстетических вкусов нагляднее всего демонстрирует именно его отношение к природным объектам. На уровне простых жизненных наблюдений большинство из нас угадывает, что жестокость по отношению к животным напрямую связана с жестокостью по отношению к людям, в особенности — к слабым и беззащитным. Если такая жестокость у подобного субъекта не проявляется, то, скорее всего, это происходит лишь из страха перед наказанием. Воспитание посредством наказаний в эстетической сфере едва ли приемлемо. Но наказания за экологические преступления необходимы, и они предусмотрены законом. По нашему убеждению, законодательство в этой сфере и, в особенности, система контроля за исполнением закона нуждаются в существенной корректировке. Но этот вопрос выходит за рамки данной темы исследования. В контексте же наших размышлений важно подчеркнуть, что существует действенная форма морального порицания. Любой, даже морально неразвитый индивид испытывает психологический дискомфорт, если получает осуждение в общественном мнении. Однако это происходит лишь при условии, что общественное мнение о важности экологической проблематики в обществе уже сформировано, и призывы беречь природу не остаются на уровне формальных идеологических деклараций. Осуждение за причиняемый природе вред может быть высказано и в форме эстетических оценок — «безобразное поведение», «некрасивый поступок».

Кроме жестокости существует и экологическое безразличие, экологическая безграмотность. Именно такой тип «вредителя природы» является наиболее распространенным. Внутри него можно выделить две разновидности: человек, чье повседневное существование напрямую зависит от природы, и человек, существующий в урбанистической реальности. В первом случае человек, как это было и в доиндустриальном обществе, озабочен лишь собственным непосредственным выживанием. Он, как правило, не образован и не осведомлен о реальном масштабе современных экологических проблем. Поэтому воспитание такого разряда людей возможно лишь как просвещение в сочетании с улучшением условий их жизни. На это, в частности, направлены проекты благоустройства малых городов и поселений, осуществляемые в нашей стране, проекты благоустройства экологически и социально неблагополучных регионов в ряде развивающихся стран.

Если же индивид сформировался и с детства существует в урбанистической среде, для его экологического сознания возникает другая опасность. Нередко он не воспринимает природный объект как форму живого, не видит для себя разницы между растущим деревом и пластмассовым предметом мебели, животным, о котором нужно заботиться и игрушкой. Воспитание если не любви, то уважения к природе в этом случае полезно строить на ценности социального престижа. Особенно важно повысить престиж всех видов творческой деятельности по преобразованию природы. Как писал Г. Гадамер, «природа не исчерпывает всех возможностей изобразительной деятельности, оставляя лакуны для формотворчества человеческого духа» [Гадамер: 335]. Это утверждение можно отнести не только к формотворчеству в сфере традиционных видов искусства. Человеческий дух может творить и на стыке утилитарного с художественным. Это явление давно известно и носит название прикладного искусства. Но кроме известных, традиционных прикладных его форм (предметы быта, одежда, мебель и т. п.) необходимо актуализировать искусство селекционера-ботаника и селекционера-зоолога, садовода, ландшафтного дизайнера. Именно эти виды деятельности сегодня должны рассматриваться как наиболее ценные с эстетической и практической точек зрения [Ерофеева: 167]. Еще в первой половине XX века Н.А. Бердяев с грустью констатировал: «Культура в период своего цветения была еще окружена природой, любила сады и животных» [Бердяев: 149]. Возникает вопрос: сегодня, спустя почти сто лет после написания этих строк, существует ли надежда на новый период «цветения культуры», или она безвозвратно вошла в унылую эпоху «цивилизации» (в терминологии О. Шпенглера)? Нетронутые человеческим вмешательством природные объекты тем чаще воспринимаются экологически воспитанной личностью как прекрасные, чем реже они встречаются в процессе экспансии общества в дикую природу. Но не менее сильное положительное эстетическое воздействие оказывают природные объекты, преобразованные сознательной деятельностью экологически грамотных людей. Современной цивилизации, с ее явным «перекосом» в сторону искусственного, исключительно важны «оазисы» естественных экосистем. С другой стороны, системы, в которых оптимальные экологические решения создали гармоничное сочетание естественного и искусственного, также воспринимаются как прекрасные.

Эстетические оценки животных и растений менялись в истории не менее радикально, чем эстетические оценки внешнего вида людей. Так, еще в XIX веке большинство морских животных и насекомых принято было определять в категориях безобразного, ужасного, низменного [Соловьев]. Ландшафт также оценивается как эстетически привлекательный и даже прекрасный с диаметрально противоположных позиций. Руссоистская эстетика интерпретирует его как прекрасный фрагмент естественной природы. Эстетика классицизма, напротив, провозглашает идеалом фрагмент природы, преобразованный (порой до неузнаваемости) разумной волей и мастерством людей. Но в обоих случаях ландшафт признается эстетически ценным/прекрасным, лишь если он обладает разнообразием, гармонией элементов, если ему присуще единство, целостность. Из этого видно, что при восприятии природного объекта работают приблизительно те же критерии, что применимы к искусству как художественному творчеству.

В настоящее время первая тенденция представлена мало. Примеры подобного возвращения эстетических вкусов «назад к природе» уже имеются (например, ансамбль Зарядья в Москве), но они пока не встречают желаемого эстетического отклика. Вторая тенденция доминирует в урбанистической реальности по всему миру и выражает себя во все более разнообразных формах.

Как правило, эти формы фундированы дорогостоящими технологическими решениями — такими как Торговый комплекс в Сингапуре, «зеленые» небоскребы в Милане, крыши-сады в Чикаго. Представляется, что в современных условиях необходимо сочетать оба названных подхода. Сохранять фрагменты нетронутой, девственной природы, безусловно, необходимо с утилитарной точки зрения. Как подчеркивают авторы коллективной монографии «Эстетика природы», «Заповедники ... сохраняют нам биологически ценные виды и уникальные памятники природы», но не менее важно, что они представляют для нас «эстетический эталон». Также отмечается, что человеку необходима «презумпция эстетического совершенства природы» [Эстетика природы: 80]. В этой же работе положительно интерпретируется и идеал преображенной человеческим творчеством природы: «У. Моррис в своих “Новостях ниоткуда” рисует картину утопического города-сада, даже больше того, его мечтой была вся Англия-сад. В отличие от романтиков, Моррис искал выхода не в так называемой дикой природе, а в прирученной, не в идее леса, скал, океана, а в идее сада — этой промежуточной дружественной нам природе» [Там же: 45]. Если две названные тенденции в эстетическом освоении природной среды будут сосуществовать — будет достигнута возможность индивидуального подхода в эстетическом воспитании экологического сознания. Однако в современной действительности на Земле едва ли найдутся природные объекты, не затронутые деятельностью человека. Как утверждает А.Ю. Гусева, «экологическая эстетика стремится к поддержанию природных форм, имитируемых внутри человеческой техногенной среды. Иначе говоря, даже те естественные объекты, которые сохранились внутри такой среды, продолжают существовать только как своего рода «протез» природы, поскольку их существование специально поддерживается, «разрешается» человеком (в соответствии с идеей В.И. Вернадского о ноосфере как преобразованной человеческой деятельностью поверхности планеты). В связи с этим в аспекте инструментальном «превращенность» экологической эстетики проявляется именно через попытки «сохранить» или «восстановить» некую «первичную» природную реальность, в сочетании с достаточно очевидным пониманием того, что это «исходное состояние» не просто невозстановимо, но и представляет собой некую утопию. Вероятно, именно подобная противоречивость прикладных установок экологической эстетики может оказаться импульсом для ее развития» [Гусева: 213]. С последним оптимистическим выводом автора хотелось бы согласиться.

Итак, можно сделать следующие выводы. Критерии эстетической оценки природных и технических объектов в условиях глобального экологического кризиса вытекают из принципов экологической целесообразности и оптимальности. Это обусловлено важностью экологических угроз для человечества и всего живого на Земле. В этой ситуации субъектами эстетической экспертизы и эстетического воспитания в сфере экологии могут быть лишь компетентные личности и группы из числа ученых, политиков, общественных активистов. В качестве цели и объекта воспитательного воздействия, направленного на эстетические аспекты экологического сознания, выступают как дети, так и взрослые, проявляющие незрелое экологическое сознание и поведение. Методы подобного воздействия могут быть эффективными, только если они соответствуют индивидуальным особенностям воспитываемых. На макросоциальном уровне эти методы должны сочетать в себе принуждение и поощрение, включать механизмы общественного мнения, социального престижа, моды.

Список литературы / References

- Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147—162.
(Berdyayev N.A. Man and machine, *Questions of philosophy*, 1989, no. 2, pp. 147—162. — In Russ.)
- Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
(Borev Yu.B. Aesthetics, Moscow, 2002, 511 p. — In Russ.)
- Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
(Gadamer G. The Relevance of the beautiful, Moscow, 1991, 367 p. — In Russ.)
- Гусева А.Ю. Экологическая эстетика как превращенная форма эстетики природы // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 3 (20). С. 209—213.
(Guseva A.Yu. Ecological aesthetics as a transformed form of aesthetics of nature, *Society. Environment. Development*, 2011, no. 3, pp. 209—213. — In Russ.)
- Ерофеева К.Л. Архетип сада в культуре и задачи экологического воспитания // Состояние и перспективы электро- и теплотехнологии (Бенардосовские чтения): материалы Международной (XX Всероссийской) научно-технической конференции. Иваново: ИГЭУ, 2019. С. 166—168.
(Erofeeva K.L. The archetype of the garden in culture and the tasks of environmental education, *State and Prospects of Electrical and Thermal Technology (Benardosov Readings): Materials of the International (XX All-Russian) Scientific and Technical Conference*, Ivanovo, 2019, pp. 166—168. — In Russ.)
- Кант И. Критика эстетической способности суждения // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 201—379.
(Kant I. Critique of the aesthetic faculty of judgment, *Kant I. Works in 6 vols*, vol. 5, Moscow, 1966, pp. 201—379. — In Russ.)
- Карак П.С. Экологическая эстетика: становление, сущность и роль в оптимизации социоприродных взаимоотношений // Философские науки. 2010. № 2. С. 31—46.
(Karako P.S. Ecological aesthetics: formation, essence and role in optimization of socio-natural relationships, *Philosophical sciences*, 2010, no. 2, pp. 31—46. — In Russ.)
- Крутоус В.П. Эстетическая сумма Дьердя Лукача // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 2012. № 2. С. 85—99.
(Krutous V.P. Aesthetic summa of György Lukacs, *Bulletin of Moscow State University. Series: Philosophy*, 2012, no. 2, pp. 85—99. — In Russ.)
- Лукач Д. Своеобразие эстетического: в 4 т. М.: Прогресс, 1985—1987.
(Lukacs D. The Peculiarity of the Aesthetic: in 4 vols, Moscow, 1985—1987. — In Russ.)
- Прозерский В.В. Значение эстетики Баумгартена для теории телесной сенситивистики // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2 (44), ч. 4. С. 95—97.
(Prozersky V.V. The significance of Baumgarten's aesthetics for the theory of bodily sensitivism, *International Research Journal*, 2016, no. 2, pt. 4, pp. 95—97. — In Russ.)
- Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+, 2012. 416 с.
(Savchuk V.V. Topological reflection, Moscow, 2012. 416 p. — In Russ.)
- Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 351—389.
(Soloviev V.S. Beauty in Nature, *Soloviev V.S. Works: in 2 vols*, vol. 2, Moscow, 1988, pp. 351—389. — In Russ.)
- Шустерман Р. Прагматическая эстетика. Живая красота. Переосмысление искусства. М.: Гуманитарное знание, 2012. 408 с.
(Shusterman R. Pragmatic aesthetics. Living beauty. Rethinking art, Moscow, 2012, 408 p. — In Russ.)

Эстетика природы / под ред. К.М. Долгова. М.: ИФ РАН, 1994. 230 с.
(Aesthetics of nature, ed. by Dolgov K.M., Moscow, 1994, 230 p. — In Russ.)

Carlson A. Nature, Aesthetics, and Environmentalism: From Beauty to Duty, New York: Columbia University Press, 2008, 472 p.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 02.09.2024.

AESTHETIC ASPECTS OF ECOLOGICAL EDUCATION

Ksenia L. Erofeeva

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin,
Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of environmental education in the aspect of aesthetic perception of natural and artificial objects. It is noted that the formation and education of environmental awareness adequate to the needs of modern society is one of the most important and complex tasks. Two approaches to understanding the subject field of aesthetics, arising from the concepts of A. Baumgarten and G. Hegel, are analyzed. In light of global environmental threats, the relevance of A. Baumgarten's concept is stated. The conclusions are substantiated that the criteria for aesthetic evaluation of natural and technical objects in the context of the global environmental crisis follow from the principles of environmental feasibility and optimality. In this situation, only competent individuals and groups from among scientists, politicians, and public activists can be subjects of aesthetic examination and aesthetic education in the field of ecology. Both children and adults who exhibit immature environmental awareness and behavior act as the target and object of educational influence aimed at the aesthetic aspects of environmental awareness. Methods of such influence can be effective only if they correspond to the individual characteristics of those being educated. At the macro social level, these methods must combine coercion and encouragement, include mechanisms of public opinion, social prestige, and fashion.

Keywords: aesthetic education, ecological consciousness, culture, post-industrial civilization, nature, criteria for aesthetic assessment of ecologically significant objects, subject of aesthetic expertise

For citation: Erofeeva K.L. Aesthetic aspects of ecological education, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 188—196.

Информация об авторе / Information about the author

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Erofeeva Ksenia Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russia, xenia.erofeeva@mail.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2024. Вып. 3**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреенова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андрееновой*

Дата размещения на сайте 20.09.2024.
Уч.-изд. л. 15,5. Объем 4,2 МБ.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ – 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ – 2 ВЫПУСКА**
- **ЭКОНОМИКА – 2 ВЫПУСКА**

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год